

Министерство образования и науки Российской Федерации

Уральский государственный экономический университет

А. В. Трофимов, Л. А. Коноплева

ПОЛИТОЛОГИЯ

**Часть I
Темы 1–5**

Екатеринбург
2010

Министерство образования и науки Российской Федерации

Уральский государственный экономический университет

Центр дистанционного образования

А. В. Трофимов, Л. А. Коноплева

ПОЛИТОЛОГИЯ

Часть I

Темы 1–5

Рекомендовано

Учебно-методическим советом

Уральского государственного экономического университета
в качестве курса лекций

Екатеринбург
2010

УДК 32.001

ББК 66.0

Т 76

Проект поддержан РГНФ

Рецензенты:

Кафедра истории

Российского государственного

профессионально-педагогического университета

Кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и политологии

Уральской академии государственной службы

В. И. Цепилова

Ответственный за выпуск

Директор Центра дистанционного образования

Уральского государственного экономического университета

В. Е. Кучинская

Трофимов, А. В.

Т 76 Политология [Текст] : курс лекций : в 2 ч. / А. В. Трофимов, Л. А. Коноплева ; [отв. за вып. В. Е. Кучинская] ; М-во образования и науки РФ, Урал. гос. экон. ун-т, Центр дистанционного образования. – Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2010. Ч. I. Темы 1–5. – 281 с.

УДК 32.001

ББК 66.0

© Трофимов А. В., Коноплева Л. А., 2010

© Уральский государственный
экономический университет, 2010

© Центр дистанционного образования, 2010

Содержание

Тема 1. Политология как наука.....	4
1.1. Предмет и основные парадигмы политической науки	4
1.2. Методы политологии. Функции политологии.....	53
<i>Контрольные вопросы и задания</i>	<i>58</i>
Тема 2. История мировой политической мысли	60
2.1. Цивилизационно-этическая парадигма.....	60
2.2. Теологическая парадигма.....	75
2.3. Национально-экономическая парадигма	81
2.4. Политическая мысль в России	112
2.5. Современные политические теории	134
<i>Контрольные вопросы и задания</i>	<i>176</i>
Тема 3. Власть как социально-политический феномен.....	178
3.1. Сущность, основания и ресурсы власти, ее легитимность.....	178
3.2. Современные концепции власти	198
<i>Контрольные вопросы и задания</i>	<i>203</i>
Тема 4. Политическая система общества.....	204
4.1. Понятие и функции политической системы общества.....	204
4.2. Структура и типы политических систем общества.....	221
<i>Контрольные вопросы и задания</i>	<i>240</i>
Тема 5. Государство	242
5.1. Понятие и сущность государства. Теории происхождения государства	242
5.2. Типология государственного устройства	266
5.3. Правовое государство и гражданское общество	271
<i>Контрольные вопросы и задания</i>	<i>280</i>

Тема 1

Политология как наука

1.1. Предмет и основные парадигмы политической науки.

1.2. Методы политологии. Функции политологии.

1.1. Предмет и основные парадигмы политической науки

В современный язык понятие «политика» пришло из древнегреческого – еще в IV веке до н.э. Аристотель написал книгу «Политика» (*Politica*) – и традиционно означает государственные и общественные дела, сферу деятельности, связанную с отношениями между людьми, социальными группами, народами, нациями и государствами.

Политика – это сознательная деятельность в политической сфере общества, которая направлена на достижение, удержание и реализацию власти. Как самостоятельная сфера общественной жизни политика включает в себя отношения между ее субъектами (индивидами, социальными слоями (группами), классами, партиями, движениями и пр.), властно-управленческую и организаторскую деятельность и поведение людей, их социально-политические интересы, потребности, мотивы и традиции, функционирование (работу) политических институтов и организаций, политические идеи и взгляды.

Термин «политика» обычно употребляется в нескольких основных смыслах. Можно выделить (французский политолог Ж.-М. Данкэн) три аспекта понимания и употребления этого слова:

1) **политика – управление.** Понятие «политика» в данном случае обозначает деятельность государственной власти (прави-

тельства) по решению конкретной проблемы в той или иной сфере общественной жизни: так, выделяются финансовая, промышленная, социальная, энергетическая и т.д. политика;

2) **политика – стратегия.** В этом значении политика означает долгосрочные цели и задачи (курс), реализуемые государственной властью, политической партией, группой лиц и т.п. Нередко нам приходится слышать выражения: политика такой-то партии, политика правительства и т.д.;

3) **политика – ценностное суждение,** содержащее в себе конкретную оценку обществом и гражданами действий государственной власти и других субъектов политической системы: моральная или аморальная, хорошая или плохая политика.

Политика представляет собой многообразный мир общественных отношений, человеческой деятельности, поведения, ориентаций, взглядов и разнообразных связей между людьми по поводу власти и по конкретным вопросам управления обществом. Основными факторами политики выступают интересы социальных (этнических) групп, которые соответственно выражают политические организации, институты, движения и лидеры. Мир политики – сложная, многоуровневая и отличающаяся многообразием форм система, охватывающая власть и властные отношения, государственную и политическую организацию общества и весь комплекс политических институтов. Она включает в себя множество сфер, таких как международная, межнациональная, государственно-правовая, партийная, избирательная, а также механизмы принятия решений, политический процесс, политические отношения, политическую культуру, политическое сознание, политические коммуникации и др.

Политика как деятельность охватывает комплекс взаимосвязанных явлений и процессов:

организованные действия социальных групп и представляющих их учреждений власти по управлению общественной жизнью;

общественные отношения между социальными группами и сообществами людей по поводу государственной власти, ее завоевания, удержания и использования;

научно обоснованную теорию, ориентирующую политику, определяющую ее цели, стратегию, тактику;

политическую идеологию, совокупность идеологических ценностей и норм;
профессиональное политическое руководство.

Подходы к анализу политики как общественного явления:

политика как деятельность. Главное внимание уделяется политической практике, деятельности политических институтов, отдельных социальных групп;

политика как наука включает в себя прежде всего теоретические разработки, различного рода политические документы, методологические основы;

политика как искусство – искусство управления, осуществления власти.

Для обозначения же границ мира политики, ее истоков и составных частей (компонентов) используется понятие «политическая сфера жизни общества».

Политическая сфера – особая сфера деятельности общества, в которой лежат истоки политической деятельности людей во всем ее многообразии и развитии, реализуются политические интересы классов, других социальных слоев и групп, наций, народностей, отдельных людей в форме политических отношений, действий и поступков (поведения).

Политика и мораль. Как неизменно отмечают теоретики и практики политики со времен Н.Макиавелли, впервые «разделившего» политику и мораль, главным ее принципом является эффективность, и зачастую действует принцип «цель оправдывает средства». При этом следует помнить о том, что полный аморализм и отказ от морали также недопустимы. Это связано со следующими обстоятельствами:

1) общество без уважения к элементарным нравственным законам и правилам не сможет нормально функционировать и развиваться, распадется и придет к самоистреблению;

2) абсолютно безнравственная власть рано или поздно неизбежно потеряет поддержку членов общества;

3) важным стимулом общественного развития является стремление к определенному социальному идеалу, основанному на духовно-нравственных ценностях (в качестве таких идеалов могут выступать «Великая Россия», справедливое общество, национальное достоинство и др.).

Основная функция политики – интеграция различных сфер общественной жизни, обеспечение целостности общества и политической стабильности посредством нахождения баланса интересов различных сил.

Совокупность знаний о политике представлена в политических науках. Политология – это наука о политической власти и управлении, о закономерностях и особенностях развития политических отношений и процессов, функционирования политических институтов и систем, политического поведения и деятельности людей в различных цивилизационно-культурных и временных измерениях. Это единая, интегральная наука о политике, ее взаимодействии с личностью и обществом.

После 1945 г. политическая наука получила международное признание. Это было вызвано прежде всего созданием в 1949 г. при ЮНЕСКО Международной ассоциации политической науки, коллективными членами которой выступают национальные ассоциации (хотя существует и индивидуальное членство).

Национальные ассоциации политической науки после Второй мировой войны появились во многих странах (так, в 1949 г. была образована Французская ассоциация политических наук). Увеличивается число специализированных политологических журналов (с 1941 г. издается «Журнал политических исследований» в Испании, а с 1951 г. выходит «Французский журнал политической науки»).

За политической наукой основательно закрепляется статус учебной дисциплины, преподаваемой в западных университетах. Быстро растут политологические исследования. Идет процесс интеграции и систематизации этих исследований. Так, в 1970 г. был создан Европейский консорциум политических исследований, объединяющий в настоящее время более 100 университетов, исследовательских центров и т.п.

Трактаты, посвященные политической науке, за редким исключением, становятся теперь результатом работы больших коллективов авторов и имеют внушительный объем: в 1975 г. под редакцией Ф. Гринштейна и Н. Полби опубликовано восьмитомное «Руководство по политической науке», а в 1985 г. вышел в свет четырехтомный «Трактат по политической науке» под редакцией Мадлен Гравитц и Жана Лека. В 1980 г. началось третье издание многотомного «Трактата по политической науке» французского правоведа и политолога Ж. Бюрдо.

В послевоенный период сообщество политологов принимает попытку уточнить предмет политической науки. В 1948 г. в Париже по инициативе ЮНЕСКО был проведен международный коллоквиум по вопросам политической науки, выделены следующие направления исследований:

1) политическая теория:

- а) политическая теория;
- б) история политических идей;

2) политические институты:

- а) конституция;
- б) центральное управление;
- в) региональное и местное управление;
- г) публичная администрация;

- д) экономические и социальные функции управления;
- е) сравнительное изучение политических институтов;

3) партии, группы и общественное мнение:

- а) политические партии;
- б) группы и ассоциации;
- в) участие граждан в управлении и администрации;
- г) общественное мнение;

4) международные отношения:

- а) международная политика;
- б) политика и международные организации;
- в) международное право.

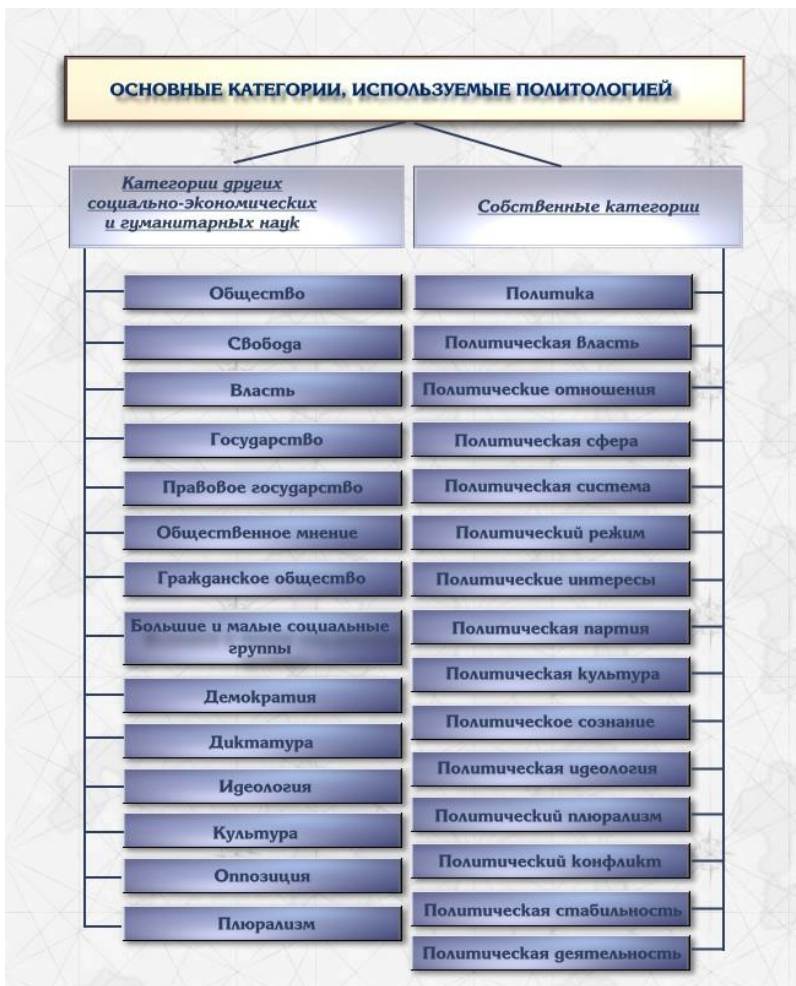
Эксперты ЮНЕСКО определили предмет политической науки эмпирически, на основе обобщения существовавшей тогда практики политологических разработок. Теоретически решить этот вопрос оказалось сложнее. В настоящее время в политической науке отсутствует однозначное определение ее предмета. Это объясняется тем, что политика, «политический универсум» – совокупный предмет политической науки – не является изначально заданной и четко ограниченной областью. По мнению французского правоведа и политолога Ж. Бюрдо, политическая наука не имеет пределов, так как «политический коэффициент влияет на все виды человеческой деятельности».

На теоретическом уровне существуют несколько распространенных подходов к пониманию политики.

Для одних политологов ее сферу составляет все то, что относится к власти. Так, для Ж. Бюрдо предмет политической науки – «универсум, поляризованный феноменом власти».

Другие политологи признают постоянной величиной в политической реальности феномен господства. Например, немецкий политолог М. Хеттих определяет политику как «основанное на господстве всеобъемлющее регулирование и формирование общественной жизни».

Наиболее древней и формальной является концепция, согласно которой «политический универсум» определяется государством. Такой взгляд на проблему опирается прежде всего на этимологию слова «политический» (от древнегреч. *polis*, что может быть переведено и как государство). Этой точки зрения придерживался французский правовед и политолог М. Прело, для которого политическая наука – это «знание всего государства».

В 80-е гг. XX в. наметилась тенденция исключить из сферы теоретического рассмотрения политологов классический вопрос о предмете политической науки. Так, некоторые французские авторы (М. Гравитц, Ж. Лека) считают, что показателем науки больше не является наличие строго очерченного предмета исследований, жизненность политической науки определяется практической их значимостью.

Множественность и качественная разнородность областей политического анализа обусловили методологическое разнообразие современной западной политической науки.

Политологи предпринимали попытки найти наиболее эффективный способ изучения политических явлений. На эту роль претендовал бихевиоризм (от англ. *behaviour* – поведение). В 1950–1959 гг. бихевиоризм стал главным методологическим направлением в американской политологии, оттеснив исторические, философские, юридические и описательные институциональные исследования.

Политологи бихевиористской ориентации интенсивно изучали поведение людей, преследующих свои политические цели, причем приоритет отдавался сбору и обработке эмпирических данных в ущерб интерпретации и теоретическому обобщению полученных результатов. Это объяснялось попыткой создать объективную науку путем отделения фактологических исследований от рассуждений о должном. Широко использовались количественные методы анализа (опросы, анкетирование, интервьюирование и т.п.). Такие методы получили наибольшее применение в тех областях исследования, которые поддаются измерению: голосование, участие избирателей в выборах, общественное мнение, политические партии, группы влияния и т.д. Бихевиоризм критиковался американскими и европейскими учеными как метод (не всякая политическая реальность может быть измерена), как идея (не может быть нейтральной политической науки), как результат («гиперфактуализм», по выражению Д. Истона). Кроме того, Бюрдо замечал, что не может быть автоматизма при переходе от суммы полученных в результате наблюдения данных к созданию теории.

Другой важной вехой в западной политологии в 50–60-е гг. XX в. стало распространение системного подхода к изучению политики. Он возник как ответная реакция на «гиперэмпиризм» американской политологии. Прогресс политической науки стал ассоциироваться с выработкой теорий и моделей, а не с расширенным «коллекционированием грубых фактов». Многие политологи осознали, что необходимы теоретические рамки, которые направляли бы исследования и позволяли бы объяснять их результаты.

Это новое направление политических исследований было начато работой канадского политолога, профессора Чикагского университета Д. Истона «Политическая система» (1953).

Представители системного направления в политической науке стремились выявить логику организации и функционирования политической жизни в обществе. Они рассматривали мир политического как живую систему, которая органически и генетически связана с окружающей средой и которая стремится к самосохранению.

Для того чтобы наглядно представить функционирование политической системы, создавались формальные модели (использовалось графическое изображение политической системы). Эти модели позволяли описывать политическую реальность в форме понятий и отношений между ними.

Системный подход тоже не был признан научным сообществом политологов безупречным. Отмечалось, что моделирование политической жизни имеет свои пределы, так как не все ее составляющие поддаются формализации. Политологов-системников упрекали и за то, что они исключительно большое внимание уделяли анализу стабильности политической системы; это фактически приводило их к апологии существующего.

Некоторые западные политологи вообще снимают с повестки дня проблему поиска лучшего метода.

В современной западной политической науке по-разному ориентированы национальные политологические школы. Политология в США ориентируется преимущественно на прикладные эмпирические исследования. В европейской политической науке актуальны разработки специалистов по публичному праву, историков, философов. Так, Ж. Бурдо, используя достижения этих и ряда других наук, поставил перед собой цель «получить доступ к тотальному постижению политических феноменов, которые разворачиваются одновременно на уровне наблюдаемой реальности и в глубине психики».

Различные области политической науки в разных странах разработаны неравномерно. Такая страна, как США, выделяется трудами в области политической экономии, которая «представляет собой одну из главных областей американской политологии и характеризуется большой продуктивностью и заметными достижениями» (М. Доган). По мнению французского исследователя Ж. Лека, Франция достойно представлена в таких областях, как история политических идей, теория партийных систем, теория капиталистического государства и др.

Политическая наука развивается в результате накопительных процессов: политологические теории последовательно совершенствуются поколениями ученых. Одним из примеров тому может служить «открытие воздействия техники выборов на сис-

темы политических партий» (по суждению М. Догана).

Продолжается процесс специализации политических исследований, результатом чего, как

полагает Фавр, может быть «распад этой науки на все более ав-

Нет непогрешимого метода, предпочтительнее уметь его своевременно менять.

Жорж Бурдо

тономные субдисциплины». Например, американская политическая наука в настоящее время включает в себя 27 областей специализации.

Современную политическую науку характеризуют как «науку-перекресток», акцентируя внимание на подверженности политологии влиянию со стороны других наук – общественных и естественных. Так, некоторые ученые подчеркивают тенденцию политической науки усваивать «проблематику или теории, созданные для экономических, психологических или биологических, например, исследований» (М. Гравитц, Ж. Лека).

В рамках взаимодействия политологии с другими науками сформировались такие научные дисциплины, как политическая антропология, политическая география, политическая психология, политическая экология, политическая экономия, политическая философия.

Политическая антропология занимается изучением политических явлений в «архаических» обществах, что связано с исследованием институтов управления и социального контроля в этих обществах. Активные разработки политических антропологов начались в 40-х гг. XX в. Аргументация политических антропологов строится на обобщении результатов, полученных в ходе исследований «архаических» обществ, сохранившихся до настоящего времени. Политическая антропология позволяет западным ученым преодолеть европоцентристские представления о политическом развитии общества. Политическая антропология имеет ряд фундаментальных достижений, к которым относится теория вожества (от англ. *chiefdom*). Вожество признается одной из форм социальной интеграции наряду с такими формами, как локальная группа, община, раннее государство, национальное государство.

Политическая география объединяет географию народонаселения и одну из областей политологии – международные отношения. В политической географии исследуется влияние географических факторов на внешнюю политику государств. Одно из ключевых понятий политической географии – геополитика. Этот термин был предложен в начале XX в. шведским ученым Ю. Р. Челленом для характеристики государства как особого

организма, который стремится к расширению зоны своего «обитания».

Политическая психология берет начало в работе американского ученого Г. Лассвэлла «Психопатология и политика» (1930) и других его работах. Она тесно связана с изучением политического поведения. Поэтому бихевиористское течение в американской политологии в 50–60-е гг. способствовало интенсивному развитию политической психологии. Положения политической психологии используются в исследовании таких вопросов, как электоральное поведение, политическое лидерство, политическая социализация, политические установки, политические конфликты, политическое сотрудничество и пр. В политической психологии используются как традиционные социологические методы анализа (в частности, интервьюирование, контент-анализ, эксперимент), так и методология психоанализа, которая позволяет исследовать «глубинную» психологию политических деятелей.

Политическая экология рассматривает проблемы, связанные с взаимодействием политической системы с окружающей средой. Подчеркивается значение окружающей среды для устойчивого функционирования политической системы. Анализируются последствия взаимного воздействия политической системы и окружающей среды. Экспертные оценки политических экологов приобретают все большее значение, особенно для развивающихся стран, в которых радикальные изменения, например в агротехнике, могут вызвать кризис существующей политической системы.

Политическая экономия получила в настоящее время широкое развитие в США, Англии, странах Скандинавии. Она пользуется признанием среди политологов, которые стремятся использовать экономические модели для изучения политической реальности. Показательна в этом отношении книга И. Шумпетера «Капитализм, социализм и демократия» (1942), в которой автор впервые предложил экономическое толкование демократии, используя теорию конкурентного лидерства. Современная западная политическая экономия представлена теорией политических циклов Э. Даунса, теорией «общественного выбора» К. Эрроу, экономическим анализом политического поведения Г. Беккера – нобелевского лауреата 1992 г. – и рядом других исследований.

Политическая философия – это философский анализ «политического универсума». Она исследует:

1) сущностные основы политической реальности, стремясь абстрагироваться от национальных и исторических форм ее проявления;

2) политические ценности, изучая их на предмет соответствия той или иной системе моральных и этических ценностей (нормативная философия);

3) смысл политических понятий, способы познания сферы политики и т.д. (аналитическая философия).

К политической философии наиболее тесно примыкает история политических учений.

Для обобщенной характеристики специфических подходов к анализу и объяснению политики используется понятие парадигмы. Понятие «парадигмы» (от греч. *paradeigma* – образец, пример) введено в науковедение американским историком науки Т. Куном в 1960-е годы. С его точки зрения, парадигма как бы задает направленность исследованию политики, в русле которой исследователь, опираясь на традиции, политические теории и идеи, осуществляет решение конкретной проблемы.

Логическая модель развития научного познания политики, по Куну, представляет собой процесс последовательной смены парадигм: накопление фактов, противоречащих принятой парадигме, выдвижение новых конкурирующих теорий, победа и превращение одной из них в новую парадигму. Парадигма, согласно Куну, это способ мышления, принятый в научном сообществе в определенную историческую эпоху. Члены научного сообщества, за исключением мыслителей-революционеров, не вольны выбирать или менять парадигму. Парадигма – это образец, которому следуют с очевидной необходимостью все, причастные конкретному сообществу.

Под политической парадигмой следует понимать способ осмысления основания, по которому человеческое сообщество делится на политические единства. Она отражает единство мышления и тех форм действительности, которые продуцируют определенность мышления.

В каждую эпоху противоборство политических сил, выражающее сущностное противоречие эпохи, стремится завершить-

ся победой и верховенством одной из сторон этого конфликта. Идеологически это интерпретируется как борьба за власть прогрессивных сил против сил реакции. В то же время историческим результатом борьбы сторон становится разрешение, снятие противоречий, структурирующих данную эпоху, и освобождение общества как от данного типа противоречий, так и от их носителей.

Можно сказать, что история политологии – это история постоянного обновления и обогащения парадигм. Итак, парадигма – это специальная логическая, мыслительная модель, определяющая способы восприятия и интерпретации действительности. Или: парадигма – система взглядов, определенная теория, с помощью которой можно постигнуть (объяснить) определенные явления. А поскольку теорий и систем взглядов много, то по отношению к политической науке существует несколько основных подходов.

Классификация парадигм. В основе различий парадигм находятся попытки объяснить политику или через сверхъестественные начала, природные, общественные факторы или собственно политические, внутривполитические факторы.

Опираясь на концепцию Т. Куна, в истории политической мысли можно выделить следующие парадигмы:

- 1) цивилизационно-этическая (полисная);
- 2) теологическая;
- 3) национально-экономическая.

Сущность античной политики заключается в цивилизационно-этическом противоречии, содержанием которого является, с одной стороны, борьба полисной цивилизации на границах античного мира против варварства, несущего деспотию и рабство, с другой стороны – противостояние рождающейся личной моральной воли, принципиально не признающей тождества с общей волей, нравственностью общественного человека. Политические единства подразделяются на цивилизованные и варварские, а внутри единств люди классифицируются на свободных и рабов по нравственному основанию.

Сущность европейской средневековой политики осмыслялась как противоречие религиозного характера, содержанием которого являлась борьба за иерархическое религиозно-политическое единство христианского мира, выражавшаяся в противо-

стоянии церкви и государства, христианского и нехристианских миров, ересей и ортодоксии. Религиозная проблематика, пропитывающая все самые приземленные заботы людей, оказалась водоразделом, образующим и различающим политические общности средневекового мира. Политические единства делятся на миры: христианский, мусульманский, иудейский, языческий. Внутри миров люди делятся на ортодоксов и еретиков.

Сущностью политики Нового времени являются противоречия национально-экономического характера, выливающиеся в социальные конфликты, конфликты государства и общества, конфликты наций-государств. Политические единства классифицируются на нации и глобальные экономические системы. Внутри политических единств люди классифицируются на патриотов и космополитов.

Сущностью политики ближайшего будущего является преодоление глобального противоречия между обществом и природой. Сегодня природа с неизбежностью становится вместе с человеком творцом общественных отношений. Политические угрозы человеку исходят от него самого, превращают экологическую проблему в политическую.

Могут быть предложены и другие классификации парадигм по различным основаниям (критериям). Историко-хронологический критерий отбора позволяет выделить парадигмы: античную, средневековую, эпохи Возрождения и Реформации, Нового времени.

На основании критерия «природа политики» можно выделить четыре парадигмы:

- теологическую;
- натуралистическую;
- социальную;
- рационально-критическую.

Данные парадигмы позволяют рассматривать всю историю политической мысли через призму существования и сосуществования в различные эпохи человеческой истории основных мировоззренческих систем.

Теологическая парадигма базируется на сверхъестественном истолковании источника и происхождения государственной власти, божественном объяснении природы политики власти. Ее сторонники видят истоки в Божественной воле и религиозных

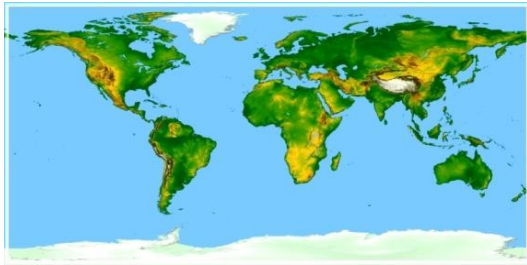
кодексах (святых писаниях, заветах пророков и т.п.). Такой подход к политике характерен для первоначального этапа развития политических учений, когда божественным признавался весь социально-политический строй, а власть, государство рассматривались лишь как часть универсального мирового порядка, созданного Богом. Такое объяснение природы политики вряд ли можно назвать научным. Однако не стоит забывать, что такая интерпретация политических явлений существовала несколько веков.

Натуралистическая парадигма ориентируется на рассмотрение человека как части природы и объяснение политики влиянием природной среды: географическими, климатическими факторами, биологическими и расовыми особенностями людей, врожденными психическими свойствами и т.д. Объясняет природу политики исходя из доминирующего влияния внесоциальных факторов, не приобретенных, а врожденных, неизменных для человека и общества. Это направление возникло еще в древности. Так, уже в сочинениях Гиппократ, Платона, Аристотеля содержатся неоднократные указания на влияние географической среды на политику. В XVII–XVIII вв. натурализм стал одним из ведущих принципов европейской просветительской мысли. Сторонники этого направления стремились распространить на общественную жизнь и поведение человека закономерности, установленные в физических науках. Особенно широко использовался принцип тождества микро- и макрокосмоса, развития общества и биологического организма. В политологии натурализм получил свое воплощение в геополитике, биополитике и психологизаторских концепциях.

Геополитика. Идеи о влиянии географической среды на политику высказывали Аристотель, Платон. Основатель геополитики Ж. Боден (XVI в.) сформулировал концепцию влияния климата на поведение людей. Впоследствии эта концепция была развита Ш. Монтескье в сочинении «О духе законов», в котором сформулированы основные принципы «геополитического направления» в политике. Согласно Монтескье, географическая среда и в первую очередь климат определяют дух народа, форму государственного устройства и характер общественного устройства. Монтескье считал, что размер территории влияет на политический строй: небольшое государство – республика, большое – монархия, огромное – деспотия.

В последнее время геополитика стала модной наукой. На Западе и в России появилось немало работ, в которых исследуются те или иные проблемы геополитики. Предтечей современной геополитики является классическая геополитика, которая представлена такими западными учеными, как Ф. Ратцель (1844–1904), Р. Челлен (1864–1922), А. Т. Мэхэн (1840–1914), Х. Маккиндер (1861–1947), Н. Спайкмен (1893–1944), К. Хаусхофер (1869–1946), и которая была весьма авторитетной до начала Второй мировой войны. Заслуга классиков геополитики заключалась прежде всего в понимании и попытке объяснения значимости такого явления, как геополитика. Они задавались вопросом, от чего зависит безопасность государства и суверенитет, процветание государства, его сила, мощь и влияние в мире, поэтому сосредоточили основное внимание на анализе факторов и методов, обеспечивающих могущество государства в мире.

Представители классической геополитики ввели в научный оборот категории геополитики, многими из которых до сих пор оперируют ученые при исследовании

геополитической картины мира: «геополитика», «пространство», «жизненное пространство», «географическое положение», «мощь государства», «великие державы», «большие пространства» и т.д. Для отцов-основателей классической геополитики геополитика – это учение о государстве как географическом организме в пространстве. «Государство, – отмечал немецкий ученый Ф. Ратцель, – есть организм, в составе которого известная часть земной поверхности играет настолько существенную роль, что все свойства государства определяются свойствами народа и его территории. Такими территориальными или естественными, природными свойствами являются величина, положение, формы поверхности, растительность и орошение, отношение к другим частям земной поверхности». Как живой и сложный механизм, государство подчиняется категорическому императиву расширения своего территориального пространства. Процве-

тание государства, утверждали классики геополитики, полностью основывается на свойствах его территории. Для своего существования и процветания государство должно обеспечить себя жизненным пространством и стремиться к постоянному динамичному пространственно-территориальному росту. Только значительное пространство обеспечивает государству безопасность, суверенитет и доминирующие позиции в мире, отличает процветающие государства от упадочных.

Ратцель сформулировал основные законы пространственного роста государства, которые отражали реальность международных отношений в конце XIX в. Американский геополитик А. Т. Мэхэн, детально анализируя роль морских и континентальных держав в истории, утверждал, что обладание морем или контроль над ним и пользование им являются теперь и всегда были великими факторами в истории мира, обеспечивающими государству могущество и процветание. Морская сила государства, по Мэхэну, – это наличие военного флота, торгового флота и военно-морских баз. Шведский ученый Р. Челлен считал, что значительную роль в геополитических процессах играют три таких пространственных фактора, как расширение, территориальная монолитность, свобода перемещения. Каждое государство имеет свое соотношение пространственных факторов. Так, Россия обладала большой территорией (осуществила расширение), территориальной монолитностью, но не свободой перемещения, так как ее доступ к теплым морям ограничен. Великобритания же с избытком обладала свободой перемещения благодаря своему приокеаническому положению, мощному флоту и господству на океанических путях; огромным расширением, благодаря своим заморским доминионам и колониям, но не территориальной монолитностью, в чем заключалась слабость Британской империи. У Японии имелась территориальная монолитность и свобода перемещения в зоне самого большого Тихого океана, но не было достаточной протяженности территории. Самое благоприятное соотношение трех факторов имеет США: и протяженное пространство, и свобода перемещения, и территориальная монолитность.

Свидетельством того, что классики геополитики действительно создавали новую сферу научного знания, являются их геополитические сценарии мирового масштаба, т.е. они рассматри-

вали мир как единое функционирующее целое, имеющее рациональное объяснение. Хотя их геополитические конструкции не были лишены идеологической нагрузки (каждый геополитик был обеспокоен прежде всего проблемой безопасности и могущества своего государства), все же они стремились представить относительно объективную картину мира и определить основные тенденции его дальнейшего развития, что им нередко удавалось. Одним из первых выделял и анализировал планетарные геополитические структуры, «большие пространства» Мэхэн. Основной такой структурой, способной вследствие интенсивности торговли и политической активности бороться за мировое влияние, он считал «северную континентальную полусферу», южная граница которой маркируется Суэцким и Панамским каналами. На-

Хартленд на карте мира

более важным элементом внутри данной полусферы в пределах Евразии он называл Россию как доминантную континентальную державу. В его геополитическом проекте-прогнозе Соединенным Штатам отводилась роль лидера европейской цивилизации, евро-

пейского могущества, преемника и наследника Великобритании, что впоследствии и подтвердилось.

Достаточно подробная, развернутая геополитическая картина мира – теория хартленда (сердцевинной земли) – была представлена британским географом Х. Д. Маккиндером в его известной работе «Географическая ось истории» (1904). Он утверждал, что в границах Мирового острова, куда входят Азия, Африка и Европа, находится Евразийский континент, а в центре последнего – «сердце мира», или «хартленд» – континентальные массы Евразии, регион, который в XX в. может контролировать весь мир, ибо баланс сил меняется в его пользу.

Высокий геополитический статус хартленда Маккиндер объяснял двумя факторами. Первый – недоступность хартленда

для судов морских держав. Второй фактор – это развитие транспортной технологии, которая обладает способностью изменять физические свойства пространства Земли. В начале XX в., по мнению Маккиндера, эра превосходства океанического полушария подходит к концу, а новые транспортные технологии, прежде всего железные дороги, меняют вектор геополитических сил в пользу континентального полушария. «...Теперь трансконтинентальные железные дороги изменяют положение сухопутных держав, и нигде они не работают с такой эффективностью, как в закрытых центральных районах Евро-Азии...».

Точные границы хартленда Маккиндером не проводились, более того, они менялись от работы к работе, но всегда в центре хартленда лежала значительная часть России, занимающая в Евразии, по его мнению, центральное стратегическое положение, которое в Европе принадлежит Германии. В модели Маккиндера хартленд окружает планетарный пространственный элемент – внутренний полумесяц, который расположен на материковой Европе и в Азии (Германия, Австрия, Турция, Индия, Китай). Именно эти обширные территории как щит защищают хартленд, но сами могут быть объектом экспансии со стороны морских держав. За внутренним полумесяцем следует внешний, или островной полумесяц, включающий США, Британию, Японию, мощь которых будет уменьшаться по мере расширения территории континентального союза и укрепления его ресурсной базы.

Исходя из своих пространственно-структурных построений, Маккиндер сформулировал тезис, ставший впоследствии афоризмом: тот, кто управляет Восточной Европой, тот управляет хартлендом, тот, кто управляет хартлендом, тот командует Мировым островом, тот, кто управляет Мировым островом, тот командует всем миром. Как свидетельствуют итоги Второй мировой войны, опасения Маккиндера относительно хартленда не были безосновательными: сильное давление из хартленда в западном, восточном и южном направлениях привело к еще большему его контролю над Евразией, образовался блок континентальных держав, превышающих по площади империю Чингисхана.

Последние работы британского геополитика – это фактически его научно-политическое завещание, в котором он, отда-

вая дань изменившейся геополитической картине мира (СССР воевал с Германией), достаточно точно определяет будущий глобальный геополитический конфликт как противоборство между хартлендом (СССР) и странами «внешнего полумесяца» и призывает западные страны, объединившись, отстаивать концепцию «атлантической цивилизации». Позже эта идея нашла реальное воплощение в создании блока НАТО.

Геополитическая модель Спайкмена

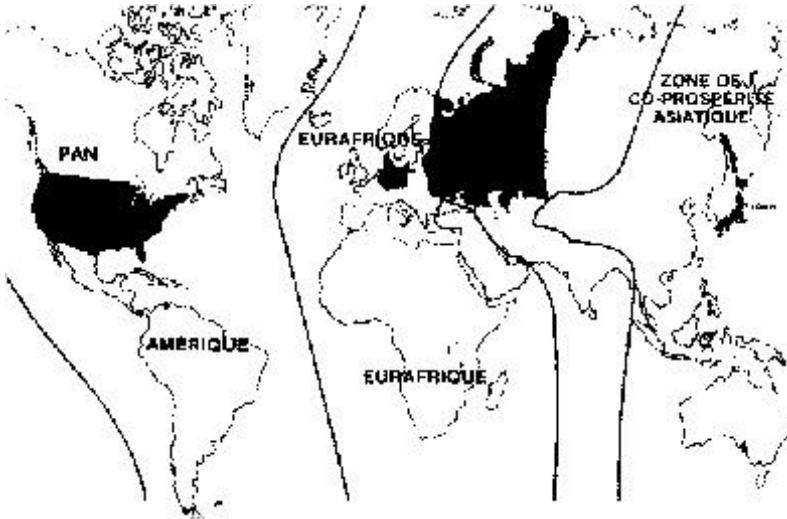
Геополитическая модель американского теоретика Н. Спайкмена, в которой также прогнозировался глобальный конфликт между владельцем хартленда (СССР) и странами «внешнего полумесяца», получила название хартленд-римленд. В центр геополитики как науки он ставил проблему безопасности, прежде всего безопасности США. Глобальную систему безопасности США он называл «интегрированным контролем над территорией», т.е. фактически отстаивал идею активного вмешательства США в дела Евразии. Если Маккиндер считал ключевой зоной всего мира хартленд, то Спайкмен, учитывая геополитическую ситуацию после Второй мировой войны, к таковой в Евразии относил римленд (*rim* – дуга, обод). Эта зона соответствует географическому местоположению «внутреннего полумесяца» Маккиндера. Эта большая концентрическая зона находится между центром евроазиатской континентальной массы и Ве-

ликим морским путем. Она включает Западную и Восточную Европу, плоскогорные страны Ближнего Востока, Турцию, Иран, Афганистан, затем Китай, Восточную Сибирь и три полуострова – Аравийский, Индийский и Бирмано-Сиамский. Эта гигантская «материковая кайма», по убеждению Спайкмена, подлежала «интегрированному контролю», поскольку здесь осуществлялось противостояние между океанической гегемонной державой (США) и владельцем хартленда (СССР). Подражая Маккиндеру, Спайкмен выдвинул свою максиму: кто контролирует римленд, тот контролирует Евразию; кто контролирует Евразию, тот контролирует мир. В соответствии с моделью хартленд-римленд Соединенные Штаты проводили так называемую «политику сдерживания», опасаясь распространения экспансии Советского Союза на всю Европу. Согласно данной политике, в римленде образовывались военно-политические союзы, такие как НАТО в Европе, СЕНТО в Западной Азии, СЕАТО в Восточной Азии.

Крупнейший немецкий ученый Карл Хаусхофер (1869–1946), оперируя основными геополитическими категориями своих предшественников, прежде всего такими как «жизненное пространство», «пространство как фактор силы», признавая грандиозность планетарных идей Маккиндера, учитывая реальную геополитическую ситуацию, стремление Германии достичь преимущества одновременно и на суше и на море, сформулировал три геополитические концепции: теорию Больших пространств, панрегионализм и теорию континентального блока.

Концепция Больших пространств Хаусхофера – это формирование геополитических макроструктур на преобладании или смене широтных и меридиональных тенденций экспансий мировых держав. Согласно Хаусхоферу, в 40-х гг. XX в. сформировались два больших геополитических образования, ориентированные по линии меридиана, – Восточно-Азиатский блок и Пан-американский блок. Если Большое пространство Восточной Азии уже сформировалось и стремится к самоограничению в рамках своих континентальных границ, то США, которые завершили свои планы геополитического панамериканизма (т.е. включение Латинской Америки в сферу своего влияния), перешли в геополитическое поле широтной экспансии. Хаусхофер фактически предугадал ориентацию геополитических устремлений США по линии Запад-Восток. Он был уверен, что будущее планеты зави-

сит от результатов борьбы двух тенденций: сможет ли англо-американская экспансия вдоль параллелей побороть сопротивление восточно-азиатской экспансии вдоль меридианов.

Панрегиональная модель Хаусхофера

Концепция панрегионализма Хаусхофера – это в определенной степени характеристика относительно современного механизма формирования больших пространств, а именно формирование глобальных регионов на основе так называемых пан-идей, подразумевающих объединения государств исходя из их социально-экономической или социально-политической общности. В своей первой панрегионалистской модели Хаусхофер разделил мир на три с севера на юг ориентированных панрегиона, каждый из которых состоял из ядра и периферии, а также обладал экономической самодостаточностью:

- 1) Пан-Америка с ядром в США;
- 2) Евро-Африка с ядром в Германии;
- 3) Пан-Азия с ядром в Японии.

Из этой модели вовсе не было ясно, какую роль в ней играет СССР. Позже он предложил другую панрегионалистскую модель – четырехчленное деление мира: четвертым панрегио-

ном стала Пан-Россия с ее сферой влияния в Иране, Афганистане и на Индостане. Формирование биполярного мира (США и СССР) сделало понятие панрегионов временно несостоятельным. Однако с распадом биполярной системы мира, с распадом мировой социалистической системы вначале экономические блоки, а впоследствии даже панрегионы возвратились в мировую практику.

Хаусхофер хотел процветания и величия Германии, а потому искал возможности для этого исходя из создавшихся внешнеполитических условий и тенденций. В конце 30-х гг. XX в. он оставил панрегионалистскую концепцию, ибо она потеряла свою актуальность, и перешел к теоретическому обоснованию другой идеи – большого континентального блока, или геополитической оси: Берлин–Москва–Токио, т.е. ориентации Германии на Восток. Он писал, что «только прочная связь государств по оси Германия–Россия–Япония позволит нам всем подняться и стать неуязвимыми перед методами анаконды англо-саксонского мира...» Только идея Евразии, воплощаясь политически в пространстве, дает возможность для долговременного расширения нашего жизненного пространства. Вполне логично, что Хаусхофер как историческую веху воспринял германо-советский договор о ненападении 1939 года (пакт Молотова-Риббентропа). В нем он видел путь преодоления крайне неблагоприятного «зажатого» положения Германии между талассократическими державами и хартлендом. Союз Германии с Россией обеспечил бы Германии трансконтинентальные коммуникации от Рейна до Амура и Янцзы, свободные от англосаксонского влияния. Германия получила бы выход к открытому океану и стала бы обладать мощностью как континентальной, так и океанической державы. Известно, что геополитические воззрения Хаусхофера использовались нацистским режимом, особенно в пропагандистских целях.

Классическая геополитика сыграла большую роль в формировании геополитики как науки, но ей свойственны и существенные недостатки, многие из которых можно объяснить исторической ограниченностью. Во-первых, это использование географического детерминизма как основного и фактически единственного методологического принципа исследования геополитики, который основывался на признании того, что именно географический фактор, т.е. местоположение страны, размер терри-

тории, ее природно-климатические условия, близость или отдаленность от морей и океанов и другие географические параметры определяют основные направления общественно-политического развития того или иного народа, его характер, поведение на международно-политической арене. Во-вторых, геополитика понималась в основном в терминах завоевания прямого военного и политического контроля над соответствующими территориями, а в данном контексте пропагандировалась стратегия «анаконды» – блокирование вражеских территорий с моря и по береговым линиям, что приводит постепенно к стратегическому истощению и экономическому удушению противника. В-третьих, считая контролируемое государством территориальное пространство основным фактором его силы и мощи, обосновывая необходимость стремления государства к динамичному территориальному росту, к расширению жизненного пространства, представители классической геополитики (Ратцель, Челлен, Мэхэн) тем самым признавали военную экспансию как вполне естественный способ приобретения геополитического могущества.

Итоги Второй мировой войны существенно изменили геополитическую картину мира, основы и механизмы функционирования «мирового сообщества», что не могло не отразиться на дальнейшей эволюции геополитической науки. Необходимо было адаптировать науку, занимавшуюся доселе изучением преимущественно конфликтного многополярного мира, к новой биполярной схеме мироустройства и американскому лидерству на Западе, а также внести в геополитику значительные поправки, связанные с появлением ядерного оружия. Кроме того, появилась острая необходимость решить по сути своей чисто геополитический вопрос о том, как реагировать на быстрое нарастание национально-освободительного движения. В это время геополитике уделяли внимание в основном американские авторы. Европейское общество к термину «геополитика» относилось с опаской вследствие того, что немецкая классическая геополитика накануне Второй мировой войны стала весьма агрессивной и фактически выродилась в идеологию, оправдывающую стремление нацистской Германии к установлению мирового господства. В так называемых социалистических странах о геополитике было принято говорить в негативно-критическом смысле. Геополитика определялась как направление буржуазной поли-

тической мысли, основанное на крайнем преувеличении роли географических факторов в жизни общества, как идеологическое обоснование «агрессивной внешней политики империализма». Впервые более лояльным к геополитике в 1989 г. оказался «Советский энциклопедический словарь», определивший геополитику как западную политологическую концепцию, согласно которой «политика государств, в особенности внешняя, в основном предопределена различными географическими факторами: пространственным расположением, наличием либо отсутствием определенных природных ресурсов, климатом, плотностью населения и темпами его прироста и т. п.».

После Второй мировой войны начинается ревизия классической геополитики, пересматриваются основные методологические принципы геополитики. Так, американский географ Жан Готтманн (1915–1994) утверждал, что размеры территории государства далеко не пропорциональны его мощи, а сила, влияние государства зависят от такого его географического положения, которое может обеспечить мощные коммуникационные линии и потоки: движение людей, армий, товаров, капиталов, идей. Связывая концепцию коммуникации с другой своей концепцией иконографии (иконोगрафия, по Готтманну, – это выражение представлений о картине определенного самоорганизованного пространства, сформировавшееся под воздействием религиозной, национальной, культурной и социальной истории указанного пространства. Иконография пространства включает произведения искусства, архитектуры, символы-формы общественной жизни и быта), Готтманн одним из первых акцентировал внимание на культурном пространстве как ресурсе силы и доминирования государства в мире, пытался доказать, что политические рубежи определяются в первую очередь действием духовных факторов, а не формами земной поверхности, что сегодня вполне очевидно. Более целенаправленно и предметно развивал идею о культурном пространстве как геополитическом ресурсе американский геополитик Дональд Майнинг, утверждая, что в мире существуют «два блока – две культуры». Он подчеркивал, что борьба за умы и души людей не менее, а, может быть, даже более важная составляющая геополитики, чем военная сила, а потому рекомендовал США ввести в свою практическую геополитику культурную компоненту.

На ядерный потенциал как на мощный фактор, влияющий на геополитическую картину мира во второй половине XX в., указывал известный американский политолог К. Грей. В середине 1970-х гг. он назвал геополитику наукой о «взаимосвязи между физической средой, в том виде, как она воспринимается, изменяется и используется людьми, и мировой политикой». Под геополитикой Грей подразумевал «высокую политику» безопасности и международного порядка, влияние длительных пространственных отношений на возвышение и упадок силовых центров, а также то, как технологические, политико-организационные и демографические процессы сказываются на весе и влиянии соответствующих стран.

В 1960-е гг. в американской геополитике появляется проблема полицентрической трактовки современного мирового сообщества. С. Коэн был одним из первых, кто трактовал будущее мировое сообщество как полицентричное и прогнозировал возрастание роли региональных геополитических структур. Коэн отмечал, что взгляды Маккиндера в наше время утратили силу, подвергал ревизии идеи Спайкмена. «Политика сдерживания» в зоне римленда, которая, как известно, базировалась на идеях Спайкмена, похожа, по мнению Коэна, на запираание дверей конюшни, когда лошадь уже сбежала. Он имел в виду присутствие военно-морских сил СССР на Кубе, подводных лодок СССР с ядерным оружием на борту во всех океанах. Коэн предлагает полицентричную и иерархичную геополитическую модель будущего мира, состоящую из двух геостратегических сфер: Морская (зависимый от торговли мир морских государств) и Евразийская (Евразийский континентальный мир), которые, в свою очередь, включают в себя геополитические регионы – крупные подразделения, сравнительно однородные по экономическим, политическим и культурным признакам. В Морскую сферу входят четыре региона: Англо-Америка и Карибы, Западная Европа и Магриб (Тунис, Алжир, Марроко), Внеконтинентальная (Оффшорная) Азия и Океания, Южная Америка и Африка южнее Сахары. В Евразийскую сферу входит два геополитических региона – Хартленд и Восточная Азия. Центральную-Восточную Европу Коэн рассматривал как регион-ворота, который может способствовать взаимодействию между Западной Европой и Хартлендом. Равновесие и дальнейшее развитие геополитической сис-

темы, по Коэну, определяют геополитические регионы, в пределах которых находятся мировые сверхдержавы.

После краха биполярной системы мира появились значительные стимулы для развития геополитики как науки, формирования новой парадигмы геополитического порядка. Для адаптации геополитики к современности ученые уточняют и обновляют ее основные категории и понятия. Прежде всего это касается категории «пространство», ключевого в геополитической науке, ибо все государства или регионы существуют в определенном пространственном контексте. Геополитическое пространство – это среда, оказывающая влияние на формирование отношений между государствами, регионами.

Современные западные и российские политологи считают, что классическая геополитическая трактовка понятий «пространство» и «территория» в качестве синонимов не совсем корректна, ибо в современном мире реальное значение приобретают различные измерения пространства: территориально-географическое, воздушно-космическое, политическое, экономическое, культурно-информационное. Подчеркивая связь геополитики со степенью освоения человечеством вещественного мира, К. В. Плешаков утверждает, что геополитика может быть «определена не просто как объективная зависимость внешней политики той или иной нации от ее географического местоположения, а как объективная зависимость субъекта международных отношений от совокупности материальных факторов, позволяющих этому субъекту осуществлять контроль над пространством». При этом автор акцентирует внимание на том, что развитая цивилизация осваивает новые измерения пространства, такие как экономическое, коммуникационное или информационное.

К. Э. Сорокин расширяет предмет геополитики, определяя ее как «комплексную дисциплину о современной и перспективной «многослойной» и многоуровневой глобальной политике, многомерном и многополярном мире»... «Геополитика Современности – это совокупность десятков, даже сотен одно- и разнонаправленных, параллельных и пересекающихся процессов с отличающимися свойствами, положительная сумма (если иметь в виду благоприятную для человеческой эволюции) игры интересов государства». Новая фундаментальная геополитика, по его мнению, могла бы анализировать развитие событий не только на

глобальном, но и на региональном, субрегиональном и даже внутrigосударственном уровнях.

Понимая, что назрела необходимость радикального переосмотра фундаментальных и методологических принципов изучения мирового сообщества, К. С. Гаджиев в качестве одного из способов решения данной проблемы предлагает по-новому интерпретировать префикс гео- в термине «геополитика»: «не как картографическое измерение международно-политических реальностей, а как понимание мирового сообщества в виде единой «завершенной» системы в масштабах всей планеты». «Гео» означает «масштабы, параметры и измерения, правила и нормы поведения как мирового сообщества в целом, так и отдельных государств, союзов, блоков в общемировом контексте». Ревизия геополитики вовсе не означает пренебрежения географическими факторами, ибо без их полного учета по-прежнему трудно правильно оценивать мировые процессы. Речь идет о том, чтобы добавить к географическим другие значимые сегодня критерии, формирующие геополитическую модель современного мира, а возможно, и изменить их иерархию. Могучий арсенал цивилизации существенно ослабил в XX в. роль географических пространств и ограничений, налагаемых ими. «В мире возникла новая география – целостность, определяемая не столько совокупностью физических просторов, сколько возможностью синхронного мониторинга событий в различных точках планеты в режиме реального времени. А также способностью цивилизации к оперативной проекции властных решений в масштабе всей планеты». Сегодня мир становится и воспринимается не как мозаика геополитической карты с четко очерченными межгосударственными границами, а как общий для всего человечества «космический корабль Земля». Современная геополитическая среда – это не просто географическое пространство, а совокупность и переплетение множества ресурсных потоков, каналов политического влияния и взаимодействия, это своеобразная детерминанта развития политических систем, включая мировые центры политической и экономической силы. Геополитику можно определить как взаимодействие политики и материальных и нематериальных факторов (различных измерений пространства), которое определяет авторитет, влияние в мире акторов мировой по-

литики, их способность (или неспособность) участвовать в моделировании мирового, регионального пространства.

Основными факторами, влияющими на формирование геополитической картины современного мира, являются государства, межправительственные и неправительственные организации. Их конструктивное участие в этом процессе зависит от многочисленных и разнообразных ресурсов, политико-стратегической способности к осуществлению действий глобального охвата. Согласно международному праву, все государства обладают суверенитетом и равны между собой. В действительности государства различаются по многим параметрам – военной мощи, экономическому потенциалу, территории и т.п. В данном контексте очевидно, что только крупные государства могут непосредственно оказывать влияние на геополитические процессы и, в частности, лидерство США не закончилось. Но в современном мире по-прежнему остается значительным геополитическим потенциалом местоположение. Государства, чье значение вытекает не из их силы и мотивации, а скорее из их важного местоположения и последствий их потенциальной уязвимости для действий со стороны геостратегических лиц, называют, как правило, геополитическими центрами. Географическое положение геополитических центров придает им особую роль в плане контроля доступа к важным регионам либо возможности отказа важным геополитическим факторам в получении ресурсов. К таким геополитическим центрам сегодня можно отнести Францию, Германию, Россию, Китай, Индию, Турцию, Украину, Азербайджан, Южную Корею.

В формировании геополитического порядка участвуют и многочисленные межправительственные организации, прежде всего такие как ООН, в состав которой входят 190 из 210 государств мира, ВТО, МВФ, а также региональные межправительственные структуры, транснациональные корпорации. ТНК представляют собой бизнес-структуры, деятельность которых в значительной степени распространяется на несколько стран. Их доминирование в мировом производстве, торговле, инвестициях и передаче технологий не имеет прецедентов. Можно говорить о положительных в геополитическом смысле последствиях деятельности ТНК. Во-первых, развивая мировое производство и торговлю, они способствуют взаимосвязи различных

стран. Во-вторых, инвестируя в экономику развивающихся стран, создавая там рабочие места, они принимают участие в решении проблемы Север–Юг. В-третьих, развивают демократизацию за счет совершенствования рыночных отношений (демократические страны конфликтуют гораздо меньше между собой, нежели страны с другими режимами). В-четвертых, способствуют мировой миграции и изменяют ее характер – сближение людей разных национальностей, их культур, верований и т.д. Но есть и отрицательные в геополитическом смысле последствия деятельности ТНК: усиление разрыва между развитыми и развивающимися странами, готовность ради собственной стабильности и прибыли не только поддерживать репрессивные режимы, но и сотрудничать с ними. Кроме того, они способны инвестировать огромные деньги в политические или экономические проекты, реализация которых может осложнить геополитическую ситуацию в том или ином регионе или мире.

Огромное влияние на формирование геополитической структуры мира оказывают глобализация, процесс расширения, углубления и ускорения мирового сотрудничества, затрагивающие все аспекты современной социальной жизни – от культурной до криминальной, от финансовой до духовной. Современная глобализация связана с принципиально иной территориальной политикой. Она фактически отменяет и нарушает политические границы, ассоциируется с разрушением и перераспределением территориальности социально-экономического и политического пространства. Она бросает вызов территориальному принципу как единственному и первичному основанию для организации политического правления. Глобализация требует беспрецедентной институционализации и организации всемирных социальных, политических и экономических отношений посредством формирования новых контролирующих и регулирующих структур – глобального управления, от деятельности которых будет зависеть геополитический порядок. Глобализация сопровождается интенсивной интеграцией, с помощью которой государства могут решить общие, глобальные проблемы, увеличить свое геополитическое влияние в регионе и мире.

К вызовам или угрозам современного геополитического порядка можно отнести крупные региональные войны, к которым могут привести существующие сегодня конфликты: арабо-

израильский, между Индией и Пакистаном, Ираном и Израилем и др.; распространение оружия массового уничтожения; современное производство и торговля оружием; международный терроризм; организованная преступность; региональные конфликты; конфликты «нового поколения»; отношения Север–Юг; проблема демографии и экологии.

С окончанием холодной войны (в ноябре 1990 г. обе сверхдержавы подписали Парижскую хартию, после чего последовал крах «народных демократий») закончилась эпоха биполярного мира, началось формирование иной геополитической структуры мира. Каким будет геополитический порядок в XXI в.? Дискуссии среди ученых и политиков развернулись вокруг двух основных точек зрения:

- 1) мир станет монополярным (однополярным/однополюсным, или униполярным);
- 2) мир станет многополярным (многополюсным, полицентричным).

Среди сторонников первой точки зрения в настоящее время нет полного единства: одни по-прежнему отстаивают идею гегемонии США, другие говорят о глобальном лидерстве США в современном мире. Так, британский географ П. Тейлор, анализируя мировые гегемонии и считая их крайне редким феноменом, утверждает, что геополитическая гегемония США заключается в практически абсолютном доминировании этого государства в международной системе отношений в трех основных сферах жизни: экономической, политической, идеологической. Гегемония США, по его мнению, основывается прежде всего на мировой монополии в производстве, торговле и финансовой сфере. Группа влиятельных американских неоконсерваторов (У. Кристол, Р. Каган, Р. Такер и др.) отстаивает вариант гегемонистского реализма, суть которого заключается в том, что «благожелательная глобальная гегемония» Соединенных Штатов должна основываться на растущем военном бюджете, на очищении внешней политики страны от беспочвенных иллюзий, на целенаправленной дипломатической деятельности, поддерживающей союзников и наказывающей (потенциальных) противников. Они полагают, что гегемонистская мощь Америки определяет ее особую ответственность за мировой порядок, который может быть установлен только посредством инструмен-

тов американской мощи, и уверены, что цель американской внешней политики – это сохранение гегемонии так долго в будущем, насколько это возможно. Американский теоретик Р. Кеохейн задается вопросом: «Как в отсутствие гегемонии может осуществляться сотрудничество в мировой политике?»

В последнее время (особенно после трагедии 11 сентября 2001 г.) все популярнее становится идея о глобальном лидерстве США. Эта идея реализована в геополитической модели униполярного мира американского политолога А. Страуса. «Со времени распада советского полюса биполярного мира, – отмечает ученый, – международная система является униполярной. Налицо фактически существующий “униполь”. Он состоит из демократических индустриальных стран, которые обладают превосходящим весом в глобальной системе. Соединенные Штаты, в свою очередь, являются ведущей державой внутри униполя». Лидерство США, отмечает Страус, носит характер первенства среди равных и друзей, а не господства одной державы над сопротивляющимися подчиненными партнерами. Он подчеркивает, что для дальнейшего развития мировой цивилизации очень важно, чтобы Россия вошла в состав униполя. Тогда огромные резервы униполя сохранят коллективное глобальное лидерство на долгие времена.

О глобальном лидерстве США, опирающемся на международный консенсус, как необходимой геополитической стратегической перспективе пишет известный американский геополитик З. Бжезинский в своей книге «Глобальное лидерство или мировое господство» (2004). Он отмечает, что гегемония США – это преходящая историческая фаза. И уже в настоящее время Америка стоит перед выбором, который «состоит в том, как Америка должна осуществлять свою гегемонию, с кем она этой гегемонией может делиться и какова должна быть конечная цель, на которую она должна быть направлена. Какова главная цель беспрецедентной американской глобальной мощи? Ответ на этот вопрос определит, будет ли американское лидерство опираться на международный консенсус или же в основе американского верховенства будет самоуверенное доминирование, основанное на мощи Америки». Бжезинский уверен, что глобальное лидерство США, как единственно правильный выбор, предполагает определение лидером того направления, которое

позволяет мобилизовать других. «Власть ради самой власти, — отмечает он, — доминирование ради увековечения этого доминирования не могут привести к устойчивому успеху. Доминирование само по себе ведет в тупик. В конечном счете оно мобилизует оппозицию, в то время как его высокомерие порождает самообман и историческую слепоту». Американский ученый Дж. Модельски уверен, что в «постгегемонистскую эру», которая уже началась, целесообразно говорить не о гегемонизме США, а о лидерстве США. Используемый им концепт лидерства подразумевает не «превосходство в материальных ресурсах», что характерно для понимания гегемонии, а скорее экономику, включающую в себя передовые отрасли, необходимость политико-стратегической способности к осуществлению действий глобального охвата, коммуитарной организации и чувствительности к глобальным проблемам. При таком угле зрения, по мнению Модельски, отнюдь не очевидно, что лидерство США закончилось.

Многие западные и отечественные ученые видят геополитическую структуру мира многополярной, или полицентричной. Как пишет видный американский политолог К. Уолте, «всем, кроме жертв близорукости, на горизонте видна многополярность... Более слабые государства системы будут стремиться восстановить баланс, повернуть систему к биполярности и многополярности». Немалое число аналитиков полагают, что к глобальному возвышению будут стремиться ЕС, Россия, Япония, Китай и Индия. Классик современной политологии С. Хантингтон предсказывает выявление трех уровней стран: американская мировая сверхдержава — главные региональные державы (Бразилия, Индия, Южная Африка, Нигерия, Иран, Китай и, возможно, Япония, Россия, Франция, Германия) — второстепенные региональные державы (Аргентина, Пакистан, Южная Корея, Украина, Британия). Известный скандинавский исследователь Й. Галтунг выделяет семь центров, претендующих на глобальную или региональную гегемонию:

- 1) США с гегемонией в Западном полушарии и на Среднем Востоке (Израиль);
- 2) Европейский Союз, стремящийся стать супергосударством;

3) Россия и другие страны СНГ, а также, возможно, в будущем та часть Центрально-Восточной Европы, которая имеет православные и славянские корни;

4) Турция и примерно 10 стран, объединяемые под небольшим давлением ислама;

5) Индия, объединяющая ряд стран на основе индуизма, будет закреплять свое влияние в Южной Азии;

6) Китай как дао-буддистско-конфуцианское стремительно развивающееся государство;

7) Япония как синто-буддистско-конфуцианская страна, очевидно, не ограничится одним экономическим мировым влиянием.

Многие ученые сегодня утверждают, что мировой системе предстоит стать полицентрической, а самим центрам – диверсифицированными, так что глобальная структура силы окажется многоуровневой и многомерной. Так, Дж. Най выделяет три таких уровня. Первый относится к силовой сфере, и здесь США доминируют. Второй – к экономической, и на этом уровне существуют три основных центра: США, Западная Европа и Япония. Третий – это уровень транснациональных отношений, который развивается бурными темпами и формирует «центры» в той или иной области (финансовой, научно-технической и т.п.) – транснациональные корпорации, финансовые институты, отдельные города (например, Лондон, Нью-Йорк) или регионы (в частности, Южная Калифорния).

Американский исследователь Джеймс Розенау полагает, что геополитическая модель мира будет напоминать сеть по типу Интернета, с множеством узлов и сплетений – государственных, межгосударственных, негосударственных и смешанных по своей природе. Идея полицентричного мира, построенного по «сетевому типу», интенсивно развивается некоторыми авторами, занимающимися процессами глобализации, такими как американцы Д. Хелд, Э. Макгрю, шведский ученый О. Е. Андерссон. Сетевая модель предполагает рассредоточение производственных, образовательных, научных, финансовых и других структур по земному шару с одновременным «пересечением» на небольших территориях, образующих межсетевые узлы, которые являются «воротами» в глобальный мир. В результате разные географические образования (города, небольшие территории) по-

разному «вписываются» в мир «пост-Вестфальской» эпохи. Такие как Нью-Йорк, Лондон, Токио, Большой Вашингтон, Южная Каролина, Франкфурт, Милан, Сингапур и др. оказываются на «передовом крае» глобализации и нового мироустройства. Как раз в них и происходит «завязывание» межсетевых узлов – финансовых, научных, культурных и др. Межсетевые узлы могут быть и национального и регионального масштабов. Например, Париж в настоящее время, по мнению Андерссона, не попадает в город-ворота в глобальный мир, а является воротами Франции в Европу (региональный масштаб).

Большинство российских ученых отстаивают и стремятся обосновать идею будущего полицентричного геополитического порядка. К. С. Гаджиев, анализируя геополитическую картину современного мира, приходит к выводу о том, что рядом с североамериканским и европейским экономико-политическими центрами появились новые центры, такие как Япония, Китай, Индия, Ближний Восток, Южная Африка. В будущем Россия и страны СНГ составят самостоятельный центр силы, способный на равных конкурировать и сотрудничать с остальными центрами. К. Э. Сорокин называет следующие объективные причины, толкающие мир к многополярности: это и конечность природных ресурсов, и ограниченность пригодной для проживания территории при продолжающемся росте численности населения земного шара, и нестыковка многих ключевых экономических интересов отдельных стран и их группировок при единстве или схожести других интересов, и существующие в мире глубочайшие культурно-цивилизационные различия. Э. Я. Баталов акцентирует внимание на основных принципах нового миропорядка, подчеркивая при этом, что новый мировой порядок будет отличаться повышенной динамикой изменений, обусловленной ускорением развития информатики и обновлением информационных технологий, появлением новых видов оружия, транспортных средств, источников энергии. Это потребует столь же динамичной смены алгоритмов управления этим порядком и соответствующего «управленческого инструментария».

Итак, сегодня учет геополитических факторов является неотъемлемой составной частью формирования политического курса любого государства.

Биополитический подход своими корнями уходит в XIX в., в доктрины раннего позитивизма, согласно которым наука должна описывать только непосредственно наблюдаемое. В общественной жизни таким наблюдаемым фактором было поведение, которое определялось как наблюдаемая совокупность реакций организма на набор фиксируемых стимулов. Объяснение поведения сводилось к однозначно жесткой схеме биополитики: «стимул – организм – реакция». При этом принципиальным для биополитики является отказ от признания любых внутренних психологических звеньев, опосредующих реакцию и поведение человека. Отсюда сторонники данного направления делали вывод, что именно пол, возраст, генетические (врожденные) качества и свойства человека могут служить основанием для определения особенностей политического поведения, так как только этим качествам и свойствам присущи соответствующие регуляторы.

Именно на этих принципах сформировался бихевиоризм (наука о поведении) – одно из ведущих направлений американской социологии и политологии конца XIX – начала XX в. Значительный вклад в разработку методологических и теоретических основ поведенческого направления в политологии внесли ученые Чикагского университета Ч. Мерриам и Г. Лассуэлл. В настоящее время идеи биополитики находят свое воплощение в феминистских теориях, занимающихся исследованием особенностей политического поведения женщин, влияния пола, возраста, темперамента на область политики.

С точки зрения биополитики очевидно наличие у человека и животных общих начал, свойств, генетических приспособлений к внешней среде: альтруизм, способность к взаимодействию, агрессии, любопытство, естественный отбор, борьба за существование, инстинкт самосохранения и т.д. Следовательно, законы природы можно увидеть и в человеческом обществе, в политической сфере. Еще Аристотель говорил, что человек – это политическое животное, у которого есть инстинкт совместного житья – от семьи до государства.

Говоря о базовых методологических установках биополитики, следует выделить широко распространенную концепцию «структуры внимания» американского ученого М. Чейнса, использовавшего для характеристики политических процессов факт «центристского» характера иерархических отношений у прима-

тов. Это означало, что в центре группы находится доминирующий альфа-самец или небольшая группа доминантов, на которых ориентируются все члены группы. Например, у горилл доминирующий самец, перед тем как отправиться куда-либо после отдыха, становится на видном месте в характерной позе: ноги его выпрямлены, положение тела вертикальное. Постепенно остальные члены стада собираются вокруг него, после чего следуют за ним. Таким образом, пространство группы организовано относительно «центра», в результате чего особи, занимающие различные места в иерархии доминирования, различаются также и по своему пространственному положению: когда приближается высокоранжированная особь, субдоминант без сопротивления занимает определенное, установленное в соответствии с его статусом место. Такое поведение, получившее название «вытеснения», по мнению сторонников биополитических воззрений, формирует структуры власти и авторитета и в более или менее устойчивых группах и объединениях людей. В этом плане «звериный этикет», формировавшийся миллионы лет, бесспорно повлиял и на другие аспекты человеческой эволюции, в частности, обеспечив предпосылки способствующего выживанию людей лидерства.

Так же как природная окраска, отличающая конфликтующие организмы в природе, служит повышению их конкурентоспособности, так и различные формы невербального поведения политиков в виде различных жестов, знаков, символов и лозунгов выполняют ту же биологически приспособительную функцию. Аналогом природных ресурсов, за которые идет борьба между животными, по мнению сторонников биополитики, в политической сфере служит диапазон поведенческих форм потенциальных избирателей, за которые идет борьба между лидерами. Эти теоретики полагают, что так же как волк, например, метит мочой границы ареала, на который он претендует, политик своими манерами, речами, самой стилистикой пропаганды очерчивает ту часть электората, в симпатиях которой он заинтересован, т.е. устанавливает пределы актуальной биограммы.

В политическом спектре общества в той или иной степени представлены все генетически наследуемые стереотипы поведения, и каждый лидер в начале активизации, будто волк, всматривается в просторы своего политического ландшафта, чтобы

оценить, на что он может претендовать, какую часть пространства сможет охватить его взор, бдительность, выносливость, скорость, сила? В принципе, ресурс биологической жизнеспособности политического лидера равен суммарному охвату потенциально возможных стереотипов поведения группы людей, от имени которой он выступает. Игра на амбициях, страстях и пороках населения лучше всего видна во время политических кампаний, когда идет борьба за голоса избирателей. В природном царстве это время соответствует брачному периоду данного вида. Биологические аналогии очевидны.

Опираясь на понимание таких зависимостей, А. Сомит говорит даже о «биологическом инжиниринге политических акций», предполагающем, что в условиях современного весьма динамичного политического процесса нужно все чаще учитывать не красоту лозунгов и массовость проводимых кампаний, а исходить из фиксированного генетического лимита емкости интеллекта политического лидера и скорости его нервной реакции. Биополитик Л. Тайгер для этих же целей предложил использовать понятие «дефект дизайна интеллекта» применительно к природным недостаткам политического лидера.

Используя вышеназванные подходы, М. Мейнс и К. Джоли предложили свою интерпретацию «харизматического лидерства». По их мнению, харизматический лидер достигает наиболее высокого ранга в социальной иерархии из-за своей способности привлекать внимание индивидов, которые впоследствии делаются его фанатичными приверженцами. Во времена социальных кризисов дезориентированные и перепуганные люди в массе своей следуют за лидером, который обещает им изменение социального статуса к лучшему. Не случайно Ф. Уиллхойт писал, что в попытках объяснения харизматического поведения мы обязаны обращать внимание на наличие эволюционных механизмов связи. А свидетельством в пользу существования такого механизма, по его мнению, является тот факт, что нередко политические лидеры обладают рационально необъяснимой преданностью людей, не зависящей от проводимого ими курса.

Надо отметить, что традиционно многие политологи, занимавшиеся построением социальных моделей властных отношений, совершенно не обращали внимания на такой феномен, как чувство политического здоровья, которое испытывает подчиненный, находящийся в непосредственной близости от политического вождя. Сегодня же все эти своеобразные жесты и символы политиков, которые являются механизмами ритуала, придающего подчиненным уверенность и облегчающего достижение социального единства, которое в свою очередь и порождает чувство политического здоровья, становятся предметом пристального внимания биополитиков. По их мнению, человеку из толпы эти жесты и символы дают ощущение близости к вождю, и чем ближе к нему индивид, тем в меньшей степени различаются их суждения. Потому и функциональное предназначение политического ритуала объясняется необходимостью постоянно цементировать биологическое единство вождя и тех, кто ему симпатизирует. Идеи и их проводники должны олицетворять собой искомую биополитическую целостность. Поэтому политическая программа лидера должна соответствовать биограмме его избирателей, а несовпадение диапазонов политических идей с диапазонами природных способностей восприятия тех, на кого они рассчитаны, ведет к ослаблению и уязвимости всей социальной системы в целом.

Итак, коротко говоря, все практические и теоретические выводы биополитиков в конечном счете основаны на достижениях генетики и этологии, из коих явствует, что за человеческое поведение отвечают определенные «поведенческие» гены, которые и формируют в сознании граждан те или иные политические стереотипы. При этом биополитика ставит в прямое соответствие качество и специфику политических идей и процессов с качеством и спецификой человеческого материала, их проводящего. Но в любом случае как политическое можно охарактеризовать такое поведение, в котором присутствует соревнование за место в социальной иерархии, обеспечивающее влияние на законодательные нормы большой группы людей. Угрозы, нападения, объявление войн, создание коалиций являются в политике прямыми аналогиями борьбы за существование в животном мире. Из генетически заданных стереотипов, как из элементарных кирпичей, и возводится политическое здание общества, но по воле и соглас-

но чертежам архитекторов, искусно управляющих всем процессом строительства. Так что политика с биологической точки зрения рассматривается не иначе как сфера отношений доминирования, в которой стремятся к созданию, поддержанию или изменению обусловленных генетическими факторами правил.

В то же время, по мнению биополитиков, явление доминирования в человеческом социуме не ограничивается только «личными» отношениями между людьми и их группами. В человеческом социуме происходит институционализация отношений доминирования-подчинения, их закрепление в форме политической власти. Р. Мастерс характеризует всю политику как сферу отношений доминирования, которые создают, поддерживают или изменяют социальные правила. В то же время ученая признает и то, что политическая власть наряду с биосоциальными предпосылками включает в себя и весьма существенную социокультурную компоненту. Причем в социуме непременно появляются все новые специфические ресурсы политического доминирования, из числа которых в нашу эпоху все более существенная роль отводится обладанию информацией. Впрочем, по ее мнению, и в сообществах обезьян информация нередко служит важной предпосылкой по крайней мере временного ситуационного лидерства. Так, шимпанзе следуют за особью, знающей, где расположены кормушки с вкусными листьями.

Так что даже в культурно детерминированных и характерных для человеческого общества символических атрибутах власти – от маршальского жезла до расположения кресел в зале заседания парламента или политбюро советских времен – усматриваются определенные биосоциальные предпосылки. Например, зарубежные эксперты легко выясняли политическую иерархию в СССР по тому, как политические деятели располагались в зале во время официальных мероприятий (что свидетельствовало о пространственных проявлениях животной иерархии). Подтверждением биосоциальной природы политических связей

становились и те факты, когда облеченное властью лицо поднималось на высокую трибуну, как монархи и диктаторы воздвигали себе в разные эпохи истории гигантские статуи (что было сравнимо

с фактами, когда в сообществах обезьян вожак стремится подчеркнуть свои большие размеры, занять возвышенное положение, в буквальном смысле «унизить» подчиненных индивидов, которые сами преуменьшают свой рост, принимают сгорбленную позу и др.). Одним словом, подтверждением базовых установок биополитиков являлись различные проявления в человеческом обществе факта доминирования, которое в большинстве случаев предполагало лидерство, понимаемое ими как форма управления поведением индивидов и групп и в целом политическими процессами в социуме.

В этом контексте сегодня внимание многих биополитиков и социобиологов привлекает проблематика межнациональных, межрасовых и вообще межэтнических отношений и конфликтов. Спектр племен, наций, рас в человеческом социуме – несомненный аналог более широкого спектра планетарного разнообразия биологических видов; межэтнические взаимоотношения есть, по сути, частный случай отношений в рамках биоразнообразия.

Не случайно И. Айбль-Айбесфельдт и ряд других ученых связывают этноцентризм с территориальным поведением человека на групповом уровне, а также с межгрупповой изоляцией. По их мнению, как и у животных, территориальное поведение людей связано с консолидацией группы как (био) социальной системы, распознаванием «своих» и «чужих», против которых направлено агонистическое поведение. Таким образом, предпосылкой этноцентризма является внутригрупповая афiliation, приводящая к разделению мира на «своих» и «чужих», «нас» и «их». В ходе эволюции социального поведения возникают внутренне консолидированные и отчужденные от соседей социальные группы. Таким образом, этноцентризм формируется в индивидуальном развитии как производное от особого отношения к своей семье, проявляющееся в виде родственного альтруизма. Недаром свою страну называют «родина», «отчизна» (тот же смысл имеет англ. *fatherland*, от нем. *Vaterland* – земля отцов), а слово «патриот» происходит от лат. *pater*, греч. *pateros* – отец. Так в больших коллективах стимулируются чувства, характерные для малых групп, семей. «Семейные отношения» в рамках одного государства поддерживаются путем ритуалов, например дней поминания предков («дзяды» в Беларуси и др.).

В этой предметной сфере для биополитики важно выяснение конкретных механизмов распознавания «своих» и «чужих». По мнению сторонников данной парадигмы, эти механизмы имеют стереотипную природу. Ведь уже бактерия классифицирует химические компоненты среды на две категории – аттрактанты (полезные вещества) и репелленты (вредные вещества) и соответственно реализует две стереотипные поведенческие реакции. Стереотипы экономят живым существам на разных уровнях биологической эволюции время и энергию на обработку информации. К. Лоренц, например, подчеркивал, что гуси уже в молодом возрасте знают, что все рыжее, большое и пушистое очень опасно. Стереотипы позволяют быстро, по немногим решающим критериям распознать друга и врага, товарища по группе и постороннего, они упрощают мир и вызывают чувство уверенности. И в человеческом обществе стереотипные убеждения и базирующиеся на них предрассудки (национальные, расовые, а также половые и классовые) взаимосвязаны с особенностями нашего мышления, стремящегося «сводить сложное к простому», что в конечном счете неразрывно связано с работой мозга как «органа мышления». При этом значительный биополитический интерес представляют опознавательные маркеры – те обычно немногие признаки, по которым индивид опознает «своих», отличая от всех остальных представителей своего вида. В человеческом обществе нередка ситуация, когда распознавание, например, этнической принадлежности человека производится подсознательно, и даже соответствующий стиль поведения возникает раньше, чем индивид осознает: перед ним соотечественник! (или наоборот: чужак!).

По мысли сторонников биополитической отрасли знания, агонистическое (от греч. *agonizomai* – я борюсь) поведение (связанное с конфликтами между живыми организмами) также имеет прямые политические ассоциации. Это понятие включает: а) агрессию; б) изоляцию (избегание); в) подчинение.

Поэтому понятие «агонистического поведения» имеет биополитическое значение в той мере, в которой оно применимо в достаточно широком эволюционном диапазоне, приложимо к человеческому обществу и трансформировано в политические параллели. Помимо животных, к которым понятие агонистического поведения традиционно прилагается в этологической ли-

тературе, у биополитиков имеются данные и об аналогичных формах взаимоотношений микроорганизмов.

Агонистические (враждебные, конфликтные) отношения неизбежны и в человеческом обществе, более того, они служат едва ли ни стержневой политической проблемой в любом государстве и в любую историческую эпоху. Ведь наиболее разрушительная форма агонистических взаимодействий в человеческом обществе – это войны как организованные межгрупповые конфликты (такие аналоги есть и в сообществах приматов). Прекращающиеся конфликты между государствами, между партиями и «группами давления», между разными эшелонами и ветвями власти, между отдельными политическими деятелями и просто между гражданами той или иной страны наполняют политическую жизнь и в относительно мирное время.

Еще один тип отношений, ставший предметом изучения биополитиков, – гедонистический, который, с их точки зрения, позволяет человеку добиваться более высокого ранга в иерархии политических отношений посредством более удачных «демонстраций» и «привлечения» внимания других членов группы. В отличие от агонизма, базирующегося на угрозе наказания и способствующего закреплению жестко стереотипных форм поведения, гедонизм базируется на ожидании вознаграждения со стороны доминанта, обеспечивает большую гибкость социальных отношений, вариации и инновации в поведении, стимулирует развитие сознания.

Нельзя не упомянуть, что в настоящее время в русле биополитики интенсивному исследованию подвергаются и другие политически важные параметры, связанные, в частности, с изучением нейрохимии мозга. Установлено, например, что значительное влияние на поведение человека, в том числе и в политических ситуациях, оказывают нейротрансмиттеры – вещества, отвечающие за передачу импульсов между нервными клетками. К их числу относятся серотонин, норадреналин, дофамин, адреналин, ацетилхолин, окись азота, а также многочисленные пептиды (в том числе эндорфины и энкефалины – так называемые «вещества удовольствия», которые приводят человека в весьма приятное состояние, т.е. дают ему «внутреннее вознаграждение»).

Имеются основания считать, что и изменение социальной ситуации меняет уровни серотонина у индивидов в челове-

ском сообществе, хотя некоторые другие данные о роли серотонина у *homo sapiens* выявили более сложную картину. Как было показано Мадсенем, у людей с «макиавеллиевским типом личности» (агрессивных, властолюбивых, целеустремленных, аморальных) социальный ранг нарастает по мере повышения уровня серотонина в крови; у людей противоположного типа – «уступчивых моралистов» – социальный ранг убывает по мере повышения уровня серотонина. Одно из возможных объяснений состоит в том, что серотонин (при его достаточном уровне) проявляет истинный тип личности человека: человек становится самим собой. Если же имеется дефицит серотонина, то, независимо от типа личности, наступают депрессия и снижение контроля за импульсивным поведением. Дефицит серотонина стимулирует некоторые виды агрессии, в частности агрессивность, вызванную страхом. Например, у мартышек, как и у человека, поведение приобретает импульсивный характер: они забывают социальные нормы и атакуют особей высокого ранга (т.е. мартышки совершают аналогии противоправных действий в человеческом обществе).

Укажем еще на одно из направлений биополитических исследований. В последние годы в работах биополитика Р. Мастерса установлена корреляция между загрязнением окружающей среды тяжелыми металлами (*Pb*, *Mn*, *Cd*) и снижением активности серотониновой системы мозга, а также количеством импульсивных преступлений (актов насилия над личностью, поджогами, убийствами под влиянием неконтролируемого приступа агрессивного поведения) в разных штатах США. Как считает А. В. Олескин, эти показатели едва ли не доминируют на фоне всех других влияющих на преступность факторов. Работы Мастерса можно считать антирасистскими по своим результатам. Фактически наблюдаемую в ряде мест США повышенную агрессивность и преступность у чернокожего населения (по сравнению с белым) Мастерс объясняет не «спецификой» африканской расы, а большей локальной концентрацией свинца и других металлов в жилищах негров (свинцовые белила и трубы и др.). Дополнительными факторами, усиливающими эффекты тяжелых металлов на мозг, Мастерс на основании своих данных считает также алкоголь и соединения фтора (например, фторид кремния), применяемые в США для обеззараживания питьевой

воды. Однако изучение зависимости между физиологическим состоянием и политической активностью пока еще наталкивается на серьезные методические и технические трудности, связанные с необходимостью проведения многофакторного анализа.

Итак, как можно видеть, биополитика представляет собой особый политический комплекс знаний, применяющий данные естественно-научного изучения живых существ для анализа политического пространства. Биополитика – это современная форма философского натурализма, объясняющая политические феномены на основе естественно-научных закономерностей и теорий. В той части, в которой мотивы политического поведения действительно соответствуют витальным основаниям, эта методология обладает несомненно научным значением. Однако в целом биополитика являет собой методологически ограниченный подход либо не учитывающий, либо игнорирующий существование закономерностей социально-политического уровня поведения и отношений.

Психологизаторское течение. Еще Конфуций рекомендовал правителям учитывать психологические реакции подданных. Как модель объяснения политических явлений психологизаторская парадигма появилась в XVIII–XIX вв. Тард, Лебон, Гумплович, Дюркгейм доказывали, что подлинный источник социального и политического развития – психологические свойства человека. Процессы, происходящие в развитии общества, тождественны процессам, идущим в нас самих, т.е. общественные проблемы – это драматизируемые личные проблемы. Суть такого подхода сводится к абсолютизации психологических качеств человека, к попыткам объяснить политическое явление, политическое поведение исключительно психологическими качествами индивида либо малой группы.

Данный подход получил свое воплощение, в частности, в концепции власти Б. Рассела. Раскрытие психологии власти, по мнению Рассела, включает в себя анализ таких индивидуальных явлений, как страх, отчаяние, коллективная истерия. Именно эти состояния человека чаще всего используются многими лидерами для утверждения себя в качестве диктатора. Поэтому важнейшим условием сохранения демократии и недопущения диктаторского режима являются, по утверждению Рассела, пре-

дотвращение условий, порождающих социальное возбуждение, воспитание людей в духе, исключающем появление склонностей к подобным настроениям.

Попыткой понять мотивы поведения личности в политическом процессе, обусловленные психическими свойствами личности, стал психоанализ Фрейда. Его метод доказывал, что все острые впечатления и переживания человека не пропадают, а вытесняются в подсознание, отсюда комплексы неполноценности, а один из способов их подавить — прийти к власти.

На основе изучения разных характеров определяются все причины появления демократии, тирании, революций, массовых общественных движений. К психологическим основаниям политического поведения, его скрытым мотивам сводятся и предпосылки терроризма, государственных репрессий.

Натуралистическая парадигма не бесспорна. Ей присуща явная односторонность, но она достаточна популярна, особенно широко используются биополитика и психологизаторство. Так, в США политика зачастую рассматривается через личностное измерение, доминируют психологические мотивы, изучаются внутренние мотивы поведения людей.

Социальная парадигма объясняет политические явления воздействием внешних факторов (социальных, экономических, культурных). Политика зависит от уровня экономического развития, культурных традиций.

Социальная парадигма объединяет разнообразные теории, суть которых сводится к стремлению объяснить природу и происхождение политики через социальные факторы, прежде всего, через определяющую роль той или иной сферы общественной жизни, того или иного общественного явления, или же через приобретенные (социокультурные) свойства субъекта социального действия.

Этих позиций придерживается, например, марксистская концепция, согласно которой политика детерминирована движением экономических процессов и выступает как надстройка над экономическим базисом общества. Политика есть концентрированное выражение экономики.

В западной политологии распространена концепция «господства права», в соответствии с которой право рассматривается

в качестве порождающей причины политики. Сторонники данной концепции полагают, что не политические деятели, а именно право, которым должны руководствоваться как государство, так и индивиды, в состоянии обеспечить социально-политический компромисс в обществе. С их точки зрения, процесс общественного развития представляет собой не что иное, как историю господства тех или иных сменяющих друг друга законов. Отсюда основная цель политологов при анализе политической жизни должна сводиться исключительно к исследованию правовых норм.

К разновидностям социальной парадигмы относится и культурологический подход. Его сторонники рассматривают содержание политических процессов под ценностно-нормативным углом зрения. В результате политика предстает как продукт осознанных мотиваций и форм поведения человека. При этом в качестве политических ценностей, определяющих характер поведения людей, форму политического поведения, называют следующие виды: идеологические, в основе которых лежит нравственная, моральная убежденность индивидов в ценности того или иного общественно-политического строя и провозглашенных им принципов; структурные, опирающиеся на приверженность индивидов к нормам политического режима; персональные, связанные с верой индивидов в личные качества политических лидеров. Выбор тех или иных ценностей, а следовательно, и форм политического поведения определяется социокультурными характеристиками, индивидуальными свойствами человека.

Социальная парадигма по существу совпадает с социологическим подходом и истолковывает политику через влияние на нее других сфер жизни общества: экономики, социальной структуры, права, культуры и т.д. К социальной парадигме относятся теории, объясняющие природу политики через воздействие, влияние других сфер общественной жизни: экономики, идеологии, духовной сферы.

Рационально-критическая парадигма. Рационально-критическая парадигма ориентирована на раскрытие внутренней природы политики, ее важнейших элементов и их взаимодействия, на выявление лежащих в основе политической жизни конфликтов и их динамики и т.п. Политическая жизнь объясняется внутренними факторами. Политика – это самодостаточная сфера, которая развивается по своим законам (эпоха не важна). Именно политика движет миром, а не что-то другое. Это более приземленная интерпретация политики. Природу политики объясняют не внешними, а внутренними факторами, свойствами, элементами. Сущность политики находят в ней самой и объясняют через теории конфликта и консенсуса, элитарные концепции и др.

Итак, политология, как и другие социальные науки, относится к разряду полипарадигматических дисциплин, т.е. допускает сосуществование различных концептуальных подходов к исследованию политики, которые поддерживают соответствующие группы и школы.

1.2. Методы политологии. Функции политологии

Политология познает политику с помощью методов политической науки.

1. Нормативно-ценностный подход предполагает выяснение значения политических явлений для общества и личности, их оценку с точки зрения общего блага, справедливости, свободы, уважения человеческого достоинства и других ценностей. Этот подход ориентируется на разработку идеала политического устройства и путей его практического воплощения.

2. В отличие от нормативного функциональный подход требует изучения зависимости между политическими явлениями, обнаруживающимися в опыте, например: взаимосвязи уровня экономического развития и политического строя, степени урбанизации населения и его политической активности, избирательной системы и количества партий и т.п.

3. Структурно-функциональный анализ предполагает рассмотрение политики как некоторой целостности, системы, обладающей сложной структурой, каждый элемент которой имеет определенное назначение и выполняет специфические функции (роли), направленные на удовлетворение соответствующих потребностей системы.

4. Институциональный метод – акцент делается на функциях и деятельности политических институтов (государства, политических партий, движений).

5. Антропологический подход истоки политики видит в коллективной сущности человека. Этот подход требует изучения политики как обусловленной не социальными факторами, а родовыми чертами человеческой природы, присущими каждому индивиду потребностями (в пище, одежде, жилище, безопасности, свободном существовании, общении, духовном развитии и т.д.).

6. Психологический подход также требует исходить в политических исследованиях из реальной природы человека, что предполагает учет его родовых качеств, социального окружения и особенностей индивидуального развития. Психологический метод ориентирован на изучение объективных механизмов политического поведения; индивидуальных качеств, черт характера, а также типичных механизмов психологических мотиваций.

7. Исторический подход обращает внимание на политические явления во времени и пространстве: как происходит изменение политических институтов. Он требует хронологической фиксации политических событий и фактов, их исследования во временном развитии, исследования связи прошлого, настоящего и будущего.

8. Социологический метод предполагает выяснение зависимости политики от общества, выявление социальной обусловленности политических явлений, в том числе влияния на политическую систему экономических отношений, социальной структуры, идеологии и культуры.

9. Бихевиористский метод акцентирует внимание на поведении человека в сфере политики. Кредо бихевиоризма: политология должна изучать непосредственно наблюдаемое (вербальное, словесное и практическое, осознанное и мотивируемое под-

сознанием) политическое поведение людей при помощи строго научных, эмпирических методов.

10. Системный метод делает акцент на целостности политики и характере ее взаимоотношений с внешней средой. Суть этого метода состоит в рассмотрении политики как единого сложно устроенного организма, как саморегулирующегося механизма, который находится в непрерывном взаимодействии с окружающей средой через вход (воспринимающий требования граждан, их поддержку или неодобрение) и выход (принятые политические решения и действия) системы. Политической системе принадлежит верховная власть в обществе. Она стремится к самосохранению и выполняет, по Истону, две важнейшие функции: 1) распределение ценностей и ресурсов; 2) обеспечение принятия гражданами распределительных решений в качестве обязательных.

11. Динамическую картину политики формирует деятельностный подход. Он рассматривает ее как специфический вид общественной деятельности, как процесс принятия политических решений и мобилизации ресурсов на их осуществление, организации масс; как регулирование деятельности, учет и контроль за реализацией целей, анализ полученных результатов и постановку новых целей и задач.

Деятельностный подход служит методологической базой теории политических решений. Рассматриваемая под этим углом зрения политика выступает как процесс подготовки, принятия и реализации обязательных для всего общества решений. С использованием деятельностного подхода связана и трактовка политики как специфической формы управления обществом.

12. Своеобразным развитием и конкретизацией деятельностного метода является критически-диалектический метод. Он ориентирован на критический анализ политики, выявление ее внутренних противоречий, конфликтов как источника ее самодвижения, движущей силы любых политических изменений.

13. Сравнительный (компаративистский) подход предполагает сопоставление однотипных политических явлений, например, политических систем, партий, различных способов реализации одних и тех же политических функций и т.д. с целью выявления их общих черт и специфики, нахождения наиболее

эффективных форм политической организации или оптимальных путей решения практических задач.

14. Субстанциональный (субстанция – первооснова, материя), или онтологический подход требует выявления или исследования первоосновы, составляющей специфическую качественную определенность политики. Такой первоосновой обычно считают власть, отношения господства и подчинения в их многообразных проявлениях или деление общества на «друзей» и «врагов» (К. Шмитт). Поэтому не случайно, что среди огромного количества определений политики явно доминируют ее характеристики через власть и господство.

Использование всех названных и других методов позволяет дать разнообразные всесторонние характеристики политической реальности.

МЕТОДЫ ПОЛИТОЛОГИИ		
Методы политологии	На чем акцентируют внимание	Как изучают политику
<u>Институциональный</u>	На функционировании и взаимодействии политических институтов: права, государства, политических партий и движений и т.д.	Анализ официальных структур и формальных правил принятия решений
<u>Исторический</u>	На политических явлениях и процессах во времени и пространстве	Анализ изменений политических норм, отношений, институтов в контексте связи прошлого, настоящего и будущего
<u>Социологический</u>	На зависимости политики от социальных факторов: экономики, социальной структуры, культуры и т.д.	Анализ политики как сферы целенаправленных взаимодействий социальных групп, преследующих свои интересы
<u>Бихевиористский</u>	На личностном измерении политики, поведении отдельного человека	Анализ систематического наблюдаемого поведения индивида, возможность измерения его мотивации
<u>Психологический</u>	На субъективных механизмах политического поведения: побуждения, желания, страсти и т.д.	Анализ индивидуальных качеств, черт характера, бессознательных психических процессов, влияющих на политическое поведение
<u>Системный</u>	На целостности политики и характере ее взаимоотношений с внешней средой	Анализ характера внутренних связей между составляющими политику элементами

Политология выполняет две группы общественных функций:

1) служебные (обслуживания политической практики), среди которых:

а) нормативная – определение норм политической деятельности учреждений, политических процедур, выборов;

б) планирования политических процессов;

в) прогнозирования ожидаемых событий и избегания их негативных последствий;

г) организационная – разработка рекомендаций для ведения переговоров, для деятельности партий, политических учреждений;

2) познавательные и критические:

а) теоретический анализ политических идей, теорий, политической деятельности, который дает возможность дать оценку лидеру, партии, государству не на обыденном уровне, а на научном;

б) критическая проверка политических идей и действий;

в) построение теории какого-либо процесса, что позволяет предвидеть его развитие;

г) мировоззренческая – помогает познать окружающую действительность.

Функции политологии

Познавательная функция призвана познавать политическую реальность и давать знания о природе и источниках властных отношений, способах их рациональной организации.

Инструменталистская функция призвана использовать научные выводы в политической практике, государственном управлении, партийной стратегии и тактике, в процессах принятия решений и технологиях их реализации.

Воспитательно-социализационная функция призвана формировать демократическую политическую культуру граждан, воспитывать индивида как гражданина своей страны и как вообще «политического человека».

Диагностическая функция призвана определять соответствие программ политических курсов как тенденциям социального прогресса, так и реальным возможностям и состоянию развития конкретного общества.

Функция политической рефлексии призвана вырабатывать способность рационально-критически оценивать политические процессы, свободно самоопределяться в политической жизни.

Прогностическая функция призвана разрабатывать желаемые и возможные варианты развития политических процессов, учитывая действие различных факторов.

Контрольные вопросы и задания

1. Что является предметом политической науки?

- а) общество в целом;
- б) политические отношения;
- в) классы и социальные группы;
- г) права человека;
- д) политическая власть;
- е) политические институты;
- ж) политические идеи;
- и) процесс властного распределения ценностей в обществе.

2. Укажите, какие понятия и определения соответствуют друг другу.

а) политическая антропология; б) политическая социология; в) исторический подход; г) политология	1) направление политической науки, основанное на эмпирических методах исследования, исходящее при анализе политических процессов из политического поведения индивидов или групп; 2) изучение политических явлений с точки зрения их развития; 3) наука, изучающая влияние родовых качеств личности, основных потребностей на политическое поведение; 4) наука, изучающая все стороны политической жизни
---	--

3. Прогностическая функция политологии заключается:

- а) в магическом предсказании будущего;
- б) в разработке эффективных способов преобразования политических и иных сфер общества;
- в) в выборе способности рационально оценивать политические процессы;
- г) в разработке возможных альтернатив развития политических процессов.

4. Определите, что относится к форме, содержанию и процессу политики:

- а) цели и ценности политики, мотивы и механизмы принятия решений;
- б) политическая деятельность, взаимодействие между различными социальными группами;
- в) организационная структура политики, институты, нормы и законы, позволяющие регулировать политическое поведение людей.

5. Какие из нижеперечисленных объектов исследования являются для бихевиоризма исходными?

- а) политические институты;
- б) политические ценности;
- в) политическое поведение;
- г) процесс принятия решений.

Тема 2

История мировой политической мысли

- 2.1. Цивилизационно-этическая парадигма.
- 2.2. Теологическая парадигма.
- 2.3. Национально-экономическая парадигма.
- 2.4. Политическая мысль в России.
- 2.5. Современные политические теории.

2.1. Цивилизационно-этическая парадигма

Политология, как и всякая наука, имеет свою историю возникновения, становления и развития. Без изучения истории политической мысли невозможен анализ современных политических процессов и явлений.

Политическая мысль зародилась в глубокой древности в странах Древнего Востока, но наивысшего расцвета в Древнем мире она достигла в Древней Греции и Риме.

Конфуций (Кун Фуцзы) (551–479 до н.э.) – великий китайский мыслитель. Политические и этические воззрения Конфуция изложены в книге «Лунь юй» («Беседы и высказывания»), составленной его учениками. На протяжении многих веков эта книга оказывала и оказывает заметное влияние на мировоззрение и образ жизни китайцев. Во II в. до н.э. конфуцианство было признано в Китае официальной идеологией и стало играть роль государственной религии. В 1503 г. Конфуций был причислен к лику святых. Политическое учение Конфуция исходит из того, что идеальное правление государством должно опираться на мораль, в частности, на такие этические понятия, как «взаимость», «золотая середина» и «человеколюбие». Эти понятия со-

ставляют «правильный путь» (дао), которому должен следовать каждый, кто желает жить в согласии с самим собой и с другими людьми. «Благородные мужи» (правители) должны проявлять заботу о своих подданных, воспитывать их силой собственного нравственного примера. Благородными Конфуций считал тех, кто в своей жизни следует моральным заповедям: будь требователен к себе, живи в согласии с другими, в делах своих следуй долгу и закону и т.д.

Конфуций

Китайский мыслитель развивал патриархально-патерналистскую концепцию государства. Государство, по Конфуцию, представляет собой большую семью, где правитель («сын неба») – это отец, а подданные – его сыновья. Основная добродетель подданных состоит в преданности правителю, в послушании и почтительности ко всем «старшим». Конфуций разрабатывает концепцию идеального человека (цзюнь-цзы) – благородного – не по своему происхождению, а по воспитанию и самосовершенствованию. Конфуций считает, что этот человек должен обладать в первую очередь гуманностью, любовью к людям (жень), быть справедливым, верным, искренним, всегда стремиться к знаниям, с особым почтением относиться к родителям и старикам вообще. Мыслитель формулирует закон идеальных отношений между людьми в семье, обществе, государстве, выражая его принципом: «Чего не пожелаешь себе, того не делай другим».

Один из советов Конфуция правителям государств: «Если руководить посредством законов и поддерживать порядок при помощи наказаний, народ будет стремиться уклоняться от наказаний и не будет испытывать стыда. Если же руководить народом посредством добродетели и поддерживать порядок при помощи ритуала, народ будет знать стыд, и он исправится». Он говорил: «Народ можно заставить повиноваться, но нельзя заставить понимать – почему». Познание истины, по Конфуцию, есть высшая цель, ради которой стоит жить: «Утром познав истину, вечером можно умереть».

Традиционно считается, что политическая наука возникла в античной Греции и главными ее представителями были софисты Платон и Аристотель. На Востоке, как и в Европе, политические идеи у многих мыслителей были «спрятаны» в философских учениях, в мифологии, религии, фольклоре. Мифологически-религиозный принцип освоения реальной жизни, характерный более всего для древних восточных цивилизаций и ранних периодов греческой истории, уступает место в V–IV вв. до н.э. рационалистическому методу постижения мира.

Почвой политики является практическое отношение человека к общественной жизни. Общественная жизнь требует участия людей, поскольку она и реализуется через деятельность индивидов. Иначе говоря, свободный человек, сообщество свободных людей, свобода являются безусловными предпосылками политической жизни и политической рефлексии. Поэтому общества в древности подразделяются на варварские и политические, власть – на деспотическую и политическую. Важнейшим результатом такой деятельности оказывается создание социальных форм, институтов, опосредствующих отношения человека и общества, формирующих человека общественного и свободное общество.

Термин «политика» создан греками и связан с понятием «полиса». Полисами именовались древнегреческие города-государства, в которых только свободные горожане могли стать «политиками», т.е. участвовать в управлении полисом. Рабы и негры, приравнявшиеся к варварам, были лишены гражданских прав, исключались из политики, оставаясь на положении людей подвластных, несвободных, недобродетельных. Политическая мысль Древней Греции исходила из этого незыблемого принципа даже в интерпретации самых выдающихся ее представителей.

В центре внимания греческих мыслителей с древних времен был вопрос о сохранении целостности, гармонии полиса, противостоящей хаосу. К хаосу ведет односторонность, которая разлагает естественный порядок.

Хотя космос и полис сопряжены, подобны друг другу, в то же время они и различны. Божественный закон как характеристика устойчивого порядка в космосе, начала движения обозначается словом «фюзис» – природа, то, что не произведено чело-

веком. Понятие «номос» подразумевает закон как характеристику становления общества, преходящее творение человека. Теоретическим основанием для активной политической деятельности служил тезис о противоположности фюзиса и номоса. Эту проблему сформулировали софисты, деятельность которых приходится еще на эпоху расцвета демократии. Наиболее известными софистами были Протагор из Абдер, Горгий из Леонтин, Продик с Кеоса, Фразимах Халкедонский, Гиппий из Элиды.

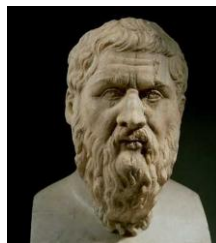
Софисты были первыми просветителями греков. Они дали грекам образование в том смысле, что привили им мысль: убеждения человека должны быть приобретены свободной мыслью. Активная деятельность в политике приводит к тому, что человек не довольствуется традицией, он должен посредством размышления, рациональной аргументации убедиться в истинности своей цели. Убеждение демоса с помощью красноречия было основным способом формирования политики и управления. Именно этому искусству и учили софисты. Нельзя точно сказать, допускали ли софисты существование истинного, естественного закона общества как продолжения фюзиса, но они потратили много усилий на обоснование искусственности и условности тех законов, по которым живут люди. Платон так излагает взгляды софистов: «Ну а в государственном управлении, утверждают эти люди, разве лишь незначительная какая-то часть причастна природе, большая же часть – искусству. Стало быть, и всякое законодательство будто бы обусловлено не природой, но искусством; вот почему его положения и далеки от истины».

Номос в противоположность фюзису условен и преходящ. Он возникает в результате договора между людьми. Отсюда вытекает, что полис и его устройство являются результатом политического искусства людей. Но что лежит в основе договора людей? Законы как результат соглашения людей могут быть либо совершенными, либо далеки от совершенства. Критерием совершенства является справедливость. Если справедливость трактуется с опорой на фюзис – естественный закон, то сильный по своей природе имеет право на власть. «Но сама природа, я думаю, провозглашает, что это справедливо, когда лучший выше худшего и сильный выше слабого», – говорит Калликл в платоновском диалоге «Горгий». Эта установка вела к обоснованию олигархических и тиранических форм правления.

Но и то, что все по природе свободны, также звучало из уст софистов (Алкидамант). И если свобода первична по отношению к господству, то равенство, устанавливаемое демократией, более соответствует природе. Относительность и изменчивость законов и политического устройства стимулировала поиск совершенного устройства, которое соответствует природе. Но поскольку природе соответствуют противоположные основания, то дело, видимо, не в природе как таковой, а в природе самого человека. Природа человека определяет истинность политического устройства. Протагор утверждает в своем знаменитом изречении: «Человек есть мера всех вещей: существующих, что они существуют, и несуществующих, что они не существуют». В этом положении сконцентрирована вся склонность к релятивизму, который был так характерен для софистов. Во время расцвета демократии развивается и субъективность в восприятии реальности. Каждый судит об общественных делах в меру своего развития, и это выступает как значимый принцип политического устройства. Мнение и есть истина политики, но мнение большинства. Количество мнений решает вопрос об истине. Этот подъем субъективности грозит разрушить традиции и законы, которые проверены разумным познанием и опытом предков, но которые не удостоверены во мнении большинства. Вместе с тем суждение Протагора содержит и более глубокую мысль, в которой фюзису противопоставлена природа самого человека. И эта природа есть мышление. Мысль есть та сущность, которая проверяет на истинность и природное, и общественное мнение. Поэтому Сократ (469–399 гг. до н. э.), который вплотную примыкает к традиции софистов, напрочь отбрасывая их релятивизм, утверждает, что добро, справедливость должны быть познаны самим человеком.

Платон (427–347 гг. до н. э.) является одной из ключевых фигур политической мысли античности. Опыт греческой демократии, ее расцвет и упадок за совсем небольшой исторический период поставили перед Платоном вопрос о сущности полисной жизни: каковы действительные предпосылки разумного политического устройства? Среди множества политических сочинений Платона выделим диалоги «Государство» и «Законы». Основной темой диалога «Государство» является раскрытие связи природы полиса с нравственной природой человека. Платон исходит

из философской предпосылки, что всеобщее содержание не только существует для отдельной личности, но и присутствует объективно. Иначе говоря, нужно не только познать природу человека, чтобы понять истинное устройство политической организации, – человек в своем развитии также должен соответствовать своей природе. Только народ, нравственно достигший полноты, может создать достойную политическую организацию.

Платон

Платон начинает с вопроса о справедливости и указывает, что государство – это та структура, в которой она легче распознается. Это внешнее указание имеет под собой более глубокое основание. Сущность справедливости лежит в государстве, и человек постольку ей присущ, поскольку он является членом государства. В государстве осуществляется реальность справедливости. Следовательно, встает вопрос о том, каково должно быть государство, в котором осуществляется справедливость.

Человек осуществляет себя, по Платону, только в полисе, поэтому полис является его природой. Человек живет для государства и в государстве. Полис рождает человека, а не наоборот. Для Платона государство есть организм, в котором объективные различия создают целое. Он рассматривает государство со стороны этих внутренних различий. Значимыми для государства являются: сословные различия, различные добродетели, свойства отдельного субъекта.

Платон фиксирует основную противоположность в организации полиса: государственное дело (управление полисом) и работа, направленная на удовлетворение потребностей. Эти занятия разделены таким образом, что одна часть общества занимается воспроизводством государства, а другая – производством, направленным на удовлетворение потребностей общества. Платон выделяет три основные функции «действительности нравственного»:

- 1) законодательства, заботы о всеобщем, интересах целого;
- 2) защиты против внешних врагов;
- 3) заботы о единичном, отдельном лице, удовлетворение потребности.

Платон распределяет их между тремя сословиями: правителей, воинов, земледельцев и ремесленников.

Каждому сословию соответствуют свои добродетели, которые в своей целостности составляют нравственный облик народа. Платон различает четыре добродетели:

1) мудрость – это достояние тех, кто способен к созерцанию идей и в силу этого может руководить государством. Мудрость приобретается через занятие философией. Она охраняет государство от случайности и различных несчастий, поэтому правителей Платон называет стражами;

2) мужество – рождается из способности твердо придерживаться знания справедливого и противостоять опасности. Никакие искушения не могут его поколебать;

3) умеренность – власть над вожделениями. Эта добродетель присуща всем сословиям. Никакая потребность, если она не воспринимается как значимое и самодовлеющее, не становится пороком;

4) справедливость – каждый занимается одним делом согласно своим природным задаткам. Справедливость – основа добродетели. «...Платон понимал под справедливостью не право собственности, как это обычно имеет место в науке о праве, а понимал под нею достижение духом в его целостности права как наличного бытия своей свободы».

Различению на сословия и добродетели также соответствуют свойства человека:

1) вожделения, потребности;

2) разум, ограничивающий вожделения;

3) гнев – причастен обоим свойствам, поскольку он способен бороться с вожделениями.

Государство остается прочным, если каждый занимается делом, к которому он более всего предрасположен. Эта предрасположенность обеспечивается не только отбором, но и воспитанием. Воспитание задает определенность в деятельности и жизни индивидов. Учреждения должны стать тем, посредством чего рождаются нравы. Вопрос заключается в том, как сохранить государство, а не как сохранить субъективную индивидуальность. Именно поэтому Платон негативно относится к частной собственности и браку. Он понял, что порча греческой

жизни происходит от того, что индивидуумы стали выдвигать на первый план свои цели, склонности и интересы, свою субъективность. Реальные формы полиса есть отклонение от его сущности через развитие этого противоречия.

Первая отклоняющаяся форма – тимократия, где господствует честолюбие (Спарта). Сильнейшие и храбрейшие реализуют свое стремление к власти за счет гармонии целого. Власть подкрепляется богатством. Деньги становятся мерилom почести и влияния. Вводится ценз. Возникает олигархия (от греч. *oligarhia* – власть немногих). Богатство порождает расширение бедности. Государство делится на два лагеря. Многочисленная беднота устанавливает демократию. Страсти и желания становятся господствующими. Раздоры ведут к заговорам и выдвижению вождей. Устанавливается тирания. Тиран опирается на самые низменные страсти и силой удерживает власть. Воспитание и гармония добродетелей уничтожены.

Аристотель (384–322 гг. до н. э.) был учеником Платона и величайшим из мыслителей античности. Он родился в македонском городе Стагире и никогда в отличие от Платона не был гражданином Афин. В течение двадцати лет он пробыл в школе Платона – Академии. После смерти Платона он покинул Академию и позднее, в течение трех лет, был воспитателем Александра Македонского. После возвращения в Афины он основал собственную школу – Ликей. После смерти Александра, подвергнувшись судебному преследованию, Аристотель уехал на остров Эвбея, где вскоре и скончался.

Среди политических сочинений Аристотеля особого внимания заслуживает трактат «Политика», созданный на основе анализа форм государственного устройства более ста пятидесяти девяти государств.

По Аристотелю, полис есть особого рода общение людей. Есть несколько видов общения. Простейшее общение – это семья. Оно состоит из отношений мужа и жены, отца и детей, господина и рабов. Селение – это общение нескольких семей. Оно состоит из отношений старших и младших и персонифицируется в фигуре вождя – царя. Эти формы общения возникают из естественной необходимости, нужды. Государство – это общение нескольких селений, достигших самодовлеющего состоя-

ния. Оно также первоначально возникает естественно, но уже существует для достижения благой жизни. Именно самодовление позволяет поставить цель – достижение благой жизни. Здесь отношение принципиально иное. Если в предыдущих формах общения властные отношения определяются естественными причинами, являются патриархальными, деспотическими, то в последней форме власть осуществляется над равными и называется политической. Поэтому политика, по Аристотелю, есть общение равных, свободных людей с целью достижения благой жизни. Но через это общение люди достигают совершенного состояния, свободного, равного, благого. Следовательно, природой человека является общественная жизнь. Аристотель говорит, что человек есть политическое животное. Человеческая природа определяется не физиологией, не способностями, не семьей, но полисом. Тот, кто живет не в государстве, либо существо недоразвитое в нравственном отношении, либо сверхчеловек.

Каким же должно быть государство, чтобы в нем достигалась данная цель? Чтобы это понять, необходимо выяснить, что такое благо. Благо, по Аристотелю, заключается в счастье, а счастье состоит в совершенной деятельности и применении добродетели. Счастливая жизнь справедлива. А справедливость состоит в равенстве для равных и в неравенстве для неравных. Обычно же равенство в одном распространяют и на все остальное и неравенство в одном также распространяют на все остальное. В этом заключается типичная ошибка демократий и олигархий. Именно различие в добродетельности людей порождает различные государственные устройства. Люди не равны по природе, и непонимание своей природы ведет к порче нравов и злоупотреблениям.

Государственное устройство – это то же, что и порядок управления государством, и как таковое называется Аристотелем политией. Полития есть общее название и в то же время название особенной формы правления. Аристотель различает шесть форм государственного устройства. Три правильных: монархия, аристократия и полития и три неправильных (отклоняющихся): тирания, олигархия и демократия. Они отличаются, во-первых, по количеству правящих: власть одного, власть немногих, власть большинства и, во-вторых, по отношению к цели правления: общее или особенное (частное) благо.

Различные формы правления, по Аристотелю, также могут претерпевать кризисы и изменения. Нравственная порча лежит в основе этих изменений. Полития переходит в олигархию, олигархия сменяется тиранией, а тирания – демократией. Демократия – это тупик общественного развития. Воспитание не может быть средством стабилизации общества, поскольку большая часть населения не имеет досуга для образования. Выходом может быть только такое соединение элементов полиса, которое создало бы равновесие сил и интересов целого.

Количество правящих	Цель правления	
	Общее благо	Частное дело
Один	Монархия	Тирания
Немногие	Аристократия	Олигархия
Многие	Политика	Демократия

Полития как оптимальная форма государственного устройства мыслится Аристотелем в форме единства положительных моментов олигархии и демократии. Гражданскими правами в этом государстве обладают лишь те, кто занимается делами военными, законосовещательными и судебными. Зажиточный или средний класс является основой порядка. Земля делится на государственную и частную. Хозяйственная жизнь предполагает развитое рабовладение. Правители должны стремиться к тому, чтобы обеспечить досуг и мир государству. Законодательство является частью политики, и поэтому искусство законодателей заключается в том, чтобы организовать правление законов, а не людей. Это обеспечивает стабильность существующей формы государства и политический порядок.

Таким образом, Аристотель, с одной стороны, продолжает дело Платона, исследуя сущность политического общения, но, с другой стороны, он противостоит Платону, рассматривая политику с точки зрения цели, блага, как действительно высшую форму общения.

Основная проблема для греческой политической мысли – политическое устройство полиса, реализуемое в идее блага.

Устройство полиса существенно связано с проблемой первоначала. Поэтому перед греками стоит задача найти такие первоначала, которые создают структуры вечно гармоничного полиса. Этой установке противостоит развитие субъективности в греческой нравственности, личного начала в общественной жизни, конфликт обычая и закона.

Древний Рим

Античная политическая мысль, как и весь период античности, не заканчивается с утратой полисами былого политического значения после образования империи Александра Македонского. Несмотря на значительные изменения в общественно-политической сфере и потребностях в новых формах государственного устройства, принципы, на которых строилась античная цивилизация, остались неизменными. Римляне, покорившие греческие полисы в середине II в. до н.э., впитали культуру великого народа и развили исходные принципы до логического завершения. Политическая мысль римлян, возвращаясь к классическим образцам, представляет собой новый этап в осмыслении политической действительности.

Довольно часто мыслителей Рима представляют учениками греков, лишенными оригинальности и глубины в вопросах философии и политики. С этим мнением трудно согласиться. Сочинения Полибия и Цицерона – оригинальные памятники политической мысли Древнего Рима.

В своей «Всеобщей истории» римский историк **Полибий** (207–120 гг. до н.э.) рассматривает период с 220 до 146 г. до н.э. Почему именно этот период оказался в центре внимания историка? Первая дата связана со Второй пунической войной. С этого времени интересы римлян начинают сплетаться с интересами греков и македонян. Отсюда берет начало движение римлян к мировому господству. В 168 г. до н.э. в битве при Пидне Македония терпит поражение и утрачивает свою независимость. После 146 г. до н.э. Эллада окончательно теряет независимость и римское господство в мире становится несомненным.

Шестую книгу «Всеобщей истории» Полибий посвящает теории политики. Подобно грекам классического периода, он в первую очередь анализирует те первоначала, которые выступают условием реализации идеи блага в социальном бытии. Но благо он понимает уже иначе. Если для грека благо есть взаимо-

обусловливаемое единство гармоничного полиса и нравственного индивида, то для Полибия высшим благом выступает римский мир, универсальное господство, замиряющее пространство, в котором свободный индивид находит возможность реализации своей субъективности.

Каково же наилучшее государственное устройство, в рамках которого способна реализоваться данная цель? Полибий видит положительные и отрицательные моменты в различных государственных устройствах. Главный же недостаток он усматривает в их недолговечности. В чем же причина их краткой жизни? Полибий считает, что формы государства, подобно организму, переживают рождение, возрастание, расцвет, переход в свою противоположность и конец (всего пять стадий). Чтобы выяснить, все ли формы государства известны и подвержены этой природной необходимости и входит ли в их число римское государственное устройство, Полибий ставит вопрос о начале и становлении государственности.

Отдельному существу присуща слабость, и если все учреждения погибнут вследствие стихийных бедствий, то в силу природной необходимости люди образуют сообщества, власть в которых устанавливается на основе силы. Такую организацию можно назвать монархией. Когда же в обществе устанавливаются товарищеские отношения, возникают понятия правды, долга, красоты, справедливости, люди подчиняются по велению рассудка и начинается царское управление. Царская власть передается по наследству, и потомки первых царей вследствие избытка средств предаются страстям, злоупотребление которыми превращает царство в тиранию. Аристократия свергает тиранов и восстанавливает справедливость. Но и аристократия через несколько поколений вследствие тех же пороков перерождается в собственную противоположность – олигархию. Единственная надежда у граждан остается на демократию. При демократии высоко ценятся равенство и свобода. Но и здесь через несколько поколений тщеславие развращает народ, и только новые вожди с помощью силы устраняют распри. Тогда восстанавливается монархия, и цикл смены государственных форм, обусловленный порядком природы, завершается.

Сформулировав общие положения циклической теории, Полибий утверждает, что римская государственность, пройдя через многие испытания и превратности судьбы, смогла вырваться за пределы природной необходимости круговорота простых форм правления и образовала сложную форму. Задача заключалась в том, чтобы соединить преимущества, присущие уже известным государственным устройствам. Это не отменяет общий для всех государств цикл развития, но существенно изменяет содержание его фаз.

Наиболее известным политическим мыслителем Древнего Рима является **Цицерон** (106–43 гг. до н.э.). Знаменитый оратор, политический деятель и мыслитель родился в семье римского всадника. Защита общественных устоев является лейтмотивом адвокатской практики Цицерона. Он занимает

Цицерон

последовательно должности квестора, претора и консула. В борьбе Помпея с Цезарем Цицерон встал на сторону Помпея и оказался среди побежденных. Он был прощен Цезарем и продолжал выступать в судах. Глубокая вера в историческую миссию республики делает Цицерона все более изолированным от политической жизни Рима. Цицерон без особого успеха пытается приспособиться к деградирующим нравам времен упадка республики, но старые идеалы толкают его на открытое противостояние власти. После четырнадцати речей, произнесенных против Марка Антония, душеприказчика убитого Юлия Цезаря, он был внесен в проскрипционные списки и убит.

Главными политическими произведениями Цицерона являются его диалоги «О государстве» и «О законах». Названия и форма этих произведений указывают на то, что они по содержанию перекликаются со знаменитыми трактатами Платона.

Какую же проблему решает Цицерон? С одной стороны, он, подобно Платону, являясь очевидцем упадка и кризиса полисных структур, ставит вопрос о том, возможно ли долговечное государственное устройство, какие элементы обеспечивают расцвет государственности и что нужно сделать, чтобы их воз-

родить. С другой стороны, у Цицерона в наличии совершенно иной исходный материал. Кризис республики, падение нравов, упадок полисной организации происходит на фоне беспрецедентной экспансии Рима. Ничто и никто не может сравниться с мощью рождающейся империи.

Диалог «О государстве» состоит из шести книг. Первые две посвящены обсуждению вопроса о наилучшем государственном устройстве. Третья и четвертая книги рассматривают соотношение государства и справедливости. Пятая и шестая посвящены вопросу о лучшем государственном деятеле.

При определении наилучшего государственного устройства правильным Цицерон считает рассмотрение Римского государства на различных стадиях его развития. Римское государство в противоположность греческим строилось не на установлениях отдельных законодателей, а органически выросло благодаря деятельности многих поколений. Цицерон определяет государство как достояние народа. Народ же есть соединение людей, связанных согласием в вопросах права и общностью интересов. Потребность жить вместе явилась первой причиной соединения людей.

При царской власти все люди отстранены от общего для всех законодательства. При власти оптиматов народ также лишен участия в совместных совещаниях, при народной власти отсутствие ступеней общественного положения ущемляет интересы достойных и доблестных граждан. Эти три вида государственного устройства склонны к вырождению в тиранию и разрушению самого государства.

Несмотря на то что, по мнению Цицерона, наибольшая свобода присутствует при демократической форме правления, царская власть, особенно при выборном царе, обеспечивает единство разума и воли и подобна божественной иерархии. Отсюда следует и максимум возможной свободы и безопасности. Однако если царь несправедлив и становится тираном, то царская власть становится наихудшей формой правления.

Существует также еще один вид государственного устройства, образующийся путем смешения трех предшествующих. В этом случае государство наиболее прочно, ибо свобода достигается путем великого равенства через разделение власти.

Только при очень большой порочности первенствующих людей возможно изменение такого строя.

Вопрос о справедливости в государстве, которому посвящает Цицерон третью и четвертую книги, вытекает из рассмотрения наилучшего государственного устройства. Способствует ли справедливость сохранению государства или невозможно править, не совершая несправедливости?

Государство стремится к могуществу, чтобы обеспечить свою безопасность. Но эта справедливая цель достигается только посредством несправедливого отношения к другим народам. Следовательно, справедливость относится скорее к гражданственности. Ведь если бы справедливость существовала в природе, то она была бы одинакова для всех людей. Существуют народы, которым во благо разумное подчинение, подобно тому как телу во благо подчиняться душе. Более того, государство, в котором отсутствует справедливость, не может называться таковым. Тирания, олигархия, власть толпы не могут называться государствами, поскольку утрачиваются главные признаки государственности – согласие в вопросах права и общность интересов.

Последние две книги трактата о государстве посвящены рассмотрению вопроса о лучшем государственном деятеле. Эта проблема также не случайна, поскольку государство времен Цицерона утратило те свойства, которые были присущи наилучшему виду государственного устройства. Каким образом можно достичь былого величия? Необходим реформатор, который воплощал бы в себе лучшие нравственные качества в римской традиции. Целью такого правителя должна быть счастливая жизнь граждан. В его деятельности на первом месте должны стоять обязанности, выполнение которых подкрепляется выдающимися качествами: благоразумием, достоинством, справедливостью, воздержанностью, красноречием, знанием права. Результатом же этой деятельности должно было быть возрождение древнего уклада, «согласия сословий» (*concordia ordinum*).

Диалог «О законах» также следует отнести к политическим произведениям Цицерона, поскольку закон в рабовладельческих обществах опосредствует все формы принуждения в государстве. Древний закон – это прежде всего регламентация. Он устанавливает порядок и меру насилия в случае нарушения рег-

ламентированных отношений. Закон превращает голое насилие, присущее более ранним отношениям, в санкцию за нарушение регламентации. Именно поэтому у Цицерона право вытекает из закона как остаточное поле свободы.

Закон, согласно Цицерону, извечен и существует от природы, в которой заложен как высший разум. Если человек имеет совершенный разум, то он способен постичь божественный закон и стать законодателем. Но поскольку таких людей немного, то разнообразные законы, составленные для народов, можно назвать законами лишь в виде уступки. В законе заложено значение выбора справедливого начала. Право вытекает из закона и должно быть единым для всех. Это единственное, в чем можно уравнивать людей, достигнув согласия. Поэтому и государство, считает Цицерон, есть общий правопорядок.

Цицерон, с одной стороны, признает традиционный идеал полисной общины, нравственного принципа, формирующего полис, – *civitas*, с другой стороны, он говорит о предпочтительности выборной монархии, которая больше отвечает реалиям современной ему империи. Он утверждает справедливость, отрицающую выгоду за счет чужого, но вместе с тем он и сторонник подчинения других народов экспансии Рима. Положение о природном законе и равенстве всех людей не противоречит у него утверждению господства над народами и справедливости рабства по природе.

2.2. Теологическая парадигма

Политические учения Средневековья имеют по преимуществу характер политической теологии. Это означает, что политическими становятся проблемы, вытекающие из фундаментального осмысления возможности церковного преображения социальной реальности в рамках религиозной догматики, политическая практика объясняется из теологической экзегезы Священного Писания.

Человек становится гражданином двух миров. Один из них – церковь, представляющая единство и гармонию индивидуальной души; другой – государство как воплощение разорван-

ности и принудительности человеческого существования. Каждая часть христианского универсума несла и воспроизводила в себе целостность вертикальной церковной иерархии как «мистического тела Христа», являющейся единственным источником легитимности политического порядка. Империя и папство вырастают из одной идеи – Града Божьего, религиозно-общественного единства мира. Римская идея империи как единого цивилизационного пространства сменяется идеей христианской империи как единой вертикальной (пирамидальной) сакральной структуры, воплощающей сверхзадачу спасения человеческой души.

Церковь ставит свои притязания выше притязаний государства, и этот конфликт между истинностью церкви и претензией государства на легитимность определил дальнейшее развитие Европы. Центральной политической проблемой становится проблема власти и ее структуры как формы реализации идеи спасения в земной жизни.

Политические учения Средневековья развивают проблематику власти: от обнаружения политического измерения церкви в ее отношении к государству к попытке отождествления политического и теологического и далее к их диалектическому единству.

К первому периоду относятся такие авторы, как Евсевий Кесарийский (ок. 260–340, «Жизнь Константина»), св. Иоанн Златоуст (347–407, «Толкование на послание к Римлянам»), Амвросий Медиоланский (340–397, «Об обязанностях служителей»), Августин (354–430, «О граде Божьем»).

Ко второму периоду относятся: Св. Бернард (1090–1153, «О размышлении»), Иоанн Солсберийский (1110–1180, «Поликрикус»).

К третьему периоду относятся Фома Аквинский (1225–1274, «О правлении государей»), Эгидий Римский (ок. 1243–1316, «О правлении князей»), Петр Дюбуа (XIV в., «Вопрос о папской власти»), Иоанн Парижский (1260–1306, «О власти королевской и папской»), Данте Алигьери (1265–1321, «О монархии»), Марсилиус Падуанский (1275–1343, «Защитник мира»), Уильям Оккам (ок. 1285–1338, «Восемь вопросов о власти и сани папы»), Иоанн Жерсон (1363–1429, «О духовной и госу-

дарственной власти)), Антоний Розелли (1386–1466, «О власти императора и папы»).

Все указанные авторы рассматривали вопросы политики в своих произведениях, но мы остановимся только на наиболее значимых фигурах.

Св. Иоанн Златоуст (347–407) родился в Антиохии в знатной и богатой семье. Изучение христианского богословия привело Иоанна к принятию христианства. Удалившись в пустыню, он проводит два года в монастыре и еще два года в полном уединении. В 397 г. Иоанн был избран архиепископом Константинополя. Краеугольный камень его политического учения – догмат о божественном происхождении власти. Принимая в свое ведение нравственно-религиозную сторону человека с целью вести его к жизни небесной, церковь предписывала ему в гражданской области подчинение земным князьям для сохранения мира и порядка. В «Толковании на послание к Римлянам» Иоанн говорит о принципе власти. Царская власть имеет свою границу в нравственно-религиозной жизни. Различая власть духовную и гражданскую, Иоанн Златоуст делает вывод о верховенстве власти духовной. Священник является посредником между Богом и человеком.

Августин Блаженный (354–430) жил в эпоху кризиса и распада Римской империи. Он родился в городе Тагасте (Северная Африка). Религиозно-мировоззренческие поиски приводят его сначала к манихейству, а затем – к скептицизму. После принятия христианства он возвращается на родину и в 396 г. становится епископом города Гиппона. Потрясением для него стало разграбление Рима германцами в 410 г.

Политика у Августина – это учение о падшем человеке, опирающееся на тезис о слабости человека перед лицом зла. Социальная структура мира обусловлена двумя типами общности – градом земным и Градом Божьим. Они порождаются двумя видами любви. «Чистая любовь к Богу до забвения себя» порождает Град Божий, «любовь к себе до забвения Бога» приво-

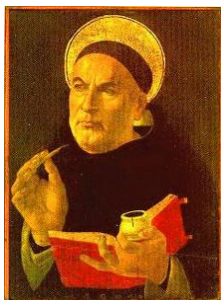

Августин Блаженный

дит к земному граду. Себялюбие и стремление к достижению земных благ составляют сущность государства. Церковь претендует на олицетворение Града Божьего. В действительности и церковь, и государство являются смешанным (смутным) градом. Церковь, чтобы выполнять свою миссию, должна быть родной церковью, ядро которой составляют святые и мученики. Вместе с тем праведники могут быть вне церкви. Но поскольку в реальной жизни все люди перемешаны, то церковь не может отвернуться от государства. Принадлежность людей к тому или иному царству незримо предопределена Богом. Августин в качестве политических рассматривает проблемы господства вообще и господства государства в условиях существования государственной церкви.

По Августину, истина не открывается в политике. Она доступна христианской религии. Государство не может претендовать на обеспечение счастья своих граждан. Оно обеспечивает внешний и внутренний мир, защиту свободы гражданина и собственности. Истинный мир невозможен в государстве без церкви, поскольку греховный человек разорван между собой и Богом, несет в себе вражду. Политическое измерение, т.е. самоопределение в мире существующих сил, государство приобретает через империум, получаемый от Бога посредством церкви. Политическое учение Августина – это учение о системе господства, в которой государство обеспечивает задачу выживания человека, а церковь задает смысловую структуру существования человека и государства.

Фома Аквинский (1225–1274) родился близ городка Аквину в Неаполитанском королевстве. С 1244 г. – монах доминиканского ордена. Образование получил в Парижском университете у крупнейшего теолога Альберта Большетедта. Преподавал теологию в Париже и университетах Италии. Был крупнейшим систематизатором теологии. Автор философско-теологических трактатов «Сумма теологии», «Сумма против язычников», «О правлении государей».

Фома Аквинский

Одной из центральных задач, стоявших перед Фомой Аквинским, было примирение,

снятие противоречий между крайними течениями в интеллектуальной жизни, противопоставлявшими веру и разум, церковь и государство.

Человек повинуется Богу, но должен ли он повиноваться другому человеку и в каких пределах? Опираясь на аристотелевское учение о форме и материи, Фома говорит, что низшие формы подчиняются высшим в силу власти, данной от Бога. Власть происходит от Бога, но всякая ли власть от Бога? Бог – источник добра, а следовательно, порядка и управления. Во власти следует различать господство или начало (*dominium*), ее форму или правление (*regimen*) и способ управления или политику.

Незаконная или дурная власть не от Бога. Злоупотребление властью лишает человека ее блага. И если она дана людям в наказание, то и незаконное ее приобретение и ее потеря происходят от Бога. Повиновение властям следует в рамках того блага, что несет власть. Люди по природе равны, и власть является только посредником в делах человеческих между Богом и подданными.

Церковь может отнять правление у «неверных» князей, поскольку последние заслуживают лишения власти.

Аквинат допускает восстание против тирана и тираноубийство, так как тираническое правление устанавливается для частной пользы и противоречит единству народа, каковой есть собрание людей, объединенных единством права и общей пользой. Тем самым легитимность власти ставится в зависимость от соблюдения права и законов. От Бога происходит только общий порядок, а не конкретная форма и принадлежность определенному лицу.

При решении вопроса, какая форма правления является наилучшей, по мнению Фомы Аквинского, также следует исходить из представления о небесной иерархии. Поскольку низшее должно подчиняться высшему, то лучшей формой власти является монархия. А поскольку добро проистекает от Бога и касается всех людей, то лучше, чтобы все имели какое-либо участие во власти. Такое устройство возможно, когда монарх стоит на вершине власти, под ним находятся аристократы, а правители избираются из всех на основе добродетели. Возможность изменения формы правления зависит от отношения церковной и светской властей. Это положение препятствует абсолютистской ин-

терпретации положения о том, что всякая власть происходит от Бога, и отказывает светской власти в претензии на первенство в правлении.

Закон есть мера действий, которой кто-либо понуждается к действию или воздерживается от него. Для человеческого действия мерой является цель, содержанием которой выступает блаженство, а поскольку человек является частью государства, то закон имеет в виду общее благо. Форму правления устанавливает тот, кому принадлежит сама цель, и закон должен быть обнародован, ибо закон прилагается к человеку через его обнародование. Отсюда законодателем может быть или само общество, или его представитель, т. е. имеющий целью общее благо.

Законы Фома подразделяет на вечный, естественный, человеческий и божественный. Вечный закон – это божественный разум. Отражение вечного закона в разуме, проявляющееся во всех вещах, называется законом естественным. Практический разум выводит из него частные приложения, которые называются человеческими законами. Эти законы дополняются божественным законом или законом откровения.

Итак, в христианском мире дуализм церкви и государства постепенно развился в триединство «государство–церковь–общество». За государством не признаются высшие добродетели. Человеческое благополучие не достигается в рамках государства, и повиновение ему не безусловно. Идея спасения отвергает как деспотизм власти, так и идею разумного общественного устройства и тем самым отделяет государственное право и власть от морали, как внешнее от внутреннего. Церковь сделала проблематичным само право политической власти. Учение о спасении способствовало различению государства и церкви как взаимодополняющих способов интеграции общества и в то же время привело к разделению властей, их взаимному контролю и взаимопроникновению. Такое взаимное ограничение и отражение основных функций государства и церкви создало почву для возникновения идеи общества политически и религиозно нейтрального, которое в Новое время обрело форму гражданского, экономического общества.

2.3. Национально-экономическая парадигма

Эпоха Возрождения и Реформации возвращает конечные человеческие цели из трансцендентного мира в пределы человеческой жизни и существования. Индивид сознает себя в качестве свободного человека, и его индивидуальная воля не абсолютно противоположна общей воле, но и не требует растворения себя в последней. Напротив, индивидуальная воля в активном творчестве формирует общую волю, которая является условием свободы индивида.

В основе новоевропейского мировоззрения лежит идея человеческого универсализма, гуманистическая идея. В более определенной форме это идея безусловной власти человека над природой. Человек становится той точкой отсчета, через которую объясняются и опосредуются основные принципы предшествующих эпох.

Первым теоретиком политики Нового времени по праву называют итальянского политического мыслителя **Никколо Макиавелли** (1469–1527). В своем основном произведении «Государь» он поставил вопрос о практической ориентации политической мысли. Здесь излагаются способы, которыми государь может приобрести новое государство и упрочить в нем свое владычество. Макиавелли начинает с предмета собственного исследования.

Княжества по происхождению бывают наследованные и новые. Средствами, которыми власть приобретает, могут быть оружие, счастье или доблесть. В соответствии с этими различиями определяются пути для утверждения власти. Общее для этого правило: ослаблять сильных и поддерживать слабых. Важное значение имеет для завоевателя политическое устройство покоренной страны. Там, где нет могущественной аристократии, где вся власть сосредоточена в руках монарха, покорение трудно. Но зато легче удержать край в повиновении, ибо с падением монарха прекращает-

Никколо Макиавелли

ся дальнейшее сопротивление. Напротив, там, где есть сильная аристократия, легко с ее помощью покорить страну, зато жаться в ней труднее. Свободные народы всегда готовы восстать во имя свободы, справиться с ними невозможно. велли рассказывает, как Борджиа притворялся другом своих врагов, как он заманивал соперников под предлогом совещаний и потом убивал их, как он из предосторожности истреблял даже потомство тех людей, у которых отнимал владения. «Разбирая все эти действия герцога, я не могу его осуждать, ибо, имея высокую душу и великие цели, он не мог править иначе». В связи с такими оценками и возникает термин «макиавеллизм» как принцип безнравственной политики. Кому нужно совершить злодеяствия, утверждает Макиавелли, тот должен сделать это разом, чтобы не оставлять народ в постоянном опасении. Общие правила политики таковы: главные основы всех государств суть хорошие законы и хорошее войско. Мудрый государь должен опираться на собственное войско; поэтому главная его забота должна быть устремлена на военное дело. В гражданских делах государь должен быть скорее скуп, нежели щедр. Государь должен более стремиться к тому, чтобы его боялись, нежели чтобы его любили. Государь должен воздерживаться от посягательства как на имущество своих подданных, так и на их жен. Такого рода посягательства более всего возбуждают негодование и вооружают людей против правителя. Слово свое государь должен держать только тогда, когда это ему выгодно; иначе он всегда будет обманут коварными людьми. Вынуждаемый обстоятельствами, государь должен иметь силу льва и хитрость лисицы. Надо принять за правило, что новый государь для сохранения власти вынужден действовать противно всякой правде, всякому милосердию, всякому человеколюбию и всякой религии. Макиавелли дает советы и относительно выбора советников, ибо это первый признак, по которому распознается ум правителя. В особенности он должен избегать льстецов, язвы придворной жизни, и окружать себя людьми, которые бы откровенно высказывали ему правду, когда он их спрашивает. Государь Макиавелли – это новоевропейский тип личности, которая соединяет в себе противоположности различных характеров и не тождественна ни одному из них. Это политик, целью которого является единство

национального государства, и, по мнению Макиавелли, цель эта настолько велика, что для ее достижения любые средства оправданы.

Томас Гоббс (1588–1679). Середина XVII в., с которой многие историки отсчитывают собственно эпоху Нового времени, была ознаменована английской буржуазной революцией. Гражданские войны 1640 и 1648 гг., казнь короля, массовые убийства мирного населения в Ирландии, война в Шотландии, диктатура Кромвеля, затем реставрация королевской власти – таковы бурные и кровавые события той эпохи. В 1688 г. последний самодержец, проводивший антипарламентскую политику, поспешил покинуть Великобританию, и жители острова окончательно перешли от абсолютной монархии к конституционной.

Новый король, дворяне и «третье сословие», таким образом, мирно договорились между собою, и конституционная монархия (она же парламентская республика) как государственная форма правления относительно благополучно дожила до наших дней.

Основной политический трактат Гоббса озаглавлен: «Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского». Левиафан – это библейское чудовище, с ним философ отождествляет государство. Работа была опубликована в 1651 г. в Англии и вызвала нападки как роялистов, так и сторонников Кромвеля.

Томас Гоббс

Трактат «Левиафан» начинается с исследования природы человека. Изучение государства, общества необходимо начать с рассмотрения элементов, составляющих его, и раскрыть генезис целого. Человек – это природное, естественное тело и в то же время «разумное одушевленное тело». Государство «является лишь искусственным человеком, хотя и более крупным по размерам и более сильным, чем естественный человек, для охраны и защиты которого он был создан. В этом Левиафане верховная власть, дающая жизнь и движение всему телу, есть искусственная душа, должностные лица и другие представители судебной и исполнительной власти – искусственные суставы; награда

и наказание (при помощи которых каждый сустав и член прикрепляются к седалищу верховной власти и побуждаются исполнить свои обязанности) представляют собой нервы, выполняющие такие же функции в естественном теле». С одной стороны, это метафора, но с другой – она соответствует методу исследования.

По Гоббсу, «люди равны от природы». В естественном состоянии все люди равны и «имеют право на все» – мыслитель здесь пользуется понятием «естественного права». «Из этого равенства способностей возникает равенство надежд на достижение наших целей. Вот почему если два человека желают одной и той же вещи, которой, однако, они не могут обладать вдвоем, они становятся врагами». Для характеристики этого состояния Гоббс использует древний афоризм «человек человеку волк».

Поэтому природное состояние – это, по Гоббсу, состояние «войны всех против всех». Существуют «три основные причины войны: во-первых, соперничество; во-вторых, недоверие; в-третьих, жажда славы». В таком состоянии ни один человек не может быть уверен в собственной безопасности. Философ полагает фундаментальным «первый и основной естественный закон, гласящий, что следует искать мира и следовать ему». Таким образом, для сохранения собственной жизни и следуя естественному закону, человек отказывается от «права на все вещи в той мере, в какой это необходимо в интересах мира и самозащиты», и довольствуется «такой степенью свободы по отношению к другим людям, которую он допустил бы у других людей по отношению к себе». Страшась за собственную жизнь, люди заключают общественный договор и передают свои права суверену – верховному властителю, который воплощает собой государство. Необходимость соблюдения договоров полагается вторым естественным законом, всего их у Гоббса девятнадцать и их исполнение обеспечивается государством. То есть «искусственное тело», «смертный бог» Левиафан заставляет, по Гоббсу, подданных действовать в соответствии с естественными законами.

Высший закон для суверена – «благо народа». Власть суверена абсолютна, она неделима и ничем не ограничена, поскольку суверен – вне договора. Договор заключен не с ним, он гарант соглашения. Гоббс, таким образом, выступает сторонником абсолютной власти одного человека, противником консти-

туционной иерархии, а также теории разделения властей, так как любое разделение ведет к подрыву самой власти.

Гоббс изучает различные формы правления и наилучшей находит монархию.

Тем не менее сама идея договорного характера государства имела подрывной характер по отношению к теологическим доктринам политической власти. Гоббс вовсе не был атеистом, он высказывает мысль, что теократическая доктрина утрачивает свой смысл после Боговоплощения в лице Христа и власть Бога на Земле осуществляется через суверена. Власть должна быть единой и неделимой, и никакое противостояние светских и духовных властей недопустимо, так как оно ведет к гражданской войне, поэтому духовенство вообще не должно иметь политических амбиций.

Джон Локк (1632–1704). В конце XVII в. и на протяжении двух последующих веков Англия была одной из самых передовых стран мира как в политическом, так и в экономическом отношении. Конституционная монархия как форма государственного устройства была установлена после бегства в 1688 г. Якова II и приглашения парламентом Вильгельма Оранского на английский престол. Основным условием этого было ограничение прав монарха и соответственно расширение прав парламента. Сделка была оформлена законодательно и получила название «Билля о правах» (1689).

Джон Локк

Одним из самых значительных политических мыслителей среди философов английского Просвещения был Джон Локк. Основным политическим трудом Локка являются «Два трактата о правлении» (1690 г.); для понимания его воззрений важны также «Письма о веротерпимости» (1689–1692).

С трудов Локка обычно принято вести родословную доктрины классического либерализма. Иллюстрацией мысли о политической «ангажированности» и востребованности философов той эпохи является то, что Локк сочинил Конституцию Северной Каролины, и документ был принят народными представителями. Это произошло почти за сто лет до образования

США, однако, идеи английских и французских просветителей пригодились американцам в конце XVIII в.

В «Трактатах о правлении» Локк, как и Гоббс, показывает, из каких элементов состоят гражданское общество и государство и каким образом последние можно конструировать из этих элементов и тем самым раскрыть законы функционирования общественных структур.

Первую книгу «Трактатов» Локк посвящает пространной критике теории божественного происхождения монархии, объявлявшей королей наследниками верховной власти первого патриарха – Адама. Философ считает, что «ни один джентльмен не может выступить в защиту рабства», утверждаемого этой теорией.

Вторую книгу он начинает с рассмотрения естественного состояния, однако дает ему иную трактовку, чем Гоббс. По Локку, общество и государство не преодолевают природное состояние, а наоборот, хоть в какой-то мере сохраняют его отдельные элементы. В этом состоянии все люди были равны и пользовались «совершенной свободой действовать и распоряжаться своей собственностью и личностью, как они считали нужным, в пределах естественного закона».

Философ провозглашает, что все люди от рождения обладают естественными, неотъемлемыми правами на жизнь, свободу и собственность. Это фактически единое право, а не набор прав, в нем все составляющие неотделимы друг от друга. Жизнь – это тоже собственность, свобода означает право распоряжаться частной собственностью. Свобода – неотъемлема, поэтому равенство людей может пониматься только как равенство возможностей. Право на собственность естественно, поскольку человек трудится, чтобы преобразовать нечто природное в полезную для себя вещь. Таким образом, собственность, по Локку, первичнее государственных законов, закрепляющих ее.

Локк, отказываясь считать естественным состояние войны всех против всех, однако, утверждает, что в природном состоянии не существует институтов для защиты естественных прав людей, нет и арбитров для разрешения споров, в том числе и имущественных. «Главной и важнейшей целью людей, объединяющихся в государство и подчиняющих себя воле правительства, является защита своей собственности». В естествен-

ном состоянии все люди «свободны, равны и независимы», поэтому выйти из этого состояния они могут только по своей воле. Философ, таким образом, развивает доктрину общественного договора. Свободные люди добровольно заключили общественный договор с целью сохранения и защиты своих неотъемлемых прав. Верховная власть, суверенитет в этом государстве принадлежат народу.

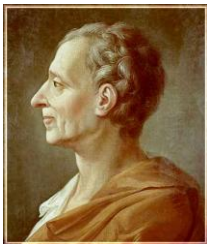
Народ устанавливает форму правления и законы, направленные на защиту прав граждан, основными из которых являются жизнь, свобода и собственность.

Права человека неотчуждаемы, они не передаются суверену. Поэтому если народ сочтет, что его права нарушаются и договор, таким образом, не соблюдается, он имеет право свергнуть власть.

Гарантировать соблюдение прав граждан может только соблюдение принципа разделения властей. Локк выделяет законодательную, исполнительную и «федеративную» ветви власти. Законодательная власть принадлежит парламенту – представительному выборному органу. Исполнительная – королю и правительству. Сфера деятельности «федеративной» власти – внешняя политика. Фактически у Локка получается, что исполнительная власть включает в себя федеративную и судебную.

Философа считают сторонником конституционной монархии, поскольку его теория вполне соответствует переходу Англии в 1688–1689 гг. от абсолютизма к конституционной, парламентской монархии. Но из его доктрины вовсе не следует, что конституционная монархия является наилучшей формой правления для всех времен и народов, и Локк это понимал. В сформулированных им идеях естественных прав личности, неотъемлемости права частной собственности, понимания государства как продукта общественного договора и защитника прав и свобод граждан, идее верховенства закона, теории разделения властей Локк выразил основные принципы либерализма XVII в.

Шарль Луи Монтескье (1689–1755) – французский политический философ, родился в замке Брэд, возле Бордо, на юго-западе Франции. На его политических взглядах сказалась традиционная борьба провинциального дворянства против централизованной абсолютистской монархии.

Шарль Монтескье

Учение Монтескье принадлежит идеологии Просвещения. Не только в «Персидских письмах» (1721), но и в других крупных работах мыслителя: «Размышления о причинах величия и падения римлян» (1734), «О духе законов» (1748), «В защиту “Духа законов”» (1750) отразились все основные черты просветительства. В широко известной работе «О духе законов» Монтескье классифицировал типы правления на основе двух критериев: характера правления (институциональное деление верховной власти) и принципа правления («душа», «пружина» государства).

Только определенные типы государства, согласно Монтескье, являются условием свободы. Монтескье различает три формы правления – республику, монархию и деспотизм. Политические формы правления являются надстройкой над определенной социальной общностью и потому во многом зависят от структуры последней. Монтескье считает, что абсолютно произвольный выбор политической формы правления невозможен. Он выдвигает тезис о том, что естественные факторы, в которых общество существует, задают определенную форму государства, тем самым сформировав концепцию географического детерминизма. Так, по его мнению, «республика по своей природе требует небольшой территории, иначе она не удержится». Большая территория приводит к созданию и накоплению больших богатств, что приведет и к неумеренным желаниям. Каждый из трех видов правления находит свое определение с помощью двух понятий, которые автор «О духе законов» называет природой и принципом правления. В человеческих силах лишь перевести форму правления к умеренному состоянию. Равновесие различных социальных сил является условием для возникновения умеренного правления и возникновения политической свободы. Последняя создается через разделение властей. В отличие от Локка Монтескье заботит не столько ограничение власти государя, сколько создание равновесной системы существующих сословий. Политическая свобода возникает не в пространстве, свободном от права, а в следовании праву.

Учение Монтескье о законодательной власти неразрывно связано с идеей народного представительства. Но народное представительство не тождественно народному суверенитету. Суверенитет у Монтескье имеет государственный характер.

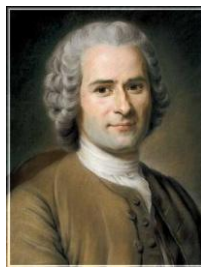
По Монтескье, законодательство в той или иной степени является естественным, так как формируется под влиянием «духа законов». В то же время «дух законов» есть разумная связь, которая проявляется через то, что воспринимается как факторы, структурирующие его внутреннее содержание. «Многие вещи управляют людьми: климат, религия, законы, принципы правления, примеры прошлого, нравы, обычаи; как результат всего этого образуется общий дух народа». Республиканские законы должны соответствовать принципу республики – добродетели, монархические законы – чести. Деспотическое правление обнаруживает свой принцип в чувстве страха. Никогда не следует рассматривать законы независимо от цели и обстоятельств, ради которых и при которых они были созданы. Таким образом, дух законов – это прежде всего дух нации.

У Монтескье идея разделения властей как средства для реализации политической свободы, во многом определившая ход государственно-правового развития Европы и Америки и всего мира, получила наиболее законченный вид. Разработанная им теория нашла прямое отражение в Конституции США 1787 г.

Таким образом, Монтескье попытался отличить политическую свободу и от индивидуальной свободы, и от общественной свободы, которая у Руссо воплощалась в концепции «общей воли».

Жан Жак Руссо (1712–1778). Доктрины народного суверенитета и общественного договора нашли свое продолжение в учении французского философа и писателя Ж. Ж. Руссо.

Революционные идеи Руссо наряду с французским Просвещением XVIII в. во многом идеологически подготовили Великую французскую революцию 1789 г.

Жан Жак Руссо

Трактат Руссо «Об общественном договоре, или Принципы политического права» (1762) может рассматриваться как положительная программа справедливого общественного договора.

По Руссо, «сила не создает права», источником законной власти может быть только добровольное соглашение равных и свободных людей – общественный договор.

Заключая такой договор и выходя из естественного состояния, «каждый из нас отдает свою личность и всю свою мощь под верховное руководство общей воли, и мы вместе принимаем каждого члена как нераздельную часть целого. Вместо отдельной личности каждого договаривающегося этот акт ассоциации немедленно создает моральное и коллективное целое, составленное из стольких членов, сколько собрание имеет голосов, целое, которое получает путем этого самого акта свое единство, свое общее я, жизнь и волю». Таким образом, объединение людей, по Руссо, приводит к созданию всеобщей воли. Целью всеобщей воли является общественное благо, хотя народ не всегда в состоянии его осознать. Примирить частный интерес («воля всех» – это сумма частных интересов) с всеобщей волей, стремящейся к подлинному благу, в рамках доктрины Руссо тем не менее достаточно сложно. Эту проблему будет рассматривать Гегель, соотнося понятия гражданского общества как сферы частных интересов и государства как сферы всеобщего интереса. Руссо считает, что естественный человек индивидуален и целостен, а гражданин – неотъемлемая часть «политического тела», но ведь гражданин «тоже человек».

Подлинный общественный договор предполагает суверенитет народа, т.е. народ должен обладать верховной властью. Руссо отождествляет суверенитет народа с общей волей. Суверенитет един и неделим, волю нельзя передать, поэтому философ отрицал формы представительной демократии. Народ осуществляет законодательную власть, участвуя в референдумах. Народ также избирает форму исполнительной власти. Для небольших государств наиболее предпочтительной формой правления является демократия. Понятно, что рекомендации Руссо сложно осуществить в больших государствах, поэтому закономерно, что философ часто приводил в качестве примера античные полисы. Большим государствам приходится довольство-

ваться монархической формой правления, средним – аристократической. Но и для последних двух форм все положения теории Руссо остаются в силе.

Идеи общественного договора и народного суверенитета стали хрестоматией для политологии и влияют на существующие формы государственного устройства западного мира. Однако модель демократии Руссо имеет принципиально нелиберальный характер.

Иммануил Кант (1724–1804) является родоначальником немецкой классической философии и величайшим мыслителем, внесшим значительный вклад в развитие философской и политической мысли. Кант родился и прожил всю жизнь в Кенигсберге, в университете которого он получил образование на теологическом факультете, где он сделал успешную карьеру от преподавателя до ректора.

Первоначально фундаментальные принципы своей социально-политической теории Кант изложил в 1784 г. в работе «Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане». В более поздних работах, таких как «Ответ на вопрос: что такое просвещение» (1784), «Предполагаемое начало человеческой истории» (1786), «О поговорке "Может быть, это и верно в теории, но не годится для практики"» (1793), «К вечному миру» (1795), «Метафизика нравов в двух частях» (1797), он конкретизировал основные положения этого исследования. Кант задается вопросом, почему стремление к политическому благу приводит, как правило, к противоположному результату, к деспотии и террору над людьми (французская революция 1789 г.)?

Иммануил Кант

В реальности существуют противоположные взгляды на политику. Если есть свобода и основанные на ней моральные и правовые законы, то политика является их реализацией как своих априорных принципов. Когда же общественная жизнь рассматривается как «исключительно механизм природы, то политика (как искусство использования этого механизма для управления людьми) воплощает в себе всю практическую мудрость,

а понятие права есть бессодержательная мысль». Различные трактовки политики порождают два типа политиков. Кант отличает моральных политиков от политических моралистов. Первый совмещает принципы политики с моралью, тогда как второй трактует мораль исходя из государственной выгоды. Политические моралисты готовы оправдать существующее государство как высшее политическое благо, ссылаясь на дурную человеческую природу. Они тем самым увековечивают несправедливость и те несообразности, которые могут быть присущи государственному устройству. Политическое благо, основанное на опыте, воплощается в следующих эмпирических принципах:

«1) *Fac et excusa*. Не упускай случая, благоприятствующего самовластному захвату...

2) *Si fecisti, nega*. Отрицай свою виновность в том преступлении, которое ты сам совершил...

3) *Divide et impera*. Это значит: если в твоём народе есть некоторые привилегированные лица, обладающие властью, которые избрали тебя своим верховным главой (*primus inter pares*), то посеяй между ними раздор и поссорь их с народом...»

Такая политика, безусловно, является пагубной и по существу оказывается антиполитикой. Она основывается на материальном принципе, и ее осуществление зависит от наличия эмпирических условий для достижения целей. Однако цели эти неопределенны, случайны и основываются исключительно на государственном благоразумии.

Когда же в обществе возникают политические отношения и в чем необходимость возникновения государства? Кант делит человеческую историю на два больших периода: историю становления свободы и историю свободы в ее движении вперед.

Второй период начинается с того момента, когда человек, хоть и смутно, впервые осознал себя целью природы и признал это в отношении и другого человека. Разделение труда и первые жизненные потребности повлекли за собой зарождение гражданского устройства и общественной справедливости. Когда же враждебные друг другу пастушеские и земледельческие народы соединяются в одно целое и угроза войны между ними отпадает, возникают деспотии. Таким образом, согласно Канту, когда человек осознает себя свободным и свобода становится общест-

венной проблемой, возникают институты власти. Политическая жизнь становится борьбой людей за их свободу.

Способом взаимодействия людей является антагонизм – «необщительная общительность». Природа хочет раздора, и это является предпосылкой развития человека.

Общественное развитие осуществляется в форме культуры, «которая, собственно, и состоит в общественной ценности человека», а его содержанием является просвещение.

Понятие просвещения неразрывно связано у Канта с понятием вины человека. Эта вина не ситуативна и не случайна. Вина человека заключается в данности, фактичности его бытия. Свобода никогда не предполагается, она всегда полагается как поступок. Не критика суеверий и не знание каких-то истин, а только готовность к самостоятельному мышлению, готовность к тому, чтобы самостоятельно удостовериться в чем-либо, делает нас просвещенными людьми.

Кант исходил из того, что политика должна соответствовать идее права и морали. Следовательно, идея свободы должна быть конкретизирована в праве как политическом принципе. Главную опасность для государственного общежития людей он усматривает в том, что единство политической жизни, всеобщая воля может быть связана с некоей материей цели, материей высшего блага. В таком случае право в государстве становится чем-то особенным, обусловленным благом. Власть тогда будет носителем и толкователем идеи высшего блага и автономия воли превратится в простую фикцию. Именно в этом усматривал он трагедию французской революции, именно здесь заключалось основное противоречие политической доктрины Руссо. В этой плоскости лежит ответ на вопрос, почему все требования признания прав и свобод личности оборачиваются пустой декларацией. Любой мотив, признаваемый в качестве общей цели, неизбежно приводит к деспотизму.

Идею права Кант формулирует следующим образом: «Прав любой поступок, который или согласно максиме которого свобода произвола каждого совместима со свободой каждого в соответствии со всеобщим законом».

Отношение людей друг к другу в такой общности, в которой они подчинены принудительным законам согласно требованию чистого разума, Кант называет гражданским обществом.

Отношение их единства к отдельным членам общества он называет государством. «Государство (*civitas*) – это объединение множества людей, подчиненных правовым законам».

Государство отказывается от принуждения индивида в исполнении им нравственных обязанностей, признавая за ним моральную автономию, и оставляет за собой функцию правового принуждения. Почему же необходимо отказаться государству от стремления к общему благу как достижению счастья для всех членов общества? Кант убежден, что для великого разнообразия материальных целей невозможно найти общее основание. Всякая иная позиция, ставящая на первое место принцип счастья, делает власть всеобщим основанием, политической идеей общности людей. «Суверен хочет по своим понятиям сделать народ счастливым и становится деспотом».

Общественный договор как идея разума конституирует правовое состояние гражданского общества, основываясь на следующих априорных принципах:

- «1) свобода каждого члена общества как человека;
- 2) равенство его с каждым другим как подданного;
- 3) самостоятельность каждого члена общности как гражданина».

Кант различает в государстве три власти: законодательную, исполнительную и судебную. Власти в государстве дополняют друг друга и взаимозависимы.

Различные формы отношения власти и народа могут быть разделены по количеству правящих и по способу управления. Первое есть форма господства, а второе – форма правления. По количеству правящих государства подразделяются на автократические, аристократические и демократические. Однако это различие не имеет принципиального значения, поскольку оно является лишь следствием первоначального законодательства. Во всех этих формах право применяется лишь частично и не является принципом свободы, а лишь способствует покорности народа.

Формы правления подразделяются на республиканскую и деспотическую. Чистая республика – единственный способ правления, делающий свободу условием любого принуждения, которое необходимо для правового государственного строя. Принцип суверенитета права своим следствием имеет недопус-

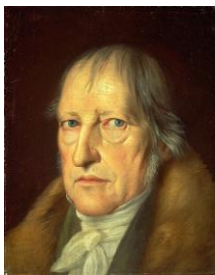
тимость сопротивления существующей власти. Только гласность и свобода печатного слова могут опосредствовать этот конфликт, поскольку благосостояние подданных не вытекает с необходимостью из идеи права и может быть следствием более или менее удачного управления, ошибки которого нельзя считать результатом дурного умысла.

Государства, находящиеся в естественном состоянии по отношению друг к другу, всегда стоят перед угрозой либо со-блазном войны со своими соседями. Правители все чаще и чаще предлагают свои посреднические услуги в разрешении конфликтов между государствами, поскольку ущерб, наносимый войной промышленности, касается и других государств. Такая посредническая деятельность является прообразом и залогом того, что международные отношения также должны перейти в гражданское состояние.

Всемирно-гражданское состояние является наиболее благоприятным условием реализации человека как морального свободного существа.

Идея федеративного устройства союза государств является необходимым развитием идеи свободы в обществе. Конечной целью такого объединения является присоединение всех государств, в результате чего идея вечного мира может быть приближена к осуществлению.

Георг Вильгельм Фридрих Гегель (1770–1831) родился в Штутгарте и получил образование в Тюбингенском теологическом институте. В 1816 г. Гегель становится профессором философии Гейдельбергского университета, а в следующем году возглавляет кафедру в Берлинском университете, став преемником Фихте. Учение Гегеля является важнейшим среди доктрин немецкого классического идеализма и всей философии эпохи Нового времени. Политические проблемы, философские аспекты государства и права рассмотрены немецким мыслителем в работах: «О внутренних отношениях в Вюртемберге Нового времени, прежде всего о недостатках конституции, касающихся управления магистратов», «Конституция Германии», «О научных способах исследования естественного права, его месте в практической философии и его отношении к науке о позитивном праве», «Феноменология духа», «Отчеты сословного собрания королевства Вюртемберг», «Энциклопедия философских наук»,

Гегель

«Философия права», «Философия истории», «Английский билль о реформе 1831 г.». Из всех гегелевских трактатов для истории политических учений наибольший интерес представляет «Философия права» (1821). Политическая теория Гегеля неразрывно связана с его философией, понятие государства играет значительную роль во всеобъемлющей системе великого диалектика. Государство, по Гегелю, – высшая ступень развития объек-

тивного духа, «шестствие Бога в мире».

Развитие идет от абстрактного к конкретному, каждая последующая стадия включает в себя «истину» предыдущих. Это и есть диалектический процесс. Его можно представить следующим образом. Тезис – непосредственное единство, антитезис – отрицание первого момента ступени дифференциации, распада на отдельные абстрактные моменты и наконец синтез – познание себя, возвращение к первоначальной целостности, но уже как к развитому единству, содержащему в себе многообразие.

Процесс самопознания абсолютной идеи разворачивается логически и во времени, как и всемирная история человечества. Этот процесс имеет глобальный характер и охватывает всю человеческую культуру, включая эволюцию политических институтов. Диалектический процесс самопознания происходит как на уровне индивидуального человеческого сознания, так и на уровне сознания общественного. В гегелевской системе третий этап самопознания абсолютной идеи рассматривает «философия духа».

В каждом из этапов можно выделить, в свою очередь, аспекты, соответствующие трем фазам логического развития, и этот процесс можно продолжить. Дух развивается через противоположность субъективного духа (индивидуальное сознание) и объективного духа (общественное сознание, сфера социальных и политических отношений и институтов) восходя к абсолютному Духу, в котором Идея окончательно возвращается к себе.

Ступени развития субъективного духа – антропология, феноменология, психология; объективного духа – право, мораль, нравственность; абсолютного духа – искусство, религия, философия. Все вышеперечисленное суть диалектические триады.

Сфера политического относится к ступени объективного духа. Диалектика объективного духа рассмотрена Гегелем в работах «Энциклопедия философских наук» и «Философия права».

Философия права не создает теорий идеального государства, но в то же время она не занята эмпирическим описанием исторически существующих государств. Философия права изучает идею права и идею государства. Идея, по Гегелю, это не пустая абстракция, а понятие, реализованное, воплощенное в окружающем нас мире, в наличном бытии. Основное значение термина «право», по Гегелю, это свобода. Право также понимается им как закон – позитивное право и как формы осуществления свободы (о них позже).

Свобода составляет сущность духа. Традиционно право и определяют как меру свободы. «Почвой права является вообще духовное, и его ближайшим местом и исходной точкой – воля, которая свободна; так что свобода составляет ее субстанцию и определение и система права есть царство осуществленной свободы, мир духа, порожденный им самим как некая вторая природа». Право, по Гегелю, является «наличным бытием свободной воли», или оно есть «свобода как идея». Последнее означает, что право – это осуществленная свобода. На ступени объективного духа эта свобода воплощена в политических и социальных институтах, которые нельзя рассматривать только как цепи, сковывающие «естественного» человека, как это делает Руссо.

Этапы диалектического развития свободной воли и соответственно права как реализованной свободы – абстрактное право, мораль, нравственность.

Первая ступень, абстрактное право, содержательно наиболее бедна, это этап, на котором «личность содержит вообще правоспособность» и «веление права гласит: будь лицом и уважай других в качестве лиц».

Свободу человек может реализовывать в материальном мире, присваивая и преобразуя вещи. Человек может превратить вещь в свою собственность. По Гегелю, в частной собственности человек реализует свою свободу, эта собственность необходима, разумна. При обмене и передаче прав собственности возникают договорные отношения. Собственностью и объектом договоров могут быть только вещи. Личность человека, его сво-

бода, нравственность, свобода совести неотчуждаемы. Таким образом, понимание государства как продукта социального договора (Локк, Гоббс, Руссо), по Гегелю, ошибочно.

Свободная воля выражает себя не только внешним образом, но и во внутреннем мире человека. Внешнее поведение, поступки регулируются законом. Мораль неподсудна. Гегель различает понятия морали и нравственности. Мораль субъективна, нравственность объективна (это «объективная мораль», социальная этика).

«Нравственность есть идея свободы, как живое добро, которое в своем самосознании имеет свое знание, воление, а через его действие свою действительность». Это практическое воплощение свободы, когда достигается гармония внутреннего и внешнего в самом человеке и отдельная частная воля находится в согласии со всеобщей волей. Напомним, что нравственность – это высшая ступень развития свободы, на этом этапе свобода (и нравственность) реализуются в политических и социальных институтах. Нравственность предстает, таким образом, не как абстракция, не как долг, а как нечто вполне реальное. Формы развития нравственности – семья, гражданское общество и государство. Эта триада выражает отдельные аспекты развития «нравственной субстанции».

Самый простой, непосредственный тип общности – семья. Человек «являет себя» в семье «не как лицо для себя, а как член этого единства». Следующий этап представляет собою отрицание нравственного единства предыдущей фазы развития – это гражданское общество. Гражданское общество состоит из множества семей и отдельных лиц, которые являются своего рода социальными атомами. «В гражданском обществе каждый для себя – цель, все остальное для него ничто». Гегель определяет гражданское общество как сферу частного интереса. Гражданское общество – это прежде всего общество частных собственников. Частная собственность является его основой, фундаментом, и при отсутствии таковых говорить о существовании гражданского общества не приходится. Это общество сформировалось только в «современную эпоху» и характеризует достаточно высокий уровень свободы человека и общества. Исторически это соответствует капиталистической экономике и обществу

буржуазных государств XVIII – начала XIX в. Идеологически эти реалии отражены в классических либеральных доктринах. Поскольку индивидуальные интересы могут сталкиваться друг с другом, это общество раздирается противоречиями; философ определяет его как «духовное животное царство» – это стихия, в нем еще не господствует разум. Когда человек пытается достичь своих целей, он вынужден взаимодействовать с другими людьми и попадает от них в зависимость.

Частное здесь связано со всеобщим, но эта связь внешняя, вынужденная. По Гегелю, гражданское общество можно «рассматривать как внешнее государство, как государство нужды и рассудка». Оно содержит в себе три следующих момента: «...систему потребностей; защиту собственности посредством правосудия; заботу о предотвращении остающейся в этих системах случайности и внимание к особенному интересу как к общему с помощью полиции и корпораций».

Трудясь для удовлетворения своих потребностей, человек производит средства для удовлетворения потребностей других людей. Возникает сложная система взаимоотношений. Общество оказывается определенным образом структурировано. В нем формируются сословия в зависимости от типа собственности, вида трудовой деятельности, степени выражения всеобщего интереса. По Гегелю, «сословия определяются соответственно понятию», т.е. соответствуют трем моментам диалектического развития. Первое – «субстанциальное» сословие, это землевладельцы, каковыми являются дворяне и крестьяне. Они выражают момент непосредственного единства, их труд в большей степени зависит от природы, а не от их рассудка. Этому сословию «не приходится много думать самому»; это формирует «чувство зависимости». Второе сословие Гегель называет промышленным, это фабриканты, торговцы и ремесленники. Они уже «оторвались» от природы, она для них лишь материал. Достигнутые результаты в большей степени зависят от их рассудка, и они не полагаются на милости природы. «Индивид промышленного сословия всецело зависит от себя, и это чувство своей значимости теснейшим образом связано с требованием правопорядка. Поэтому сознание свободы и порядка возникло главным образом в городах». Третье – это «всеобщее» сословие или чиновники.

Они стоят на страже всеобщего интереса, тогда как промышленное сословие ориентировано на частный. Частный интерес чиновников «находит свое удовлетворение в работе на пользу всеобщего».

Отношения внутри гражданского общества регулируются правом. Право – это более бедная, абстрактная форма свободы. Закон (или позитивное право) является «формой выражения и реализации права. Правовые основоположения – это принципы «свободы собственности и, сверх того, личной свободы, гражданского вещества, его промышленности и его общин, наконец, урегулированной, подчиненной законам деятельности специальных ведомств». Система позитивного права поддерживается полицией. По Гегелю, важным структурным элементом гражданского общества являются корпорации. Гражданское общество базируется на двух столпах: святости брака и корпоративной чести. Неуважение к этим святыням подрывает устои общества.

Семья, как первый этап диалектического процесса развития нравственности, представляет собой первоначальную целостность; в ней важным фактором являются чувства. Гегелевское понимание государства шире современных трактовок государства как основного элемента политической системы общества. Государство – это «обладающая самосознанием нравственная субстанция». В нем находит свое выражение всеобщая воля, это сфера всеобщего интереса. Воли отдельных граждан являются логическими моментами всеобщей воли. Частные воли не первичны, они не образуют путем суммирования и вычитания всеобщую волю, она не есть мнение большинства. Полученная таким образом сумма была бы абстрактной общностью. Целостность, тотальность, по Гегелю, первична по отношению к единичному, частному. Всеобщая воля разумна, большинство может заблуждаться.

Напомним, что развитие является не временным, а логическим процессом, семья и гражданское общество – это логически абстрактные моменты более конкретной идеи (государства). «В ходе развития научного понятия государство является как результат, а между тем оно оказывается подлинным основанием. Поэтому в действительности государство есть вообще первое, внутри которого семья развивается в гражданское общество».

Государство и гражданское общество – это соотносительные понятия, они не существуют друг без друга. Государство является целью развития общества (подобная доктрина называется этатизмом). В то же время оно первично по отношению к гражданскому обществу и логически и хронологически. Гражданское общество сформировалось только в эпоху Нового времени.

Государство, по Гегелю, не может быть продуктом общественного договора и функциональным придатком гражданского общества, как утверждают либеральные доктрины. Мысль, что человек свободен лишь в государстве, отрицает основной пафос учения Руссо. «Если смешивать государство с гражданским обществом и полагать его назначение в обеспечении и защите собственности и личной свободы, то интерес единичных людей как таковых оказывается последней целью, для которой они соединены, а из этого следует также, что в зависимости от своего желания можно быть или не быть членом государства. Однако на самом деле отношение государства к индивиду совсем иное; поскольку оно есть объективный дух, сам индивид обладает объективностью, истиной и нравственностью лишь постольку, поскольку он член государства». Таким образом, человек свободен благодаря государству, эта свобода "одновременно есть и высшая ступень нравственности, на которой особенные, частные интересы находятся в осознанном гармоническом единстве с всеобщим интересом.

Идея государства, по Гегелю, «обладает:

а) непосредственной действительностью и есть индивидуальное государство как соотносящийся с собой организм, государственный строй или внутреннее государственное право;

б) она переходит в отношение отдельного государства к другим государствам – внешнее государственное право;

в) она есть всеобщая идея как род и абсолютная власть, противопоставляющая себя индивидуальным государствам, дух, который сообщает себе в процессе всемирной истории свою действительность».

Таким образом, по Гегелю, в идее государства можно выделить, во-первых, государственный строй и конституцию, во-вторых, международное право и, наконец, всемирную историю как арену действия мирового разума. Рассмотрим эти аспекты.

Важно, что индивидуальное государство является органическим единством, а не механизмом. Диалектические, органические аргументы привели Гегеля к уточнению классической теории разделения властей. Философ полагает, что если рассматривать ветви власти как моменты понятия или как фазы диалектического процесса, то получится иная картина. А именно власть политическая подразделяется:

на власть определять и устанавливать всеобщее – законодательную власть;

на власть подводить особенные сферы и отдельные случаи под всеобщее – правительственную власть;

на власть субъективности как последнего волевого решения, власть государя, в которой различные власти объединены в индивидуальное единство и которая, следовательно, есть вершина и начало целого – конституционной монархии.

Воскрешая на диалектическом уровне старинный тезис Полибия, Гегель утверждает, что конституционная монархия хороша тем, что она преодолевает односторонности абсолютной монархии, аристократии и демократии. Органическое единство, неделимость государственной власти определяет суверенитет государства. Разумность монархии заключена, по Гегелю, также в том, что суверенитет государства выражен в лице главы власти – монарха. Это, конечно же, не гоббсовский суверен, поскольку монархия конституционна и глава власти стоит на страже всеобщих интересов.

Суверенитет народа, противопоставленный власти монарха, неразумен. Нельзя абстрактно вырывать народ из органического единства, коим является государство, ибо это превратит народ в «бесформенную кучу». Форма правления существующих государств определяется «духом народа» в его конкретном культурно-историческом воплощении, степенью развитости его самосознания. «Государственный строй народа не есть чисто внешнее устройство. Народ может иметь как то, так и другое государственное устройство. Оно зависит главным образом от характера народа, от его нравов, степени образованности, от образа жизни и численности народа». «Каждый народ имеет то государственное устройство, которое ему соответствует и подходит».

Законодательная власть определяет и устанавливает всеобщее, поэтому в законотворчестве должны принимать участие все граждане. Гегель выступает за сословное представительство в законодательной власти, которая состоит из двух палат. В верхней палате представлены дворяне – землевладельцы, места в ней наследственны. В нижней палате заседают представители других сословий. «Если депутаты рассматриваются как представители, то это имеет органический разумный смысл лишь в том случае, если они являются представителями не единичных лиц, не массы, а представителями одной из существенных сфер общества, представителями его крупных интересов». Т.е. депутаты должны представлять корпорации и общины. Законы, по Гегелю, принимаются законодательным органом и утверждаются монархом, однако правительство должно принимать участие в их создании. Этим достигается единство государства.

Эмпирически существующие государства могут в большей или меньшей степени соответствовать «своему понятию», быть в большей или меньшей степени «разумными». Государство есть нравственная идея, т.е. понятие, которое воплотилось в бытии. Поэтому в сущем нужно видеть разумное, истинное. Разумное, по Гегелю, имеет необходимый характер, оно рано или поздно всегда проложит себе дорогу. Прежде чем идея государства воплотилась в форме конституционной монархии Европы эпохи Нового времени, она прошла длительный путь исторического развития.

Неотъемлемым свойством государства является его суверенитет. Суверенитет абсолютен, иначе государство просто не будет органическим единством. Над государствами нет никакой внешней силы, которая разрешала бы конфликты между ними. Международное право хотя и существует, но не носит субстанционального характера в отличие от внутреннего права. Во внешнем международном праве отсутствует всеобщая воля. Таким образом, возникает ситуация «войны всех против всех». «Если особенные воли не приходят к соглашению, спор между государствами может быть решен только войной». Войны естественны – Гегель предлагал принять это как данность.

История представляет собою прогресс в осознании человеком своей свободы и реализации этой свободы, в том числе

в социальных и политических институтах. История разумна, она имеет смысл и направленность. Дух, мировой разум направляет ход истории и стоит за ее событиями.

Однако это не означает, что абсолютно все предопределено и в мире господствует фатализм. Отдельные народы могут воплощать отдельные абстрактные моменты и принципы Духа, что делает их историческими. Другие нации могут прозябать на обочине исторического процесса. Историческим народ может стать, только достигнув в своем развитии ступени государственности. История есть одновременно и всемирный суд над народами.

Историческим этапам самосознания Духа, прогрессу в сознании свободы соответствуют четыре всемирно-исторических царства: 1) восточное; 2) греческое; 3) римское; 4) германское.

Первое царство – это восточные деспотии. Здесь все рабы, кроме деспота. «В пышности... целого индивидуальная личность бесправно исчезает». В древних Греции и Риме свободны лишь некоторые. Наконец, на мировую сцену вступают германские народы, фактически это народы Западной Европы; существенно, что они являются христианскими. На этом этапе свободны все люди в обществе. Достигнута гармония индивидуального и общего. Нравственность достигает высшей стадии развития в государстве, и объективный дух исчерпывает свою определенность. Абсолютная идея достигает уровня абсолютного духа. Логическое развитие происходит через конечный дух, который творит в искусстве, религии и философии. Эти три формы общественного сознания являются логическими ступенями развития абсолютной идеи. Хронологически же оказалось, что в первой половине XIX в. абсолютная идея познала саму себя в гегелевской философии и всемирная история как история прогресса закончилась. Философия Гегеля оказала огромное влияние на все последующие социально-политические учения конца XIX–XX вв.

Классическая концепция демократии А. Токвиля

Все политические учения по XVIII в. включительно умозрительны в том смысле, что они не основывались на специальных эмпирических исследованиях, без которых немислима современная наука. Только в XIX в. появляются концепции, кото-

рые уделяют достаточное внимание исследованию эмпирического материала и тем самым закладывают основы политологии.

Французского ученого **А. Токвиля** (1805–1859) называют «отцом» политологии, и не только потому, что он говорил о необходимости создания «новой политической науки для нового мира», но и потому, что подобно М. Веберу и Э. Дюркгейму в социологии, он был прежде всего ученым, который занимался политическими проблемами и на эмпирическом уровне, а не философом, изучающим и социально-политическую сферу, как его предшественники Т. Гоббс, Ж. Ж. Руссо и Ш. Монтескье.

А. Токвиль

Интересно, что политология началась с изучения демократической системы правления, как сама политика – с создания демократического государственного устройства. Правда, демократическая система, которую изучал Токвиль на примере США, была далеко не такой, которая возникла в Древней Греции, но совпадение не случайно. Наука исследует большие объемы материала, а в демократической политической системе как раз действуют широкие массы населения, объединенные в соответствующие социальные институты.

Токвиль понимал под демократией отсутствие сословных различий, гражданское (политическое) равенство. Токвиль полагал, что цель демократии как власти большинства – благосостояние населения. Мир идет к обеспечению равенства условий существования для всех. Его политическая форма – демократия – основывается на равенстве условий. Результатом является свобода, составляющие которой:

- 1) отсутствие произвола (законность);
- 2) федеративность (учет интересов отдельных частей государства);
- 3) наличие общественных объединений (гражданское общество);
- 4) независимость прессы;
- 5) свобода совести.

Причинами становления демократии в Америке Токвиль считал осуществление принципа разделения властей, широкое

честное самоуправление и децентрализацию, суд присяжных и контроль суда за чиновниками, свободу совести и препятствующее вырождению демократии религиозное чувство, конституцию, обеспечивающую порядок в государстве и предотвращение ущемления гражданских прав, а также характер колонистов – людей предприимчивых, средних по своим способностям, с авантюрной жилкой и жаждой свободы, склонных к религиозной независимости и чистоте (пуритане), и трудные условия жизни, что способствовало равенству и взаимопомощи.

Залогом свободы, по Токвилю, «является свобода выбора, а на правительство надо смотреть лишь как на сдерживающую силу, к помощи которой надо прибегать в крайних случаях, когда частная инициатива бессильна... Государственная власть – опасная вещь, и чем меньше у нее законных полномочий, тем меньше угроза тирании». Возникновению тирании препятствует «воспитание, практический опыт, действующий в рамках закона консерватизм, религия, гражданственность народа, проникнутого индивидуализмом, свобода ассоциаций, уважение к закону, богатые возможности, открывающиеся перед всеми классами». Гарантией хорошей работы чиновника служат административная иерархия, выборность и контроль со стороны суда, особенно последнее.

Токвиль пытается разобраться в том, что может быть источником общей воли граждан: «В мире не существует ничего иного, кроме патриотизма или религии, что могло бы заставить самых различных граждан в течение долгого времени сообща стремиться к общей цели». Об этом же писал ранее Д. Юм: «Человек, который восприимчив только к дружбе и в котором отсутствует патриотизм или уважение к обществу, лишен самой существенной стороны добродетели». Отсюда вывод: чтобы разрушить государство, надо прежде всего лишить его граждан патриотических и религиозных чувств.

Токвиль находит много недостатков в демократической системе, но считает, что она лучшая из существующих. Об этом свидетельствуют следующие высказывания. «Партии – это зло, свойственное демократическому правлению». «Единственное средство нейтрализовать влияние газет – это увеличить их количество». «Те, кто рассматривает всеобщее избирательное право

как гарантию хорошего выбора, сильно заблуждаются». «В глазах демократии правительство – это не благо, это – неизбежное зло». Американцы «подчиняются законам, как осознанно необходимому злу, но также и как временному злу». «Я не знаю ни одной страны, где в целом свобода духа и свобода слова были бы так ограничены, как в Америке». Так, свобода, которую дает демократия, оборачивается своей диалектической противоположностью.

В то же время Токвиль предвидел опасные тенденции централизации власти в демократических странах, что и произошло в XX в. «Любая власть естественным образом стремится к расширению сферы своего влияния. И в конечном итоге она этого добивается, неустанно и целенаправленно воздействуя на людей, чьи мысли, желания и общественное положение каждодневно меняются». Токвиль делает вывод, который мог бы претендовать на закон: «чем старше демократическое общество, тем более централизовано в нем управление». Современные американские политологи склонны согласиться, что данный закон действует в США.

Социально-политическое учение О. Конта

О. Конт (1798–1857) называют «отцом социологии». Основной причиной социальных изменений Конт считал прогресс человеческого разума. Это можно назвать тенденцией рационализации. В прогрессе разума Конт видел единый замысел истории. Социальные изменения Конт прослеживает в трех направлениях: разум движется от фетишизма к позитивизму, т.е. от синтеза, основанного на принципе субъективности, до открытия социальных законов; деятельность развивается от военной фазы к индустриальной, т.е. от борьбы людей между собой до борьбы их с природой; чувства проходят путь от эгоизма к альтруизму.

Конт полагал, что уходит в прошлое тип общества, которое он назвал теологическим и военным, и ему на смену приходит общество научное и индустриальное, каковым он считал прежде всего западное общество. Ученые заменяют жрецов и теологов в качестве группы, образующей основу общества, а предприниматели – военных. Победа нового типа общества неизбежна. Действительность XIX–XX вв. показала, что Конт во многом

О. Конт

выдавал желаемое за действительное. Войны не сходят с исторической арены и после создания индустриального общества. Индустриальное общество точнее соотносить с доиндустриальным (аграрным, традиционным) обществом. Соответствующая модификация учения Конта привела в дальнейшем к созданию теории индустриального и постиндустриального общества.

Конт полагал также, что в процессе роста общественного разделения труда общественные функции все более и более дифференцируются, а сами общества унифицируются, т.е. становятся все более похожими друг на друга. Этот процесс имеет место в современном мире, хотя протекает он не столь быстро, как прогнозировал Конт.

Главным условием общественного прогресса, по Конту, является не преодоление классовых противоречий и социального неравенства и не установление демократического политического строя, а научная организация труда, преобразование всего общества и управление им на разумных, научных (позитивных) основах. Здесь Конт выступает как основатель позитивизма, безгранично верящий в силу науки.

Марксизм

В истории мировой политической мысли и политической жизни Европы и России второй половины XIX–XX вв. совершенно особое место занимает марксизм. Он возник в 40-х гг. XIX в. в Германии, где тогда назревала буржуазно-демократическая революция. Особенностью революционной ситуации в Германии в сравнении с ранними буржуазными революциями в странах Западной Европы (Голландия, Англия, Франция) был выход на арену политической борьбы нового класса – пролетариата, выступившего со своими особыми требованиями. Но пролетариату не доставало политической программы, стратегии и тактики революционной борьбы, обоснования перспектив создания нового общественного строя. Выполнение этой задачи взяли на себя молодые немецкие мыслители Карл Маркс и Фридрих Энгельс.

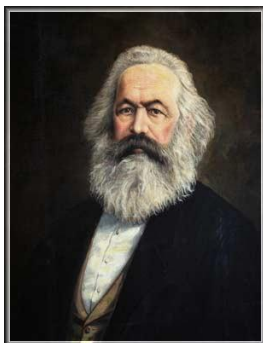
Карл Маркс родился 5 мая 1818 г. в городе Трире в семье адвоката. Окончил гимназию, учился в университетах Бонна и Берлина, где изучал юридические науки, историю, философию.

В 1844 г. Маркс знакомится с Фридрихом Энгельсом, и с этого времени начинается их совместная научная и революционная деятельность.

Фридрих Энгельс (1820–1895) родился в Бармене, в семье богатого текстильного фабриканта.

Книга Энгельса «Положение рабочего класса в Англии» (1844) является одним из первых серьезных социологических исследований. Она содержит глубокий анализ экономического положения английского рабочего класса, борьбы классов и партий, вывод о неизбежности социальной революции, главной силой которой будет английский пролетариат.

Жертвуя собственными творческими планами, Энгельс, вынужденный работать в торговой фирме в Манчестере, в течение многих лет самоотверженно оказывал финансовую поддержку семье Маркса.

Маркс

Энгельс

Весной 1847 г. Маркс и Энгельс примкнули к тайному обществу «Союз коммунистов», преобразованному из созданного немецким коммунистом-утопистом Вейтлингом общества «Союз справедливых». По поручению II съезда «Союза коммунистов» Маркс и Энгельс составили «Манифест коммунистической партии» (1848) – документ, в котором четко изложены основные позиции нового мировоззрения: материализм, охватывающий и область социальной жизни; диалектика как наиболее всестороннее и глубокое учение о развитии; теория классовой

борьбы и всемирно-исторической роли пролетариата – творца нового коммунистического общества.

После раскола Интернационала бакунистами и перенесения его Генерального совета в Нью-Йорк Маркс продолжает работу над «Капиталом», но труд, которому были отданы 40 лет жизни, остался незавершенным: 14 марта 1883 г. Маркса не стало.

Ф. Энгельс в работе «Анти-Дюринг» (1878), подводившей итог развития марксизма за три десятилетия, основными частями марксизма называет философию (диалектический и исторический материализм), политическую экономию и социализм (теорию научного коммунизма). Каждой из трех частей соответствуют свои основные теоретические источники: немецкая классическая философия, английская политическая экономия, французский утопический социализм. Среди наиболее выдающихся мыслителей, оказавших влияние на создание марксистского учения, обычно указывают немцев Л. Фейербаха и Г. Гегеля, англичан А. Смита, Д. Рикардо, Р. Оуэна, французов А. Сен-Симона, Ш. Фурье.

Материалистическое понимание истории, новый взгляд на роль экономики в жизни общества дали возможность создателям марксизма вскрыть основное противоречие капитализма – противоречие между производительными силами и производственными отношениями, между общественным характером производства и частным способом присвоения. Это противоречие проявляется как антагонизм между пролетариатом и буржуазией. Оно находит свое разрешение в пролетарской революции. Взяв власть в свои руки, пролетариат превращает средства производства в общественную собственность.

Нередко вообще марксизм называют политическим учением, так как задача, которую ставили перед собой создатели марксизма, заключалась в выработке научной теории, способной, являясь теоретическим выражением пролетарского движения, вооружить пролетариат для ниспровержения экономического и политического господства буржуазии, завоевания политической власти. А в собственном смысле слова политическая власть, по мнению Маркса, – это организованное насилие одного класса для подавления другого. Власть нужна пролетариату, утверждалось в «Манифесте Коммунистической партии», для того чтобы «вырвать у буржуазии шаг за шагом весь капитал, централизо-

вать все орудия производства в руках государства, т.е. пролетариата, организованного как господствующий класс, и возможно более быстро увеличить сумму производительных сил».

Учение о диктатуре пролетариата с неизбежностью вытекало из марксистской теории классов и классовой борьбы.

Маркс и Энгельс объясняли существование классов и их столкновение между собой степенью развития их экономического положения, характером и способом производства и определяемого им обмена.

Маркс пишет: «То, что я сделал нового, состояло в доказательстве следующего:

1) что существование классов связано лишь с определенными фазами развития производства;

2) что классовая борьба необходимо ведет к диктатуре пролетариата;

3) что эта диктатура сама составляет лишь переход к уничтожению всяких классов и к обществу без классов».

Марксистские традиции в исследовании политической жизни в конце XIX–XX столетии находят свое выражение и развитие в двух основных направлениях: революционном и реформистском. Революционное течение в марксизме нашло свое выражение в ленинизме, в работах выдающихся теоретиков Запада и марксистской политической мысли (Р. Люксембург, А. Грамши, Д. Лукача и др.).

Реформистское направление в Западной Европе возглавили лидеры II Интернационала К. Каутский и Э. Бернштейн, действовавшие под лозунгом «Движение – все, конечная цель – ничто». Реформистская стратегия рассматривала социализм как процесс комплексного преобразования экономических и общественных структур в соответствии с социалистическими требованиями. Партии Социалистического Интернационала, взяв на вооружение идеи постепенного преобразования капитализма в социализм, разработали и утверждают в своей деятельности концепцию демократического социализма. Основные положения этой концепции изложены в «Декларации принципов Социалистического Интернационала», принятой в 1989 г. в Стокгольме на XVIII конгрессе Социалистического Интернационала. В этом документе говорится: «Демократический социализм представляет собой международное движение за свободу, социальную

справедливость и солидарность. Его цель состоит в том, чтобы добиться мирного международного устройства, при котором можно укрепить основные ценности, а каждый человек получит возможность развить свои личные качества и таланты, пользуясь гарантиями человеческих и гражданских прав в демократическом обществе». Демократический социализм как общественная система функционирует на основе смешанной экономики, социальной справедливости, свободы и равенства, социальной защищенности членов общества. Эти принципы находят сегодня широкое воплощение и в программах политических партий в нашей стране.

2.4. Политическая мысль в России

В силу целого ряда причин (исторических и геополитических) Киевское государство (IX–XII вв.) отличалось в своем развитии от стран Западной Европы, что не могло не сказаться на развитии русской политической мысли. В древнерусских летописных трактатах и литературных произведениях нашли свое отражение важнейшие политические проблемы, волновавшие современников: происхождение государства и великокняжеской династии (обосновывалась законность варяжской династии Рюриковичей), укрепление единства всех восточнославянских земель (княжеские междоусобицы наносили государству значительный урон), суть великокняжеской власти (она должна быть сильной, но доброжелательной), взаимоотношения церкви и государства. Последний вопрос, столь актуальный для политической мысли христианской Европы в Средние века, на Руси решался по образцу византийскому, в духе так называемой цезарепапистской идеологии: светские государи главенствуют над церковью. Дело в том, что огромное влияние на Древнюю Русь уже с IX в. оказала византийская цивилизация, откуда были заимствованы восточное христианство и авторитарные принципы организации политической власти. Уже Халкидонский Вселенский собор 451 г. провозгласил формулу «царя-первосвященника – учителя веры», что утвердило новую политическую идею – царя, который объединял функции «вечного первосвященника» и земного владыки. Крещение Руси в 988 г. и возведение

христианства в ранг государственной религии способствовали утверждению идеологии, согласно которой правитель является земным представителем самого Бога.

Древнейшие литературные памятники Руси, где политическая мысль своего времени нашла наиболее яркое отражение, – древнерусские летописи и жития древнерусских святых (среди них особо следует выделить Бориса и Глеба, а также Сергия Радонежского) «Русская Правда» Ярослава Мудрого, «Поучение» Владимира Мономаха, а также «Моление» Даниила Заточника. Поиски смысла исторического бытия русского народа и государства уже тогда становятся предметом «древнего любомудрия». К сочинениям такого рода следует отнести «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона (ок. 1050). Хотя трактат выдержан в богословском духе того времени, в нем впервые ставится вопрос о мессианской роли «свежего» русского народа, на который через акт крещения снизошла божественная благодать. К этому типу сочинений принадлежит и первый летописный свод «Повесть временных лет» (начало XII в.), в котором обсуждаются вопросы о началах исторического бытия русского народа и государства, о природе добра и зла в истории.

Киевский период русской истории не знал абсолютной власти князя. Власть его была единодержавной, т.е. монархической, но еще не самодержавной в смысле абсолютной, будучи ограничена сильными вечевыми институтами и традицией совета с дружинниками-боярами. Нельзя забывать и о феномене Новгородской и Псковской республик, где монархическая идея была вовсе отвергнута. Новгородские летописи свидетельствуют о том, что, официально приняв христианский культ, эти земли не приняли идеологии византизма и развивались на основе принципов самобытной русской демократии. Архиепископ Новгорода утверждался вечем, а значит, имел свои полномочия не свыше, а от народа. Господство Золотой Орды (в XIII–XV вв. российская политическая культура в значительной степени формировалась под ее влиянием) объективно помогло становлению на Руси византийской модели власти. С присоединением Новгорода к Московскому княжеству носителем политического суверенитета становится только великий князь Московский.

Политическая мысль периода Московского государства

Новый период русской государственности – московский – генерирует политические идеи, ставшие базисными в российской политической культуре. Обосновывается право московских государей на неограниченную самодержавную власть (сильную, но справедливую – именно таково было значение словосочетания «грозная власть»), а также идея великодержавности: Москва – Третий Рим. Крушение Византии (в 1453 г. Константинополь пал под напором турок) привело к возникновению теории о всемирно-исторической роли Москвы, кратко изложенной в посланиях игумена Псковского монастыря старца Филофея к московским князьям. В них проводилась мысль о том, что с падением Рима и Константинополя центром христианства становится Россия во главе с русским князем – страна принимает на себя миссию отстаивания и утверждения православной веры. Идея «Москва – Третий Рим» стала основой идеологии Московского государства: в сознание россиян настойчиво внедрялась мысль, что Русь – это исключительное, стоящее над другими странами государство – Святая Русь, а русские – богоизбранный народ.

Логическим следствием распространения концепции «Москва – Третий Рим» явилось венчание на царство Ивана IV Грозного в 1547 г. Русский царь становился помазанником Божьим, т.е. заместителем Бога на земле. Сочинения Ивана Грозного (прежде всего его «Переписка» с князем Андреем Курбским) посвящены обоснованию абсолютной, тиранической власти монарха, ответственного только перед Богом. В блестящей публицистической форме он критикует «пороки» сословно-представительного правления («там особь каждая о своем печется»). Иван IV впервые в истории русской политической мысли четко сформулировал идею патерналистского правления, которая также стала одним из архетипов российского политического сознания: только государь знает об истинных нуждах своих подданных, и лишь он вправе заботиться «о чести и о выгодах для страны». Политический оппонент Ивана IV князь Андрей Курбский (ок. 1528–1583), свидетель ужасов опричнины, полемизируя с царем, обосновывает необходимость монархии с сословно-представительным органом, «продленной» и основанной на законах. К аналогичным выводам, уже на основе уроков Смутного вре-

мени, входит И. Тимофеев (1555–1631). Анализируя в своем «Временнике» этот трагический период отечественной истории, он критикует тиранические правления, отстаивает идею сословно-представительной монархии, провозглашает право народа на сопротивление «злонамеренной» власти.

Во второй половине XVII в. в России прослеживается тенденция к установлению абсолютной монархии. Идеологическое обоснование абсолютизма (в России он имел совершенно иную социально-политическую природу – с западноевропейским абсолютизмом его роднили лишь формальные признаки) сразу начинается с разработки различных вариантов учений о просвещенной абсолютной монархии. Симеон Полоцкий (1629–1680) говорит о желательности и благодетельности монархии, основанной на законах, перед которыми все равны. Ю. Крижанич (ок. 1618–1683), автор политического трактата «Политика», следуя Аристотелю, называет «правильные» и «неправильные» формы правления. «Совершенное самовладство» (так Крижанич обозначает абсолютную монархию) – наилучшая форма правления в том случае, если государь – просвещенный правитель и обеспокоен прежде всего благом народа. Гарантия против превращения совершенного самовладства в наихудшую форму правления – тиранию – принятие законов, обязательных и для народа, и для правителей. Взгляды Полоцкого и Крижанича отражали настроения в пользу постепенного, ненасильственного варианта модернизации российского общества, несомненно более медленного, чем тот, на которому вскоре двинулась страна.

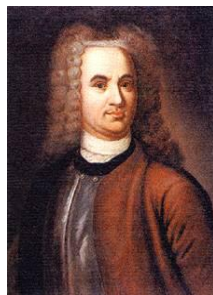
Политическая мысль периода Империи

Новый этап российской истории начинается на рубеже XVII–XVIII вв. реформами Петра I. Растущее воздействие со стороны западных стран, угроза колониальной зависимости потребовали решительных мер по усилению государства и реформированию экономики на основе заимствования западных достижений. Европеизация российского общества, предпринятая Петром I, требовала своего идеологического обоснования. Только абсолютная власть самодержца, опирающаяся на разветвленный бюрократический аппарат, могла инициировать и контролировать осуществление масштабного экономического, социального и политического эксперимента.

Феофан Прокопович (1681–1736), глава «ученой дружины» Петра I, используя теорию общественного договора, обосновывает идею ничем не ограниченной самодержавной власти: в момент совершения договора (обусловленного Божьей волей, а не разумом) народ полностью и навсегда отказывается от своих прав и свобод. Теорию Прокоповича принято называть патерналистско-бюрократической моделью неограниченной монархии. Ее можно рассматривать как оправдание нарождавшегося в России полицейского государства.

Феофан Прокопович

В. Н. Татищев

Ф. Прокопович и В. Н. Татищев (1686–1750), историк и государственный деятель, следуя аристотелевской классификации государственных форм, доказывали, что в России в силу ее больших пространств и отсутствия достаточного просвещения у народа возможно лишь абсолютное «самовластие». Русские мыслители петровского времени, познакомив общество с идеями раннего Просвещения, в то же время давали совсем иную трактовку теориям естественного права и общественного договора: идеи политической свободы и гражданского равенства из них не вытекали. Следует отметить и такую особенность политической мысли в России: в отличие от Западной Европы в стране не было крупных представителей теократической парадигмы, обосновывавших превосходство церковной власти над светской (такую систему взглядов принято называть папоцезаризмом). Русская православная церковь, наследуя византийские традиции, придерживалась иной, цезарепапистской идеологии.

В то же время политическая мысль находилась под сильным давлением религиозного мировоззрения (развивались классические теории о божественном происхождении царской власти), и ее освобождение от этого влияния происходило медленнее, чем в Западной Европе.

Со второй половины XVIII в. в России начинают складываться классические направления в политической мысли Нового времени – консервативное, либеральное и революционно-демократическое (радикальное).

Консервативная политическая мысль

На формирование консервативной политической мысли в России оказали влияние идеи европейских традиционалистов – Э. Берка, Ж. де Местра и др., их резко критическое отношение к теориям естественного права, идеям индивидуальной свободы и гражданского равенства. Российские консерваторы М. М. Щербатов (1733–1790), Н. М. Карамзин (1766–1826) подчеркивали незыблемость монархии и крепостного права, сословного построения общества. Самодержавие, по их мнению, есть всесловное и отеческое правление, властитель – строгий и добрый отец, крепкий в православной вере и отстаивании заветов старины. Только такое правление – гарант единства общества и его благополучия.

В 1811 г. Карамзин пишет «Записку о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях», в которой резко критикует либеральные реформы, начатые Александром I. В «Записке» сформулированы классические принципы русской охранительной идеологии: «требуем более мудрости охранительной, нежели творческой», «всякая новость в государственном порядке есть зло, к коему надо прибегать только в необходимости». Однако, создавая образ идеального самодержавного правления, Карамзин критикует самодержавие реальное: самодержец для него есть «обычный политик». В «Записке» впервые сформулирована важнейшая задача: не переносить механически на русскую почву выработанные европейской культурой понятия, а осмысливать собственный исторический опыт для создания новых законов и политических процедур. Идеи Карамзина стали основой для развития русской консервативной мысли, в дальнейшем представленной Н. Я. Данилевским (1822–

1885), К. Н. Леонтьевым (1831–1891), К. П. Победоносцевым (1827–1907), евразийцами и др. Ряд консервативных идей был заимствован славянофилами, хотя в целом это течение можно отнести к умеренно-либеральному. В книге Данилевского «Россия и Европа» (1871) обосновывается концепция о принципиальном расхождении между Европой и «славянским культурно-историческим типом». Подобные мысли высказывает К. Н. Леонтьев. Обосновывая византийские истоки российской цивилизации, он предостерегает от следования «отвратительному пути», по которому пошла Европа. По мнению Леонтьева, всякое развитие, прогресс представляет собой триединый процесс:

- 1) первоначальной простоты;
- 2) цветущей сложности;
- 3) смесительного упрощения.

На последнем этапе появляются признаки распада, разложения. Именно подобное состояние переживает Европа. От разрушительного влияния Запада Россию ограждает православие. Признавая себя учеником Данилевского, Леонтьев, однако, не стал апологетом идеи славянства. Он прямо заявил, что назначение России – создание особой цивилизации, славяно-азиатской, причем ближайшая практическая задача – «взятие Царьграда и заложение там основ новому культурно-государственному зданию». Таким образом, византизм Леонтьева основывался и на идее перенесения столицы как предпосылке обновления и возвышения России. Гибельность европейского пути для России обосновывает К. П. Победоносцев в своей знаменитой работе «Великая ложь нашего времени». Такой ложной идеей является, с его точки зрения, теория парламентаризма: выборы не отражают волю избирателей, а избранные представители руководствуются лишь собственными честолюбивыми интересами. Последовательным критиком демократии – самого страшного, по его мнению, вида деспотизма – был Л. А. Тихомиров (1852–1923), автор трактата «Монархическая государственность».

При всем разнообразии концепций можно выделить ряд общих признаков, присущих российской консервативной мысли:

- 1) провозглашение необходимости для России следовать по собственному пути развития, отличному от западного;

2) признание незыблемости самодержавной власти в России, допускающее возможность проведения реформ, не затрагивающих сути существующей системы власти;

3) критика парламентаризма (представительная система есть отчуждение власти от народа, а парламент – «ужасная говорильня»), либерализма и социализма (свобода и равенство, идеи народного суверенитета – самые лживые из политических идей);

4) религиозное (православное) мировоззрение, сакрализация явлений политической жизни, представление о монархе как о «помазаннике Божьем»;

5) сохранение традиционной системы отношений, общественной иерархии как основы самодержавной власти и отражение «иерархии небесной»;

6) высшая нравственная задача личности – служение общему благу, выразителем которого является государство.

Основные этапы эволюции российского либерализма

Проникновение в Россию со второй половины XVIII в. идей Просвещения способствовало формированию в стране либеральной мысли. Так называемый правительственный либерализм был представлен императрицей Екатериной II (ряд мероприятий, осуществленных в период ее царствования, а также ее знаменитый «Наказ», где императрица говорила о роли права и закона в государстве), княгиней Е. Р. Дашковой, графом Н. И. Паниным и др.

При отсутствии основ гражданского общества государственная власть, осуществляя модернизацию «сверху», сама инициировала процесс распространения либеральных ценностей. С воцарением Александра I правительственный либерализм обрел характер конкретной программы действия, которая была четко сформулирована **М. М. Сперанским** (1772–1839).

Сперанского можно считать основателем русской политико-правовой традиции. В 1809 г. он пишет «Введение к Уложению государственных законов». Изложенные во «Введении» идеи вошли в историю под названием «план Сперанского»: правовое го-

М. М. Сперанский

сударство, разделение властей, конституционное ограничение самодержавия. Идеи Сперанского, не реализованные при его жизни, стали основой для либеральных реформ Александра II, заложивших фундамент конституционно-правовой системы на уровне местного самоуправления. Либеральными по своей сути были многие мероприятия С. Ю. Витте и П. А. Столыпина. Непоследовательность проводившихся «сверху» реформ, периодические отказы от них усиливали оппозиционный либерализм, представителями которого на начальном этапе его развития были Н. И. Новиков (1744–1818), Я. П. Козельский (ок. 1728–1794), Д. И. Фонвизин (1744–1792), А. Н. Радищев (1749–1802), С. Е. Десницкий (1740–1789). Основные идеи русских просветителей: резкая критика самодержавия и крепостничества с позиций теории естественного права; установление конституционной монархии (С. Е. Десницкий) либо республики, основанной на разделении власти (Н. И. Новиков, А. Н. Радищев); законодательное закрепление прав граждан – формирование правового государства. Наиболее полное развитие либеральная тенденция русской просветительской мысли второй половины XVIII в. получила в произведениях профессора Московского университета С. Е. Десницкого, который считается основателем русской научной юриспруденции. Сущность концепции Десницкого состояла в передаче значительного объема законодательных полномочий выборному представительному органу – сенату при сохранении за монархом верховного суверенитета и права абсолютного вето. Концепция Десницкого была попыткой адаптации английской конституционной модели к российским условиям. Демократический вариант русской просветительской мысли представлен работами А. Н. Радищева. Теоретические конструкции Десницкого и Радищева заложили концептуальные основы и российского либерализма, и одновременно радикализма. «Дворянская революционность» А. Н. Радищева предвосхитила влиятельную в 20-х гг. XIX в. идеологию декабризма.

Заграничные походы русской армии 1813–1814 гг., благодаря которым русское общество познакомилось с западноевропейской политической жизнью и философией, предопределили дальнейшее развитие оппозиционной политической мысли и практики. «Практики» стремились перенести в Россию те

формы политического строя, которые уже получили развитие в Европе (конституционные монархии и республики), – это привело к формированию идеологии декабризма и декабристскому движению. «Теоретики», пытавшиеся осмыслить и соотнести с российской действительностью европейскую просветительскую философию (П. Я. Чаадаев), положили начало двум философским направлениям – славянофильству и западничеству.

В рамках декабризма были выдвинуты два принципиально различных проекта обустройства России. П. И. Пестель (1793–1826), руководитель «Южного общества», создает модель унитарного республиканского государства с жесткой диктатурой, не предполагающей политической свободы, но с социальными и экономическими гарантиями для населения. Идеолог «Северного общества» Н. М. Муравьев (1795–1843) предлагает федеративное устройство с гарантиями политической свободы, принципом разделения власти.

Событием в развитии политической мысли России первой половины XIX в. стала публикация в журнале «Телескоп» (1836) первого письма из сочинения П. Я. Чаадаева (1794–1856) «Философические письма». Чаадаев резко критически оценивал прошлое и настоящее России. Согласно предложенной им концепции, Россия, приняв христианство в византийской (православной) форме, оказалась оторванной от истинного живительного христианства (католицизма) и замкнулась в своей религиозной обособленности. Отсюда следовало, что для России не существует иного пути развития, кроме западноевропейского. В то же время Чаадаев верил в особую миссию страны: по его мнению, Россия существует для того, чтобы «преподать великий урок миру». Как бы в ответ на пессимистическую позицию Чаадаева: Россия призвана Провидением указать другим народам не повторять ее судьбу, министр просвещения С. С. Уваров выдвинул известную формулу духовного триединства внутри государства: самодержавие–православие–народность. Сторонники «официальной народности» исповедовали идею Третьего Рима, т.е. представление об исключительном призвании России продолжить культурно-политические традиции великих империй. В то же время те споры, которые велись в среде российской интеллигенции после опубликования «Философических писем», во мно-

гом способствовали возникновению двух направлений в русской общественной мысли 40–60-х гг. XIX в. – славянофильства и западничества.

К 1839 г. сложились взгляды славянофилов, примерно к 1841 г. – взгляды западников. Славянофилы – А. С. Хомяков (1804–1860), И. В. Киреевский (1806–1856), П. В. Киреевский (1808–1856), К. С. Аксаков (1817–1860), И. С. Аксаков (1823–1886) и другие обосновывали самобытный путь развития России, основанный на народном самодержавии, духовном православии и общинном коллективизме. Западники – Н. В. Станкевич (1813–1840), Т. М. Грановский (1813–1855), К. Д. Кавелин (1818–1885), М. Н. Катков (1818–1887), Б. Н. Чичерин (1828–1904) и другие связывали будущее России с усвоением достижений западной цивилизации: перенесением на российскую почву опробованных в Европе идей правового государства с конституционными гарантиями личных свобод, парламентаризма и разделения власти. То, что между политическими конструкциями западников и славянофилов не было принципиальных различий, демонстрирует модель политического обустройства России, которую предложил один из классиков отечественного либерализма западник К. Д. Кавелин. В работе «Наш умственный строй» Кавелин утверждает, что единственно возможной для России будет «самодержавная республика»: именно такова властная форма «органического единства» власти (она – «народна») и народа (он – «самодержавен»). При этом основой народной жизни является социалистически-общинный уклад. Кавелина, с его познанием к институту частной собственности, Конституции, идее разделения власти, таким образом, можно отнести к представителям типичного русского социал-либерализма. К. Д. Кавелин, С. М. Соловьев, Б. Н. Чичерин были представителями так называемой государственной школы в отечественной политической мысли: государство и его политические институты, по их мнению, сыграли первостепенную роль в историческом развитии страны.

Б. Н. Чичерин (1828–1904) – русский правовед, философ, общественный деятель (московский городской голова в 1882–1883 гг.), один из основоположников политической науки в России, автор «Истории политических учений». Чичерина интересо-

вал широкий круг проблем: происхождение и сущность государства; формы государственного устройства; представительные учреждения и их место в системе государственных структур; роль личности в истории; соотношение центральной и местной властей, власти и политики с моралью и др.

Б. Н. Чичерин

Свою теоретическую концепцию Чичерин называл охранительным или консервативным либерализмом. Используя гегелевскую диалектику и модифицируя его «триаду»: тезис – антитезис – синтез (семья, гражданское общество, государство), Чичерин вводит «тетраду», которая превращается у него в средство систематизации наличного исторического знания. Он наряду с семьей (естественный союз), гражданским обществом (юридический союз) выделяет и церковь (нравственный союз). Государство в его «тетраде» объявляется абсолютным союзом, который является высшим сочетанием противоположных начал общества, личного и общего.

Политический идеал Чичерина – конституционная монархия. Он подчеркивал, что конституционная система прежде всего имеет то преимущество, что при ней есть оппозиция, которая может беспрепятственно критиковать и таким образом содействует освещению оборотной стороны любой проблемы. Развитие демократии в условиях конституционной монархии происходит постепенно, путем расширения избирательных прав. В своем становлении конституционная монархия проходит, согласно Чичерину, два этапа: дуалистический и парламентарный. Причем на первом этапе преобладающее политическое влияние имеет крупная буржуазия, а на втором – представительный парламент, который, по мнению Чичерина, является признаком политической зрелости народа.

Анализируя различные формы правления, Чичерин специально останавливается на демократии, которую оценивает весьма отрицательно. Он отмечает недостатки демократии: господство посредственности, деспотизм большинства. Нецелесообразной признается и такая важнейшая демократическая ценность, как политическое (демократическое) равенство. Более

того, он подчеркивает противоположность свободы и равенства, утверждая, что «свобода естественно и неизбежно ведет к неравенству», что «уравнять материально можно только рабов, а не свободных людей». Равенство в концепции Чичерина признается только в одном смысле – «в признании за всеми равного человеческого достоинства и свободы».

В центре внимания Чичерина – идея свободы, которую он разделял на свободу гражданскую, общественную и политическую. В обществе должно существовать равновесие между свободой гражданской и политической. Государство выражает интересы народа, общее благо, но, если получает перевес над общественной сферой и поглощает последнюю, оно полностью уничтожает как основы личной свободы, так и основы собственного существования. Однако политическая свобода может вести не только к благу, но и к конфликтам и раздору в обществе. Если необходимое государству единство не может быть установлено согласием граждан, необходимо прибегнуть к власти. Общее политическое правило, сформулированное Чичериным, гласит: чем меньше в обществе единства, тем сосредоточеннее должна быть власть и, наоборот, чем крепче народное единство, тем более разделенной она должна быть. Там, где народ не имеет длительных традиций свободы, ее надо вводить осторожно и постепенно, так как неумение пользоваться ею может привести к серьезным общественным осложнениям.

Это положение, полагал Чичерин, справедливо и для России. Ее движение к свободе должно быть постепенным и спокойным – только освоив обретенное, можно идти вперед. Чичерин выступал за поэтапные эволюционные реформы «сверху» для России. Промедление с реформами, предупреждал он, ведет к революционному взрыву. Важнейшая задача на пути реформ – ограничение самодержавия в России, сплочение реформаторских сил на платформе «либерал-консерватизма» под лозунгом «либеральные меры и сильная власть». В соответствии с логикой своей концепции истории Чичерин должен был признать, что силой, способной реализовать эту программу, являлось само государство, правительство. Таким образом, почин в осуществлении либеральных реформ – прерогатива самодержавного правительства. Сущность либерализма Чичерин и усматривал

в «примирении» начала свободы с началом власти и закона: либеральные меры, обеспечивающие права и свободы граждан, и сильная власть, связующая и сдерживающая общество. Это была программа «охранительного», «консервативного» либерализма для общества или «либерального консерватизма» для правительства. Основные работы: «О народном представительстве» (1866), «История политических учений» (Т. 1–5, 1869–1902), «Курс государственной науки» (Ч. 1–3, 1894–1898), «Философия права» (1900).

Своеобразным компромиссом в спорах между славянофилами и западниками о путях развития и предназначения России является общественно-политическая теория В. С. Соловьева (1853–1900), основанная на его «философии всеединства». Соловьев ставит вопрос о смысле существования России в составе мирового сообщества, во всемирной истории. Соловьев считал, что каждая нация как государственное целое призвана выполнять в составе человечества определенную роль. Историческая миссия России как одного из крупнейших христианских государств состоит в том, чтобы духовно объединить христианские страны и тем самым способствовать созданию вселенского теократического государства. По мнению Соловьева, в этом и состоит назначение «русской идеи» (доклад под названием «Русская идея» был прочитан Соловьевым в Париже в 1888 г.). Соловьев призывал покончить с высокомерным отношением к Западу и налаживать взаимопонимание и сотрудничество на основе общих христианских ценностей: преображения жизни, ее разумного самоограничения, развития общественной свободы, служения идеалам добра и справедливости.

Исключительно важным элементом в системе «русской идеи» было понятие соборности. В русле религиозной философии было принято считать, что в церкви осуществляется добровольное соединение – собор – всех молящихся в любви к Богу и друг другу как братьям во Христе. Философы «русской идеи» утверждали, что только православию присуща соборность, которая гармонически сочетает потребности отдельного верующего и церкви – собора в целом, идея же индивидуального спасения не отвечает ни духу русского народа, ни духу времени. Назначение «русской идеи» – открыть эту истину всему челове-

ству. Идеи В. С. Соловьева также дали толчок развитию в России уже упоминавшейся оригинальной теории социального либерализма. Он разработал концепцию «правомерного государства», в которой одним из первых в европейской политической мысли сформулировал идею «права каждого человека на достойное существование».

Крупнейшими представителями теории социального либерализма были П. И. Новгородцев (1866–1924), Л. И. Петражицкий (1867–1931), Б. А. Кистяковский (1868–1920), С. И. Гессен (1887–1950) и др. Развивая классические принципы правового государства, теоретики социального либерализма обосновали необходимость его превращения в «социальное», т.е. такое, которое обеспечит человеку достойные материальные условия его политической свободы. «Социальное» измерение правового государства было подробно разработано Б. А. Кистяковским. В работе «Социальные науки и право» он утверждает, что правовое государство со временем станет «социалистическим правовым государством». Подразумевалась необходимость дополнить демократию политическую демократией социальной и экономической. Право же выступало как основной инструмент реализации демократических принципов.

Большая роль в разработке правовой теории («организованного правопорядка») принадлежит С. А. Муромцеву (1850–1910), М. М. Ковалевскому (1851–1916), Н. М. Коркунову (1853–1904). Ковалевский – один из первых, кто уделил большое внимание сравнительному изучению истории развития политических отношений и правовых норм Западной Европы и России, тем самым заложив теоретические основы компаративистики – сравнительной политологии и сравнительного правоведения. К отличительным чертам правового государства Ковалевский относил:

- 1) «начало равенства» в гражданской и особенно в политической областях;
- 2) «самоуправление общества», т.е. проникновение выборного начала во все сферы государственной жизни;
- 3) возможность обжалования действий правительственных органов в судебном порядке при обязательной независимости суда от администрации.

М. М. Ковалевского можно отнести к представителям социального либерализма. Начало изучению политических партий было положено М. Я. Острогорским (1854–1919). Его книга «Демократия и организация политических партий» вошла в классику политической науки.

П. Н. Милюков (1859–1943) – признанный лидер либерального движения в России, один из основателей и руководителей партии кадетов (Конституционно-демократической партии). В «Очерках по истории русской культуры» (1896–1903) Милюков указывал на большую роль государства в формировании русского общества и утверждал, что Россия, несмотря на свои существенные особенности, шла европейским путем развития. Милюков был убежден в том, что Россия может и должна стать конституционным государством. Политические взгляды Милюкова нашли отражение в программном документе кадетской партии, принятом в октябре 1905 г. П. Н. Милюков принимал активное участие в думской деятельности в III и IV Думах (руководил кадетскими фракциями), видя в ней возможность реализации либеральных идеалов кадетов. Деятельность Милюкова, умение его единомышленников (С. А. Муромцев, В. Д. Набоков, И. В. Гессен) находить возможности для компромиссов обеспечивали российскому либерализму в его кадетской форме жизнеспособность вплоть до революционных событий 1917 г. Октябрь 1917 г. породил, по его мнению, четыре «роковые политические ошибки» – попытка решить аграрный вопрос в интересах помещичьего класса; возвращение старого состава и старых злоупотреблений военно-чиновной бюрократии; узконационалистические тенденции в решении национальных вопросов; преобладание военных и частных интересов.

П. Н. Милюков

Перебравшись за границу в 1920 г., Милюков уточнил свои оценки политических процессов в России: он стремится преодолеть остатки идеологии белого движения, ведет пропаганду против новых попыток интервенции в Советскую Россию. «Отойдя на известное расстояние от событий, – отмечал Милюков, – мы только теперь начинаем разбирать ... что в этом пове-

дении масс, инертных, невежественных, забытых, сказалась коллективная народная мудрость. Пусть Россия разорена, отброшена из двадцатого столетия в семнадцатое, пусть разрушена промышленность, торговля, городская жизнь, высшая и средняя культура. Когда мы будем проводить актив и пассив громадного переворота, через который мы проходим, мы, вероятно, увидим то же, что показало изучение Великой Французской революции. Разрушились целые классы, оборвалась традиция культурного слоя, но народ перешел в новую жизнь, обогащенный запасом нового опыта...» (Милюков П. Н. Воспоминания. М., 1991. С. 13).

Подобная эволюция социально-политических взглядов – явление, характерное для многих представителей русского зарубежья, захватившего события послевоенной и военной Европы.

Разнообразными политическими течениями была представлена социально-политическая мысль на левом фланге российской демократии: здесь возникали неонароднические партии и течения (эсеры), продолжались и эволюционизировали традиции российского анархизма в различных идейно-политических проявлениях, пробивала свой политический путь социалистическая идея в формах большевизма и меньшевизма.

Революционный радикализм в русской политической мысли

Предыстория русской радикальной политической мысли начинается в глубокой древности. Представления о равенстве всех людей перед Богом и о неизбежном тождестве социальной справедливости были известны с незапамятных времен: они были характерны для различных еретических движений и учений. В многочисленных русских утопиях XVIII в. находим мечты о социальной справедливости, имущественном равенстве. Социальные утопии этого периода (Ф. Эмин «Непостоянная фортуна», М. Херасков «Кадм и Гармония») были написаны под сильным влиянием идей европейского и русского Просвещения. Основателем революционного просветительства можно считать А. Н. Радищева (1749–1802), изложившего свои взгляды в знаменитом политическом трактате «Путешествие из Петербурга в Москву». Радищев обеспокоен положением труженика, он ищет социальные и политические условия его достойного существования, в основе которого будет «равенство в имуществах», «вы-

равнивание доходов» и т.п. Гарантией социальной справедливости станет демократический республиканский строй, основанный на принципах естественного права и общественного договора между трудящимися. Радищев развивает собственную версию классической доктрины Руссо о народном суверенитете и уточняет способ его реализации. По мнению Радищева, руссоистская модель непосредственной демократии не гарантирует полноту народного суверенитета. Подлинным гарантом верховенства народа является его право на восстание, постоянная готовность людей к вооруженному выступлению против несправедливой власти.

Революционное «вольнодумство» было характерно для многих представителей русской общественной мысли конца XVIII в.: Н. И. Новикова, Я. Б. Княжнина и др. Революционно-демократическое крыло в политической идеологии начала XIX в. было представлено П. И. Пестелем (1793–1826). В «Русской правде» Пестель выдвигал требования ликвидации крепостного права и самодержавия, провозглашение России республикой, свободы печати и вероисповедания. Пестель считал возможным сосуществование общественной и частной собственности на землю. Равенство перед законом подкрепляется равенством социальным, которое обеспечивается равными экономическими возможностями и мерами против неумеренного обогащения. Пестелевские идеи предвещали русский социализм, они заложили основу концепции «общинного социализма», сформулированной революционерами-демократами и народниками. А. И. Герцен (1812–1870), В. Г. Белинский (1811–1848), Н. Г. Чернышевский (1828–1889), Н. А. Добролюбов (1836–1861) считали, что только коренное преобразование общества на социалистических началах в ходе крестьянских революций способно обеспечить подлинное равенство и демократию; русская крестьянская община – готовая ячейка будущего социалистического общежития. Идея «русского социализма» была подхвачена народниками (П. Л. Лавров, П. Н. Ткачев, М. А. Бакунин, Н. К. Михайловский), но вскоре подверглась резкой критике со стороны отечественных марксистов.

Первой российской марксистской организацией стала возникшая в Женеве группа «Освобождение труда» во главе

с Г. В. Плехановым (1856–1918), которого считают родоначальником русского марксизма. Идеи Маркса в их плехановской интерпретации были восприняты В. И. Лениным (1870–1924), который вскоре предположил совершенно новое прочтение марксизма применительно к условиям России. Взгляды Ленина и его последователей-большевиков постепенно оформились в стройную систему, получившую название марксизма-ленинизма. В отличие от Маркса, который считал возможной победу социалистической революции в достаточно развитой в экономическом отношении стране с численным преобладанием пролетариата, Ленин утверждал, что диктатура пролетариата может быть установлена и в России. Новое социалистическое государство станет орудием преобразования страны, которая быстрыми темпами «двинется догонять другие народы». Государственной формой диктатуры пролетариата должна быть Республика Советов, где нет разделения власти на исполнительную и законодательную: принцип разделения власти тормозит осуществление государственной политики и делает власть неэффективной. Впоследствии, когда будет достигнута социальная однородность общества, государство отомрет.

Самой радикальной политической концепцией в России был анархизм. Представители русского анархизма М. А. Бакунин (1814–1876) и П. А. Кропоткин (1842–1921) считали возможными полную ликвидацию всех институтов государства (государство – механизм насилия над обществом – не имеет никакой положительной ценности) и немедленный переход к социалистическому обществу, основанному на самоуправлении рабочих ассоциаций.

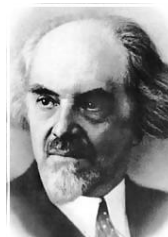
Радикальная революционность как основа мировоззрения русской интеллигенции была подвергнута резкой критике в знаменитых сборниках «Проблемы идеализма» (1902), «Вехи» (1909) и «Из глубины» (1918). Авторы сборников П. Б. Струве, Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, С. Л. Франк, П. И. Новгородцев, Б. А. Кистяковский и другие при всем несовпадении их идейных позиций исследуют внутренние причины разрушительной радикальной («интеллигентской» в их понимании) идеологии и делают вывод о невозможности достижения «земного рая» ценой разрушения. Социализм в совокупности с атеистическим миро-

воззрением, отрицание самостоятельного значения личности и культуры – главная опасность для государства и нации. Религия, утверждают философы, – духовная альтернатива тоталитарной идеологии; истинное предназначение человека – в свободном духовном творчестве по устройению социального бытия на принципах права и справедливости.

Политическая мысль русского зарубежья

В начале XX в. российская политическая мысль уверенно развивалась, занимая прочные позиции в системе гуманитарного знания. Однако процесс формирования политической науки в стране оказался прерванным в связи с событиями 1917 г.: в советском обществе утвердилось безраздельное господство коммунистической идеологии, а западная идеология была объявлена лженаукой. Дальнейшее развитие политической мысли стало возможно лишь в условиях русского зарубежья, где сформировались такие ее направления, как евразийство (Н. С. Трубецкой, Г. В. Флоровский), неомонархизм (И. А. Ильин, Л. А. Тихомиров), христианский социализм (С. Л. Булгаков, Г. П. Федотов). Большой вклад в развитие политико-правовой мысли, в создание теории христианского социализма внес **Н. А. Бердяев** (1874–1948). Центральное место в концепции Бердяева занимают проблемы человеческой личности и ее свободы. Абсолютизм народа, считает Бердяев, не менее опасен для человека, чем абсолютизм самодержавия; права и свободы гарантирует человеку не государство, а высшее начало – Бог. Согласно Бердяеву, смысл жизни человека – творить новое в мире, а творчество есть порыв к свободе, разрушение социальной необходимости. Бердяев видел в марксизме гуманистическое начало, ставившее целью освобождение человечества. Но в итоге реализации идеи коммунизма социальный коллектив, в котором человек должен был получить свободу от насилия и эксплуатации, стал поработителем человеческой личности.

Бердяев призывал «убить зверя политики», перейти к неполитическим формам человеческих отношений. «Неправедно политику признавать центром жизни, ничем не одухотворять плоть человеческую, ей подчинять все богатства

Н. А. Бердяев

бытия, – писал ученый. – Неправеден путь борьбы политических партий, оторванных от центра жизни, от смысла ее... Довести политику, как таковую, до крайнего минимума, до окончания политики, до растворения ее в культуре и в религии – вот что должно быть нашим регулятором, вот хотенье наше, вот истинное освобождение. Политическое освобождение от политики. Нельзя убить зверя политики, зло старой государственной одной «отвлеченной» политики, новой государственностью. Нужно государственности, насилию власти, отвлеченной политике противопоставить иное начало, внегосударственное, иную, ненасильственную общественность, не новое политическое насилие, а свободу иных путей» (Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 171). Бердяев не видел в революционном движении возможности для перехода к высшей духовности, а лишь отражение существующего зла.

Бердяев в качестве основополагающей социально-политической идеи своего творчества избирает оценку марксистского социализма как особой религии (лже-религии). Марксистский социализм, по его мнению, содержит в себе все основные элементы религиозной веры и религиозного энтузиазма: в ней существуют свои святыни («народ», «пролетариат»), свое учение о грехопадении (возникновение частной собственности), культ жертвенности («во имя счастья будущих поколений»), мысль-мечта об установлении «земного рая» (коммунизма). Однако Бердяев отмечает духовную бедность социализма как религии. Все богатство человеческой жизни она сводит к материальному довольству, где нет места счастью и свободе творческого духа.

Многие социально-политические пророчества Бердяева стали воплощением советской действительности, частью бытия русского народа, историю и традиции которого философ изучал пристально и глубоко. Бердяев с возмущением писал о существовавшей в СССР в 1930-е годы политической системе, царившей в стране обстановке крайней бесчеловечности. Главную слабость коммунизма Бердяев видел в невозможности преодолеть ненависть, а охваченный ненавистью человек не может быть обращен к будущему. Русская интеллигенция начала XX в. (Н. Бердяев, С. Булгаков, П. Струве и др.) достаточно убедительно раскрыла теоретические просчеты Маркса, особенно относительно теории классовой борьбы.

Ильин И. А. (1882–1954) – крупнейший русский религиозный мыслитель. Основой политической доктрины Ильина является его учение о власти как многомерном явлении. Вслед за Гегелем мыслитель полагает, что «волевая сила» является родовым признаком, или сущностным началом власти. Политическую власть, считает Ильин, от других видов власти отличается то, что она является «правовой силой», т.е. социально сосредоточена и юридически организована. Свои представления о власти Ильин систематизирует в «аксиомах власти».

И. А. Ильин

Договорный и добровольный принцип отношений между государством и обществом, лежащий в основе политической философии Ильина, предполагает определенную степень свободы общества и личности, распространяющуюся на творческую активность людей в любой из духовных сфер – научной, религиозной, художественной, от государства. Равенство по природе, равноценность и равноправие он называет «республиканским предрассудком», ибо люди от природы и в духе – не равны друг другу и уравнивать их никогда не удастся.

Качественное отличие одного человека от другого выражается Ильиным в понятии «ранг». Задача правителя, считает Ильин, повсюду находить «качественных людей, обладающих опытом, силою суждения, честностью, прозорливостью и волевою энергией».

Особое место в политической доктрине Ильина занимает теория демократии. Он полагает, что демократия как форма правления необходимо имеет свои жизненные основы, корнящиеся в духе народа, в его правосознании, в его социальном укладе. Если эти основания отсутствуют, насажденная демократия вырождается либо в охлократию, либо в тиранию.

Ильин – идеолог неомонархизма. Монархический идеал (по Ильину) не обязательно должен быть воплощен для всех стран и народов, так как основу монархии составляет определенный уклад нации, ее правосознание. Те народы, у которых эти качества разрушены или отсутствуют, не способны воспринять монархию как высший политический строй. Ильин считал,

что для России после крушения коммунизма необходимо найти разумное сочетание монархических и республиканских предпочтений с аристократическим, ведущим слоем «национальной диктатуры».

Основные работы: «Что такое политическая партия» (1906), «Понятие права и силы: опыт методологического анализа» (1910), «Учение о правосознании» (1919), «О сопротивлении злу силою» (1925), «Наши задачи» (1956).

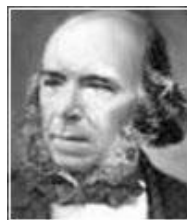
Несмотря на то, что политической науки в составе советского обществоведения не существовало, политические проблемы, в их марксистской интерпретации, рассматривались в рамках таких дисциплин, как политическая экономия и марксистско-ленинская философия. В условиях некоторого ослабления тоталитарного режима стали возможны публикации, в которых, зачастую в завуалированной форме, затрагивались вопросы формирования гражданского общества, правового государства, демократической альтернативы тоталитаризму (Г. Х. Шахназаров, Ф. И. Бурлацкий, Ю. А. Красин, А. А. Галкин и др.). Со второй половины 80-х гг. XX в. на волне начавшейся перестройки возникли условия для формирования новой российской политической науки. Наряду с исследователями, придерживающимися политологических концепций западного происхождения, в современной России оформились оригинальные социально-политические теории (А. Зиновьев, А. Л. Панарин).

2.5. Современные политические теории

В XIX и XX столетиях наряду с марксистской получили широкое развитие и другие концепции политологии, обогатили ее новыми положениями и выводами. Во второй половине XIX столетия известность приобрела теория завоевания Людвига Гумпловича (1838–1909) – представителя социального дарвинизма. Согласно его теории, изложенной в работах «Социология и политика», «Основы социологии», «Борьба рас», общественная жизнь изначально представляет собой беспощадную и непрекращающуюся борьбу между группами людей. В начале истории вражда разделенных расово-этническими признаками орд

привела к порабощению одних другими и к возникновению государства, при котором на смену борьбе между ордами приходит борьба между сословиями, классами и партиями. Конфликт между государствами – неизбежный спутник человеческого существования.

Видное место среди представителей позитивистского направления занимает **Г. Спенсер** (1820–1903), который в своей работе «Основания социологии» разработал теорию социальной обусловленности власти. Он считает, что в процессе своего развития общество эволюционирует от войны к миру, от военного к промышленному (индустриальному) состоянию. Спенсер предполагал, что в будущем может возникнуть федерация высших наций, которая в качестве верховной власти запретит войны между народами. Он также полагал, что в основе общественных отношений лежит не взаимная ненависть людей, а их сотрудничество (кооперация). Эволюция общества способствует подавлению агрессивных инстинктов людей и возникновению нового типа человека, который сможет гармонично сочетать удовлетворение своих личных и общественных потребностей.

Г. Спенсер

Две основные части главного социологического труда итальянского социолога и экономиста **В. Парето** (1848–1923) «Трактат по общей социологии» составляют концепция «остатков» и «производных» и концепция циркуляции элит и циклов взаимозависимости. В первой части Парето констатирует (в согласии с Марксом, Ницше и Фроммом) несовпадение значений поступков и мыслей людей с теми, которые признаются самими индивидами. Парето подчеркивает значение чувств людей по сравнению с их взглядами, называя первые «остатки», а вторые – «производные». Точнее, «остатки» – это посредники между чувствами, которые как таковые мы не можем исследовать непосредственно, и проявлениями чувств, или поступками; то, что остается, если отбросить все возможные объяснения поступка, которые (объяснения) и будут «производными». «Остатки» относятся к инстинктам человека, порождающим рассудочную деятельность. За пределами «остатков» остаются желания, вкусы,

склонности, которые не нуждаются в рассудочном оправдании. По определению Парето, «остатки» суть общие корни большинства видов поведения или экспрессивности.

Все «остатки» Парето делит на шесть классов. Первый, называемый «инстинкт комбинаций», представляет собой «склонность к установлению связей между идеями и вещами, к извлечению следствий из провозглашаемого принципа, к правильному или неправильному рассуждению». Другими словами, «инстинкт комбинаций» лежит в основе умственной деятельности. Пример общества, где доминируют «остатки» первого класса, – Афины V в. до н.э.

Второй класс «остатков» противоположен первому. Он называется «незыблемость агрегатов» и заключается в склонности людей к поддержанию сформировавшихся комбинаций, к отказу от изменений и к согласию с императивами. Насильственные изменения, навязываемые революцией, наталкиваются на сопротивление «остатков» второго класса. У различных народов разные соотношения «остатков» первого и второго класса. Например, известно, что русский народ очень терпелив. Долготерпение как свойство характера связано с консерватизмом как свойством менталитета. Это приводит к накоплению напряжения, которое в конце концов прорывается, приводя к «бунту бессмысленному и беспощадному» (А. С. Пушкин).

Классифицируя «остатки», Парето отмечает важную роль именно двух первых классов. «Инстинкт комбинаций – это начало интеллектуального поиска и развития эгоизма, т.е. он одновременно основа высших цивилизаций и причина их падения. Незыблемость агрегатов становится эквивалентом системы религиозных, национальных, патриотических чувств, которые поддерживают общества».

«Производные» Парето делит на четыре класса: простые повеления, авторитет отца, авторитет влиятельного человека и вербальные доказательства. Они имеют разную силу. Одно из самых эффективных средств убеждения, по Парето, – многократное повторение одного и того же. Это часто используют политики и рекламодатели.

Вводя понятия «остатки» и «производные», Парето обнаруживает промежуточное звено между чувствами людей, их психикой и их социальным поведением. Таким образом он уxo-

дит от психологизма и в то же время учитывает влияние психологии. В целом классификация «остатков» и «производных» помогает лучше понять социальную природу человека, в возможности преобразования которой Парето сильно сомневается.

Парето установил закон, в соответствии с которым одна и та же формула распределения доходов применима ко всем странам вне зависимости от формы правления и экономических условий. Отсюда вывод: неравенство распределения доходов очевидно гораздо больше зависит от самой природы человека, чем от экономической организации общества. Благосостояние бедных классов может улучшить скорее рост производства, чем уравнительное распределение. Парето приходит к выводу, напоминающему рекомендации сторонников демографической школы: наиболее верное средство улучшения положения бедных классов – сделать так, чтобы богатство росло быстрее численности населения.

Главное социальное различие Парето видит не между классами, а между массой и элитой, как в макиавеллиевской традиции. Элитой он называет совокупность людей, которые добились наибольшего в своей сфере деятельности. Элита делится на две части: «тех, кто прямо или косвенно играет заметную роль в управлении обществом и составляет правящую элиту; остальные образуют неуправляющую элиту». Правящая элита управляет большинством населения с помощью двух типов средств: силы и хитрости, которая позволяет постоянно вводить массы в заблуждение. Для обозначения двух соперничающих элит Парето использовал макиавеллиевские образы «львов» и «лисиц», поскольку правящий класс имеет два рычага удержания власти – силу и хитрость. Соответственно политические элиты подразделяются на два семейства – «львов», отдающих предпочтение насилию, и «лис», отличающихся изворотливостью. По отношению к классам остатков можно сказать, что у «лис» преобладают «остатки» первого класса, у «львов» – второго.

Четыре взаимозависимых переменных определяют развитие общества: интересы, «остатки», «производные» и социальная гетерогенность, под которой Парето понимает соперничество элит и борьбу масс с элитой. Классовая борьба лишь форма борьбы за жизнь, а конфликт между трудом и капиталом – форма классовой борьбы. В Средние века главным конфликтом был

религиозный, и можно было полагать, что с преодолением религиозных конфликтов наступит социальный мир. Но когда исчезли религиозные конфликты, их заменили социальные. Происходит то, что можно назвать «сдвиг конфликтов». Если представить, что разрешен конфликт между трудом и капиталом, то это будет означать, что преодолена одна форма классовой борьбы, ее заменят другие, например, разгорятся конфликты между различными слоями трудящихся социалистического общества, между новаторами и консерваторами и т.п.

Правящий класс неоднороден. «Вследствие склонности к персонификации абстракций или приданию им значения объективной реальности многие представляют себе правящий класс в виде одной личности или по крайней мере конкретной организации, с единой волей, осуществляемой с помощью логических средств и продуманных планов. В действительности правящие классы, как и другие общности, совершают и логичные, и нелогичные действия и в большей степени, чем сознательной волей, руководствуются установленным порядком, который иногда приводит их куда-либо вопреки их желанию».

Управлять обществом всегда будет меньшинство, и, таким образом, результатом революций может быть только смена элиты. Элиты формируются, борются, достигают власти и приходят в упадок, чтобы смениться другими элитами. Парето назвал этот процесс циркуляцией элит. Парето считал народное представительство фикцией и полагал, что «повсеместно имеется малочисленный правящий класс, удерживающий власть отчасти силой, отчасти с согласия класса управляемых, значительно более многочисленного». Держать в повиновении подданных правящему классу помогает то, что он «видит свои интересы лучше, чем класс управляемых, поскольку они у него в меньшей степени завуалированы чувствами, тогда как класс управляемых видит их хуже, поскольку у него этот слой чувств более плотный. Поэтому правящий класс может ввести в заблуждение класс управляемых в целях достижения собственных интересов... народ-суверен... верит в то, что он действует в соответствии со своей волей, а на самом деле выполняет волю своих управляющих».

В циркуляции элит Парето видел основную движущую силу общественного развития. Что детерминирует перемены? По Парето, внуки и правнуки тех, кто завоевал власть, с рождения

пользовались привилегированным положением и приобрели «остатки» первого класса. Они становятся более умеренными, теряют склонность к насилию и становятся жертвами своей слабости. Всякая элита, не готовая сражаться за свое господствующее положение, уступает место другой элите, обладающей мужеством. К тому же в среде элиты не может быть длительного соответствия дарований индивидов занимаемым им социальным позициям. Последние определяются в большей мере преимуществами, которыми пользовались индивиды благодаря позициям их родителей.

«Революции, – утверждает Парето, – происходят, поскольку с замедлением циркуляции элиты или по какой-либо другой причине в высших стратах общества накапливаются деградировавшие элементы, которые более не обладают остатками, необходимыми для удержания власти, которые избегают применения силы, в то время как в низших стратах возрастает число элементов высшего качества, обладающих остатками, необходимыми для выполнения функции управления, и склонных к использованию силы».

Как поддержать в этих условиях общественную стабильность? Есть два пути: привлекать в элиту способных представителей других классов и высылать потенциальных революционеров (для этого европейскими странами использовались колонии, а в России крестьяне бежали на границы государства, становясь казаками). Равновесие общества определяется гармонией «остатков» первого и второго класса в элите. Но колебания в сторону скептицизма и разума или, наоборот, патриотической или религиозной веры неизбежны. История соткана из чередования этих двух периодов.

Современное ему западное общество Парето назвал плутократическим, имея в виду связь между правящей элитой, руководящими кадрами промышленности и финансов и в значительной мере экономическим феодализмом, «где в качестве средства правления используется преимущественно искусство политических клиентов (экономически зависимых людей), в то время как военный феодализм средневековья использовал главным образом силу вассалов». Он идентифицировал современное западное общество с элитой «лис», но предвидел возможность ее бюрократизации и замену элитой «львов», опирающихся на насилие.

Общество поддерживает свое единство в той мере, в какой индивиды соглашаются жертвовать собственными интересами во имя общего. Этим общим могут быть государство, нация, религия. Но полного согласия индивидуальных и общественных интересов никогда не будет, а если бы это и оказалось возможно, эволюция прекратилась бы. Нельзя логическими умозаключениями убедить индивидов жертвовать собой ради коллектива или даже подчиняться социальным нормам. Сами общества существуют потому, что поведение людей нелогично и ими движут страсти и чувства.

Парето оказал влияние на фашистскую идеологию, по крайней мере на ее становление в Италии. Фашисты утверждали, в согласии с Парето, что общества «всегда управляются меньшинством и что меньшинство в состоянии удержать свое господство, только если оно достойно взятых на себя функций. Они напоминали, что функции руководителей не всегда приятны, и, значит, те, у кого чувствительное сердце, должны будут раз и навсегда отказаться от них или быть отстранены».

Парето, рассматривая соотношение интересов индивида и общества, проводил различие между максимумом пользы для членов коллектива и максимумом пользы коллектива. Первое, как наибольшее удовлетворение как можно большего числа индивидов, – идеал гуманистов и социал-демократов. Дать по возможности каждому то, чего он желает, поднять уровень жизни всех – это, согласно Парето, буржуазный идеал плутократических элит. Второе, как максимум пользы, силы и славы коллектива, рассматриваемого как отдельное лицо, может противоречить первому. Всякая легитимность, по Парето, произвольна, и поэтому высшей легитимностью становится практический успех.

Продолжил данное направление **Г. Моска** (1858–1941). Он различал правящий и политический класс. В первый входит не только политическая, но экономическая и военная элита; второй включает не только властвующую группу, но и оппозицию. С точки зрения Моска, то, что древние греки называли демократией, на самом деле было аристократией для большого числа членов общества. Принципы демократии, монархии и аристократии, по Моска, действуют одновременно во всяком политическом организме.

Обращаясь к сторонникам демократической концепции, Моска отмечал, что «трудно доказывать как непреложный и очевидный факт, что меньшинство управляется большинством, а не наоборот... В действительности суверенная власть организованного меньшинства над неорганизованным большинством неизбежна. Власть всякого меньшинства непреодолима для любого представителя большинства, который противостоит тотальности организованного меньшинства. В то же время меньшинство организовано именно потому, что оно меньшинство». Правящий класс организуется и приобретает власть после политической революции, когда население делится на постепенно становящихся знатью воинов и закрепощаемых земледельцев. Такой процесс, по Моска, происходил и на Западе, и в России.

Анализ эволюции правящего класса, проведенный Моска, позволяет вспомнить классификацию Платона, в соответствии с которой демократия превращается в олигархию: богатство, по Моска, в процессе эволюции общества становится более доминирующей чертой, чем воинская доблесть. Соответственно «тип политической организации, который можно назвать феодальным государством, трансформируется в принципиально другой тип, который можно назвать бюрократическим государством... Как только осуществляется такая трансформация, богатство создает политическую власть, точно так же как политическая власть создает богатство».

Моска отвергает концепцию социал-дарвинизма, в соответствии с которой высшие классы олицетворяют верхний уровень социальной эволюции. Вопрос, чем отличается правящая элита от управляемого большинства, в дальнейшем будет решаться в концепции элитарной демократии.

Учение о власти нашло свое дальнейшее развитие в теории олигархизации (бюрократизации) политических партий, разработанной Моисеем Острогорским (1854–1919) и Робертом Михельсом (1876–1936) как раз на рубеже XIX и XX вв. М. Острогорский в работе «Демократия и организация политических партий» выделяет три стадии в развитии политических партий: аристократические группировки, политические клубы, массовые политические организации. На третьей стадии, указывает Острогорский, происходит бюрократизация руководства партии, а демократия в партии невозможна.

Аналогичные выводы делает Р. Михельс в работе «Социология политических партий». Он формулирует закон олигархизации политических партий. Вожди уступают власть в партии только вождям, но не массам. Власть в партии принадлежит руководителям, поддерживаемым профессионалами, платным, назначаемым аппаратом. Участие рядовых членов в руководстве ее невозможно, а так как партия – это общество в миниатюре, то в обществе тем более невозможно участие всех граждан в управлении государством.

Немецкий политолог и социолог **Р. Михельс** (1876–1936), как Парето и Моска, считается одним из основоположников элитологии, а также социологии политических партий. Михельс пришел к выводу, что олигархизация – неизбежная форма жизни крупных социальных структур. Еще Г. Спенсер писал: «Общественная масса очень мелких размеров отличается однородностью своего состава, но с каждым увеличением ее размера обыкновенно увеличивается и ее разнородность; для достижения же значительного объема требуется приобретение значительной разнородности». Отсюда следует «железный закон олигархизации» Михельса, в соответствии с которым демократия, если бы она была возможна, неизбежно выродилась бы в олигархию. Этот вывод противоречит выводу Платона, в классификации которого, наоборот, олигархия превращается в демократию. Михельс полагал, что демократия как государственный строй в принципе невозможна. Цивилизованное человечество, по Михельсу, не может существовать без господствующего политического класса: «Большинство человечества, обреченное жестоким фатализмом истории на вечное «несовершеннолетие», будет вынуждено признать господство вышедшего из собственной среды ничтожного меньшинства и смириться с ролью пьедестала для величия олигархии».

Закон олигархизации предполагает смену одного господствующего слоя другим как предустановленную форму человеческого общежития в больших союзах. «Могут победить социалисты, но не социализм, гибнущий в момент победы своих приверженцев... Массы удовлетворяются тем, что, не щадя своих сил, меняют своих господ» .

Классовая борьба имеет место в обществе в целом и в отдельных партиях, даже рабочих, представляющих собой классо-

вую смесь. В каждой партии есть свой руководящий слой, который также неизбежно подвержен процессу олигархизации. Михельс приводит поговорку французских рабочих: «Если выбрали, значит, пропал». Чем больше и разнородней становится партия, тем сильнее в ней процесс олигархизации. Возможно, под влиянием Михельса немецкие левые коммунисты поставили перед Лениным проблему соотношения власти пролетариата, коммунистической партии и вождя, от которой Ленин отмахнулся, назвав их высказывания «детской болезнью левизны в коммунизме» и рассказав в одноименной работе про гармонию интересов рабочего класса, партии большевиков и лидера, т.е. самого себя. Действительность, однако, подтверждает правоту Михельса.

«Неизменный социальный закон состоит в том, что в любом органе сообщества, возникшем под влиянием разделения труда, возникает по мере его консолидации собственный интерес, интерес сам по себе и для себя. Но существование собственного интереса в общем союзе включает в себя существование трений и противоположность интересов по отношению к общему интересу. Более того, в результате выполняемых ими общественных функций различные социальные слои объединяются и образуют органы, представляющие их интересы». Здесь заметен переход к концепции «заинтересованных групп», о которой речь пойдет ниже.

То же относится и к профсоюзам. «Сколь незначительны различия между тенденциями развития государственных олигархий (правительство, двор и т.д.) и олигархий пролетарских». «Представитель», ощущающий полную свою независимость, превращается из слуги народа в господина над ним – как государственный «слуга», так и партийный.

Общий вывод Михельса: «Демократия очень хорошо уживается с определенной степенью тирании и по другим психологическим и историческим причинам: масса легче переносит господство, когда каждый ее индивид имеет возможность приблизиться к нему или даже включиться в него». Здесь мы опять возвращаемся к Платону, считавшему, что демократия переходит в тиранию, и можем подтвердить на материале XX в., что это действительно так! Заслуга Михельса в том, что концепцию элиты он распространил на все крупные социальные группы и, обобщив, провозгласил один из немногих в социологии и политологии законов.

Сформулировав закон олигархизации, Михельс позволяет себе иронию. «При старых аристократических порядках несогласие с требованиями правителя означало прегрешение против Бога. В условиях современной демократии действует правило: никто не может уклоняться от требований олигархов, ибо в этом случае он грешит против самого себя, своей собственной воли, добровольно переданной представителю».

Особое место в развитии науки о политике принадлежит немецкому социологу **М. Веберу** (1864–1920), работы которого оказали сильное влияние на мировую социологию и политологию XX века. В работах «Протестантская этика и дух капитализма», «Хозяйство и общество» Вебер утверждает, что в позднекапиталистическом обществе политическая жизнь людей в решающей степени определяется бюрократией – быстро растущим слоем профессиональных управляющих. Тотальная бюрократизация, по Веберу, представляет собой неизбежную тенденцию современного общества. Однако в отличие от сторонников теории элиты, Вебер рассматривал бюрократию не как господствующий класс, а как независимый от общественных групп инструмент власти, которым может завладеть любая из этих групп. Он разработал и теорию демократии, центральным звеном которой стало учение о механизме социального контроля над обособленным от общества бюрократическим аппаратом. Главное внимание он уделял технике отбора политической элиты, которая должна подчинять себе бюрократию. Здесь им разработаны две взаимосвязанные проблемы: типология господства и способы легитимизации (признание законности) этих типов господства.

Вебер рассматривал господство как монопольную власть, а последнюю – как способность навязывать свою волю с помощью обязывающих приказов. Господство, по Веберу, – это узаконенное насилие, которое бывает трех типов: традиционное, харизматическое и легальное. Традиционное господство основано на обычае. Для его легитимизации нужна вера людей в законность власти. Это сословное господство. Харизматическое господство опирается на личную преданность людей поли-

М. Вебер

тическому лидеру. Легитимизация здесь происходит благодаря вере в особые политические качества вождя. Легальное господство основано на праве. Способ его легитимизации – вера в рациональность норм, обязывающих одних людей подчиняться другим. Бюрократия является идеальным типом легального господства, воплощением рациональности власти.

Разработанное Вебером учение о бюрократии не потеряло своего значения и в настоящее время. Он считал, что ее общими чертами являются:

- а) неизменные методы руководства;
- б) четкое распределение функций;
- в) иерархия властных полномочий;
- г) коллективная (государственная) собственность на средства осуществления власти и служебные места;
- д) кругообращение документов.

Условиями занятия любой должности в этом аппарате власти являются: назначение, выполнение определенных обязанностей, наличие необходимой квалификации, постоянство служебной деятельности, платность.

В противовес бюрократической рациональности М. Вебер предложил концепцию харизматического лидерства вождей, опирающегося на иррациональную веру масс в их сверхчеловеческие качества.

Демократизацию Вебер понимал как мобилизацию масс политическими лидерами, рассматривая ее в качестве действенного средства противодействия тотальной бюрократизации. В то же время харизматический лидер уравнивает и попытки узурпации власти со стороны олигархических групп самого гражданского общества. В этом плане Вебер придавал особое значение институту президентства, а президента рассматривал как избранного вождя нации.

Вебер, подойдя к решению политологических вопросов с социологических позиций, по существу, подтвердил закон олигархизации Михельса. Вебер, рассмотрев особенности функционирования государственной бюрократии, пришел к выводу, что численный состав и влияние этого социального слоя будет неизбежно расти по мере усложнения функций государства. Борьбу между политическими партиями и чиновничьим аппара-

том он назвал основным конфликтом политической жизни. Будущее общества, предрек Вебер, станет диктатурой чиновничества. Это предвидение оправдывается.

Идею Вебера о неизбежном расширении государственной бюрократии продолжил и «заострил» своими законами С. Паркинсон. Каждый член бюрократической машины стремится переложить свою работу на других. Если он просто передаст кому-то часть своей работы, то с уменьшением ее объема сократится объем его функций, что для него нежелательно. К тому же появляется соперник. Как сделать, чтобы без потери функций уменьшился объем работы? Для этого чиновник просит дать ему двух помощников, каждый из которых выполнял бы часть работы, с которой ранее он справлялся один, а ему добавить функции координации деятельности новых сотрудников. На смену одному работнику приходит отдел из трех человек. Если так будет действовать каждый новый сотрудник, то и у него окажется два своих помощника и т.д.

Вебер призывал бороться против растущей бюрократизации общества и эффективный способ борьбы видел в проведении политических референдумов или плебисцитов по различным вопросам, которые давали бы возможность населению напрямую высказывать свою точку зрения (так называемая концепция плебисцитарной демократии). Этот способ используется время от времени в разных странах (в том числе и в России), но еще не достиг такого масштаба, чтобы можно было говорить о нахождении противовеса тенденции бюрократизации.

Концепция заинтересованных групп А. Бентли

Концепция заинтересованных групп американского социолога **А. Бентли** (1870–1957) появилась в ответ на так называемый правовой формализм, в соответствии с которым общество развивается по непреложным законам, наподобие природных. В то же время эта концепция указывает на механизм принятия решений в политической сфере, в том числе законов. В соответствии с ней в обществе существует большое количество групп, так или иначе воздействующих на политическую сферу с целью реализации своих интересов. Трудность обоснования данной концепции заключается в прослеживании связей, часто скрытых, между заинтересованными общественными группами

и действующими политическими структурами. В этом обосновании – главная заслуга Бентли.

К заинтересованным Бентли относил социальные группы, преследующие свои политические интересы: профсоюзы рабочих и фермеров, организации предпринимателей, представителей различных профессий (врачей, адвокатов, инженеров), церковные, женские, молодежные, экологические и иные общественные организации. Например, Американская ассоциация производителей, Союз потребителей США и т.п. Члены данных организаций объединены общими интересами и в целом отражают разнообразие экономических, этнических, религиозных, региональных, демографических, профессиональных и других интересов. Их совокупность составляет гражданское общество в данной стране. В реальной жизни существует сотрудничество и столкновение групп. С одной стороны, они способствуют объединению граждан по интересам и приобщают к политике широкие слои населения, с другой стороны, группы начинают все активнее втягиваться в политические процессы и оказывают на них заметное влияние. Такие группы существуют в качестве движущих сил и опор политической системы.

В современной политической жизни деятельность заинтересованных групп имеет двоякое значение. С одной стороны, она искажает исходную объективную картину политической жизни, с другой – способствует полицентричности распределения власти в обществе и тем самым его устойчивости и повышению степени независимости граждан от государства.

Защита заинтересованными группами своих политических интересов получила название лоббирования. Оно может происходить двумя основными путями: заинтересованные группы могут воздействовать на профессиональных политиков и чиновников самыми разными способами (от составления петиций до подкупа), а могут стремиться ввести во власть своих представителей, что более надежно.

Способность к созданию заинтересованных групп зависит от политического режима в государстве и от особенностей национального характера и степени развития гражданского общества.

Заинтересованные группы могут защищать не только частные интересы отдельных слоев, но интересы любого члена общества. В США существует порядка 11 000 разнообразных групп интересов. Сюда относятся Союз потребителей США, экологические группы и т.п. Членом такой группы может стать каждый.

В политике действует «логика силы», и она может прийти в противоречие с логикой социальной целесообразности. Главное «противоречие политики: с одной стороны, в ней действует представительско-лоббистский принцип, обеспечивающий защиту наиболее влиятельных социально-групповых интересов вопреки всему, с другой – принцип национального единства, требующий подчинения отдельных интересов интересам целого». Ясно, что когда это противоречие обострено из-за могущества отдельных групп, создается революционная ситуация. На основе этого противоречия Маркс делал вывод о неизбежности социальной революции в капиталистическом обществе.

Концепция заинтересованных групп показала, что в современных системах власти в жизнь воплощается воля не каждого отдельного индивида, а объединенных групп, которые проводят ее с помощью воздействия на общественное мнение и на политические структуры, не суммируясь в «общую волю». Это потребовало внесения корректив в классические представления о демократии.

Новая концепция демократии Й. Шумпетера

Критика в адрес классической теории демократии и сама направленность мирового развития потребовали внесения корректив в представления XIX в. То равноправие в начале XIX в., о котором писал Токвиль, с наступлением промышленного капитала было ликвидировано. Стало ясно, что в капиталистическом обществе равенство может быть только формальным, что послужило стимулом для развития альтернативных концепций. В XX в. особую известность приобрела так называемая другая, или новая, концепция демократии **Й. Шумпетера** (1883–1950). По определению Шумпетера, «демократический метод – это институциональное устройство для принятия политических решений, в котором индивидуум приобретает власть принимать решения путем конкурентной борьбы за голоса избирателей». Концеп-

цию Шумпетера можно назвать рыночной мократией аналогично рыночной экономике. Политика, по Шумпетеру, продолжение и отражение экономики. Шумпетер, экономист по профессии, уподобляет политику рыночному хозяйству. Как на рынке покупатель приобретает нужные товары, так он выбирает и наиболее устраивающего его политика, отдавая ему свой голос. Выбирается не представитель, а лучший из имеющихся в наличии. Соперничают в борьбе за голоса избирателей различные элиты. Политическая инициатива принадлежит активному меньшинству, объединенному в партии. Демократическая политика осуществляется благодаря выбору одной из соперничающих группировок.

Й. Шумпетер

Отождествление политики и экономики вызывает ряд вопросов: как быть с тем, что политическая система начинает формировать политические потребности и пристрастия аналогично тому, как экономическая система с помощью рекламы начинает формировать материальные потребности граждан? Как быть с возможностью, что два кандидата заранее распределяют роли и будут делать вид, что они борются, создавая видимость демократии? Политические потребности не столь сильны, как потребности физиологические, и их вряд ли можно отнести к базовым. Политический рынок отличается от экономического тем, что человек может не испытывать жгучую потребность заходить на него, и реклама здесь имеет гораздо большее значение, чем в экономике. Поэтому то, что считается нормальным в экономике – покупка лучшего из предложенного, иначе воспринимается в политике. В первом случае она жизненно необходима для индивида, во втором – индивид может подождать до появления иных возможностей. Разница и в том, что на рынке человек покупает продукт, который может использовать, а в политике – зачастую «кота в мешке», т.е. депутата, который, возможно, не станет проводить в жизнь волю избирателя, однако его нельзя обменять. Отождествление экономического и политического рынка вызывает и такое возражение. Сторонники рыночной концепции демократии отказываются от принципа представительства, это порождает поиск новых принципов.

Один из таковых – принцип индивидуальной свободы. Шумпетер отмечает, что «демократический метод не обязательно гарантирует больший объем индивидуальной свободы, чем любой другой позволил бы в аналогичных обстоятельствах», но «если, по крайней мере в принципе, каждый волен бороться за политическое лидерство, выставляя свою кандидатуру перед избирателями, это в большинстве случаев означает значительную долю свободы дискуссии для всех. В частности, это, как правило, подразумевает значительную свободу прессы».

Шумпетер отмечает, что демократический метод исключает возможность контроля избирателей за действиями властей. Требование контроля, которое подчеркивалось противниками западной демократии, Шумпетер признает противоречащим духу демократического метода. То же он делает и с общей волей. Шумпетер, отрицая возможность выражения воли народа в принципе, пишет, что внедрение принципа пропорционального представительства, выражающего волю отдельных слоев населения, «может помешать формированию эффективного правительства и, таким образом, оказаться опасным в периоды напряжения». Но принцип демократии, по Шумпетеру, не предполагает пропорционального представительства. «Принцип демократии в таком случае означает просто, что бразды правления должны быть переданы тем, кто имеет поддержку большую, чем другие конкурирующие индивиды или группы», а конкуренция является сутью демократии.

В заключение Шумпетер делает вывод, что выбор избирателей, идеологически возведенный в волю народа, «не вытекает из их инициативы, но формируется, и его формирование – важнейшая часть демократического процесса». Этим занимаются партии. «Существование партий и политиков свидетельствует о том, что массы избирателей не способны на какие-либо другие действия, кроме паники».

Новая концепция демократии ближе к реальности, чем классическая, но сама эта реальность приводит к таким результатам, которые ставят под сомнение подлинность такой демократии. Как пишут авторы доклада Римского клуба «Первая глобальная революция», «деятельность политических партий сосредоточена в основном на выборных кампаниях и взаимном

соперничестве, что приводит к ослаблению той самой демократии, которой они призваны служить. Этот подход, основанный на конфронтации, создает впечатление, что интересы партии могут быть превыше интересов государства. Получается, что стратегия и тактика становятся более важными элементами, чем сами цели, а мнение избирателей начинает игнорироваться сразу после того, как одержана очередная победа на выборах».

Эту реальность отражает новая концепция демократии. Сформулируем ее основные принципы:

1) политическая соревновательность – главный критерий, отличающий демократию от других политических форм;

2) политическая инициатива в любом сообществе принадлежит активному меньшинству. Действие коллектива сводится к выбору элиты;

3) политическое влияние группа может оказать через лидеров, выражающих ее интересы;

4) демократия не воздвигает препятствий к осуществлению индивидуальной свободы. При ней самая высокая степень свободы информации;

5) контроль граждан за правительством связан с их правом лишить руководство возможности направлять политический процесс;

6) воля народа – мозаика индивидуальных и групповых интересов, и нельзя руководствоваться его единой волей.

Концепции плюралистической демократии

Общей посылкой в концепциях плюралистической демократии выступает положение о том, что государство является демократическим лишь при наличии множества организаций либо автономных групп, участвующих в осуществлении власти. Возникновение идей политического плюрализма было связано с усложнением социальной структуры зрелого капиталистического общества, формированием многопартийных систем в промышленно развитых странах.

Начало плюралистическим воззрениям на политику заложили идеологи реформистского социализма. Многообразие социальных объединений рассматривалось ими как средство, призванное выражать и защищать интересы непривилегированных слоев общества, и прежде всего рабочих, которые в условиях

парламентской демократии лишены возможности реально воздействовать на политику высших органов государства и добиваются защиты своих интересов с помощью альтернативных (негосударственных) организаций – профсоюзов, гильдий, потребительских кооперативов и пр.

С развернутым обоснованием идеала плюралистической демократии выступил **Г. Ласки** (1893–1950) – видный деятель и теоретик лейбористской партии Великобритании. Он сформулировал такие понятия, как плюралистическая теория государства и политический плюрализм, которые были восприняты последующими сторонниками концепции и употребляются ныне в качестве ее наименований.

По учению Ласки, современный тип государства зародился в эпоху Реформации, когда светские правители, одержав победу над церковью, сосредоточили в своих руках всю полноту власти. В дальнейшем, по мере утверждения капитализма, государственная власть подверглась бюрократизации и превратилась в централизованную иерархическую систему управления, обслуживающую интересы частных собственников. Ласки называл такое государство монистическим. Представительные учреждения (парламент и органы местного самоуправления) принципиально дела не меняют, поскольку они включены в единую систему институтов, защищающих обладателей собственности. В странах парламентской демократии, писал Ласки, избирательные права рабочих имеют декларативный, формальный характер. «Граждане бессильны перед лицом эффективно действующей централизованной власти». Отсюда был сделан общий вывод: «Капитализм несовместим со свободой».

Утверждение свободы теоретик связывал с установлением нового общественного строя – промышленной демократии. Описывая будущее общество, Ласки исходил из того, что частная собственность в нем сохранится, но функции управления производством будут переданы коллективам трудящихся. На смену централизованной организации власти придет «плюралистическое государство», в котором систему учреждений, построенных по территориальному принципу, дополняют органы представительства профессиональных интересов – производственные ассоциации (например, корпорация железных дорог), профсоюзы, объединения деятелей культуры и образования, не-

зависимые церкви. Тем самым произойдет дисперсия (рассеяние) государственного суверенитета: политическая власть сосредоточится по многочисленным объединениям, представляющим различные социальные интересы. Увеличение числа центров власти отразит федеративную природу общества, его дифференцированную социальную структуру.

Аргументируя эти положения, Ласки подверг критике предшествующие учения о государственном суверенитете (Ж. Боден, Т. Гоббс), общей воле государства (Ж. Ж. Руссо) и праве как выражении воли суверена (Дж. Остин). Названные доктрины с его точки зрения непомерно возвеличивают государство и противоречат федеративной природе общества. В действительности, «любая ассоциация, отдавая приказы своим членам, создает для них право, которое отличается от законов государства скорее уровнем, чем типом. Точно так же трудно провести различие между властью государства и властью иных ассоциаций, помимо различия их уровней».

Не согласился Ласки и с концепциями правового государства. Для того чтобы стать правовым, современному государству необходимо признать и обеспечить своим гражданам такие естественные права человека, как право на прожиточный минимум и достаточный досуг, право объединяться для совместных социальных действий.

Ранние сочинения Ласки содержат программу мирного перехода к промышленной демократии. С середины 30-х гг. его взгляды претерпели существенную эволюцию под влиянием изменений, происшедших в расстановке социально-политических сил. Он отказался в этот период от пропаганды идеалов плюралистической демократии и занимался главным образом разработкой тактики лейбористской партии на ближайшую перспективу. В годы Второй мировой войны Ласки пришел к убеждению, что господство буржуазии, опирающееся на военную машину, может быть ниспровергнуто лишь путем насильственной революции.

Иную трактовку идеи политического плюрализма получили в неолиберальных доктринах (самые ранние концепции: институционализм М. Ориу во Франции, теория групп давления А. Бентли в США). Призывая государство к проведению активной экономической политики, неолибералы в то же время пред-

видели, что она способна обернуться режимом «наибольшего благоприятствования» для отдельных предпринимателей и корпораций. С учетом этого идеологи неолиберализма изыскивали дополнительные средства, которые препятствовали бы государственному вмешательству перерасти отведенные ему рамки гаранта стабильного развития экономики. Решающая роль среди таких средств принадлежала политическому обеспечению частных интересов, нейтрализации государственной власти автономными социальными институтами.

М. Ориу (1856–1929), основоположник теории институционализма, был профессором и деканом факультета права Тулузского университета. Его труды оставили заметный след в истории социологии и юридической науки.

Французский юрист рассматривал общество как совокупность огромного числа институтов. Социальные механизмы, писал он, «представляют собой организации, или институты, включающие в себя людей, а также идею, идеал, принцип, которые служат своего рода горнилом, извлекающим энергию этих индивидов». Если первоначально тот или иной круг лиц, объединившись для совместных действий, образует организацию, то с момента, когда входящие в нее индивиды проникаются сознанием своего единства, она предстает уже институтом. Отличительным признаком института Ориу считал именно направляющую идею.

По определению Ориу, институт – это идея дела или предприятия, осуществляемая правовыми средствами. Например, коммерческое предприятие построено на идее прибыльной спекуляции, госпиталь – на идее сострадания. Государство, подчеркивал Ориу, реализует идеи покровительства гражданского общества нации, защиты частной собственности как сферы свободы индивидов. С течением времени институты приобретают устойчивый характер и обычно живут значительно дольше, чем создавшие их лица.

Ориу выделял два типа институтов: корпоративные (торговые общества, ассоциации, государство, профсоюзы, церковь) и вещные (правовые нормы). Оба вида были охарактеризованы им как своеобразные идеальные модели социальных отношений. Различие между ними усматривалось в том, что первые инкорпорированы в социальные коллективы, тогда как вторые не

имеют собственной организации и могут применяться в рамках любых объединений.

Основное внимание в теории Ориу было уделено корпоративным институтам. Как автономные образования они обладают общими чертами, а именно: определенной направляющей идеей, организацией власти и совокупностью норм, регулирующих внутренний распорядок. «Управление группами людей, осуществляемое посредством создания права и порядка, требует, чтобы те, кто управляет, сами могли творить право», – указывал Ориу. Понятия власти, управления, права в его доктрине были распространены на все корпоративные институты. Социальные формирования тем самым были приравнены друг к другу; изображались явлениями одного порядка.

В отличие от Ласки, наполнившего концепцию плюрализма идеями социализации управления и рабочего контроля над производством, Ориу рассматривал корпоративные институты как инструменты упрочения капиталистического строя. Теория институтов отводила социальным группам роль механизмов, поддерживающих рыночную экономику в состоянии устойчивого равновесия. Для либерального режима важно, писал Ориу, чтобы «предпринимательство индивидов в экономическом производстве оставалось на первом месте, а предпринимательство социальных групп, в том числе и государства, было отодвинуто на задний план... В динамической концепции социальной жизни это означает, что усилия индивидов являются действием, тогда как усилия групп – противодействием, призванным уравновесить действия индивидов».

Необходимость подобного рода противовесов Ориу объяснял тем, что частные предприниматели стремятся к накоплению капиталов и концентрации в своих руках экономической власти. Свобода предпринимательской деятельности, полагал он, приводит к нарушению равновесия в обществе. Как и другие идеологи неоллиберализма, Ориу доказывал необходимость «признать государственное вмешательство, которое явится политическим вмешательством в целях поддержания порядка и не будет претендовать на то, чтобы превратить государство в экономическую общность» (имеются в виду коммунистические проекты огосударствления экономики). В свою очередь осущес-

ствление этой политики потребует дополнительных противовесов по отношению к правительственной власти.

Государство, согласно концепции Ориу, должно стать публичной службой либерального порядка. Его задача – направлять и контролировать экономическую жизнь общества, оставаясь в то же время общенациональным институтом, т.е. нейтральной посреднической силой. «Государство – это юридическая персонификация нации, приведенной к упорядоченному и уравновешенному режиму». Сколь бы различны и даже противоположны ни были устремления социальных коллективов, общество оказывалось, по смыслу этой концепции, интегрированным в единую систему экономического и политического равновесия.

Вопрос о соотношении государства и других социальных институтов Ориу решал по формуле «первый среди равных». Настало время, писал он, «рассмотреть государство не как суверенитет, но как институт институтов».

Идеи политического плюрализма в теории Ориу еще не отличались четкостью формулировок. Предложенный им институционный подход к исследованию общества и государства тем не менее послужил основой, на которой сложились концепции плюралистической демократии Ж. Бурдо, М. Дюверже и многих других французских политологов. Теория институтов способствовала утверждению в либеральной идеологии представлений о политике как сложном процессе с множеством участников и преодолению взглядов классического либерализма, сводивших анализ политики к взаимоотношениям между индивидом и государственной властью. К середине столетия институционалистические концепции заняли господствующее положение во французской политологии (это отразилось и на учебных планах университетов, где вместо традиционных курсов по государственному праву ввели курс конституционного права и политических институтов).

В послевоенный период идейное содержание теории политического плюрализма значительно расширилось. Большое место в ней было отведено критике тоталитарных (фашистских и коммунистических) режимов. Идеологи либеральной демократии в связи с этим подчеркивали преимущества многопартийной политической системы, усилили аргументацию в защиту идей-

ного и мировоззренческого плюрализма, принципов терпимости по отношению к сторонникам иных политических взглядов, права граждан на оппозицию.

Дальнейшее развитие теории плюралистической демократии было связано с уточнением места и роли различных социальных формирований в политической системе общества. Политологи вплоть до настоящего времени активно обсуждают проблемы классификации партий, их особенностей по сравнению с массовыми движениями, группами давления и объединениями общественной поддержки.

В последние десятилетия XX в. западные политологи начинают распространять принципы плюрализма на исполнительную ветвь власти. Как отмечается в ряде работ, опубликованных в 1980-е гг., плюрализм требует организации на многопартийной основе не только представительных органов государства, но и правительственных учреждений. Сторонники этой точки зрения убеждены, что последовательная плюралистическая демократия предполагает создание коалиционного правительства с участием представителей от различных политических партий, в том числе и таких, которые находятся в оппозиции по отношению друг к другу.

Плюралистическая концепция демократии Р. Даля

Критика классической концепции демократии сторонниками концепции элит и новой концепции демократии потребовала поисков новых принципов, которые могли бы обеспечить предпочтение демократического строя. Одним из таковых стал плюрализм, т.е. свободное хождение в обществе различных политических взглядов. О значении плюрализма хорошо сказал С.И. Поварнин, имея в виду «борющиеся силы, из взаимодействия которых вырастает величественное здание человеческой культуры. Все они необходимы, и борьба их, честный спор между ними необходимы, и если властвует одна из них, подавив остальные и затушив споры и борьбу, – настает величайший враг движения вперед: спокойствие застоя. Это – смерть умственной жизни».

Политический плюрализм означает присутствие нескольких политических сил, взаимно ограничивающих друг друга. Это дальнейшее расширение принципа разделения власти Монтескье. Но здесь оппозиция или частично участвует в управле-

нии, или выступает в роли критика правительства. Если спросить: что делает возможным плюрализм, можно получить парадоксальный ответ: «условием плюралистической представительской демократии является единое гражданское общество, образуемое в результате действия культурно-обезличивающего плавильного котла. В этом котле плавится и исчезает все то, что относится к памяти – признаки этнического, религиозного, социального и расового происхождения, и на поверхность выступают ценностно-нейтральные «универсалии» интереса – экономического и профессионального в первую очередь».

Само по себе наличие плюрализма, считает Р. Даль (родился в 1915 г.), не дает оснований говорить о демократическом устройстве. Последнее может рассматриваться в качестве идеала, а для обозначения действительности лучше использовать термин полиархия, предложенный в 1953 г. как одно из четырех

Р. Даль

слов, характеризующих взаимодействие лидеров и контроль за ними: «Призовая система, или контроль за лидерами и со стороны лидеров, иерархия, или контроль со стороны лидеров, полиархия, или контроль за лидерами, и сделка, или контроль среди лидеров, т.е. лидерами друг друга». В этом смысле называть современное общество полиархией весьма проблематично, так как большинство населения в современных демократических обществах имеет весьма ограниченные возможности контроля властной элиты. Есть еще другой смысл: управление многих в противоположность монархии, но и здесь остается возражение: реально власть не принадлежит многим.

Данный термин должен отличить демократию идеальную от демократии реальной. Полиархия есть одна из реализаций демократии, поэтому эту концепцию можно назвать также концепцией полиархической демократии. Даль включает в данное понятие две характеристики: относительно высокая терпимость к оппозиции и широкая возможность для влияния на поведение правительства. В полиархии функционирует семь институтов:

- 1) всеобщее избирательное право;
- 2) право участвовать в общественных делах;

3) справедливо организованные выборы, в которых исключено всякое насилие или принуждение;

4) надежная защита свободы выражать свое мнение, включая критику правительства, режима, общества, господствующей идеологии и т.д.;

5) существование альтернативных и часто конкурирующих между собой источников информации и убеждений, выведенных из-под правительственного контроля;

6) высокая степень свободы в создании относительно автономных, самых разнообразных организаций, включая, что особенно важно, оппозиционные политические партии;

7) относительно высокая зависимость правительства от избирателей и результатов выборов.

Данные институты сложились в процессе адаптации демократических идей, которые существовали в античных городах-государствах, к масштабам современных наций-государств. Исторически сложившийся комплекс политических институтов по традиции именуют демократическим, хотя «афинский демократ был бы шокирован политическими институтами полиархии и скорее всего отверг бы всякую возможность называть их демократическими» хотя бы из-за наличия политических партий и заинтересованных групп, которых не было в Афинах, где каждый член Народного собрания был представителем верховной власти.

Полиархические институты необходимы, но не достаточны для осуществления демократического процесса на огромных территориях. Столь же необходим плюрализм, идейный и организационный, т.е. наличие ассоциаций и заинтересованных групп. Здесь интересно рассмотреть различие во взглядах Руссо и Токвиля. Руссо считал, что наличие ассоциаций опасно для осуществления общей воли и может привести к тирании большинства над меньшинством. Токвиль, наоборот, полагал, что свобода ассоциаций – необходимая гарантия против тирании большинства. Даль приходит к выводу, что для больших государств более справедлива точка зрения Токвиля. Конкуренция заинтересованных групп помогает сформировать взаимодействие элит и масс, препятствуя одностороннему господству элит (об общей воле речь уже не идет, и если элиминируем это понятие, то действительно прав окажется Токвиль).

От Далья не ускользают недостатки организационного плюрализма. «Ассоциации могут достигать большего, чем просто защиты или артикуляции интересов своих членов. Они способны также заострять и преувеличивать частные аспекты групповых интересов как противостоящие другим, возможно отмеченным большей привлекательностью и лояльностью интересам, и в этом смысле помогать формированию и укреплению деформированного гражданского сознания. Когда организационный плюрализм ведет к подобным последствиям, это может исказить существо имеющихся в обществе проблем и сконцентрироваться на политическом процессе скорее в направлении, обещающем видимые краткосрочные выгоды небольшому меньшинству хорошо организованных групп, чем в направлении, обеспечивающем значимые долгосрочные выводы для большого числа неорганизованных групп». Даль подчеркивает в связи с этим важность контроля, но проблема эта, как мы знаем из новой концепции демократии, остается нерешенной в современном государстве.

Некоторые исследователи (например, норвежский политолог С. Роккан) считают, что точнее говорить не о плюралистической демократии, а о корпоративном плюрализме. Первое, конечно, не исключает второго, но именно второе реально существует в современном мире. В числе таких четырех «корпораций» С. Роккан называет правительство, профсоюзы, деловые и фермерские организации. Корпоративизм склонен к попранию демократических принципов («подсчитываются голоса избирателей, но все решают часто организационные ресурсы»). На примере США говорят также о «железном треугольнике», включающем в себя комитеты Конгресса, его бюрократию и заинтересованные группы.

В заключение Даль дает еще одно определение полиархии: «Вид режима, приспособленного для управления нациями-государствами, в которых власть и авторитет над общественными делами распределены среди плюралистического множества ассоциаций, которые достаточно автономны не только в отношении друг к другу, но и во многих случаях в отношении к управляющей деятельности государства». Главный недостаток этого термина заключается в том, что реально власть не принадлежит многим.

Партисипаторная концепция демократии

В этой концепции в качестве отличительной черты демократии рассматривается то, что считается второй характеристикой полиархии – широкая возможность участвовать во влиянии на поведение правительства (в соответствии с олимпийским принципом: «Главное не победа, а участие»). Можно ли предоставлять кому-либо право принимать решение за себя? Отрицательный ответ на данный вопрос предполагает, что демократия невозможна без принятия самими людьми политических решений. Термин «представительная демократия» употреблял еще в XVIII в. французский мыслитель Деню де Трасси. К древнему стволу демократии привили средневековую представительную систему, и получилась новая «порода» демократии. Р. Даль соглашается, что представительная система изначально не была демократической: «...система представительной власти была порождена не практикой демократии, а возникла в виде некоего инструмента, благодаря которому недемократические правители, прежде всего монархи, могли прибрать к рукам огромные доходы страны, необходимые им главным образом для ведения войн». Какую роль играет представительная система сегодня? Даль убедительно доказывает, что в большом государстве не только прямая, но и представительная демократия практически невозможна. Члены Конгресса избираются от округов, где в среднем проживает более 400 тыс. совершеннолетних граждан. Если конгрессмен будет тратить на встречи с каждым по 10 минут в течение 8 часов рабочего дня, то ему понадобится 20 лет. Соглашаясь, по существу, с выводами Михельса, Даль формулирует закон соотношения времени и численности: «Чем большее количество граждан входит в состав политической единицы, тем меньше степень непосредственного участия этих групп в принятии решений, касающихся управления государством, и тем больше прав они должны делегировать своим представителям».

Ответом на эту критику является партисипаторная концепция демократии. Она основывается на классификации типов политической культуры, в соответствии с которой выделяют провинциалистский тип, представители которого интересуются лишь местными проблемами своего региона и не стремятся участвовать в управлении государством; подданнический тип, представители которого всегда поддерживают человека или партию,

находящуюся у власти в данный момент (таких насчитывают 8–10% населения); партисипаторный тип, представители которого интересуются государственными делами и стремятся принимать в них посильное участие. С точки зрения партисипаторной концепции демократия характеризуется преобладанием именно такого партисипаторного типа политической культуры.

Основное понятие партисипаторной концепции демократии – политическое участие. Его определяют как взаимодействие, или коммуникацию, с правительственными и неправительственными политическими лидерами в самых различных формах (от написания писем до забастовок и пикетов), даже если это не оказывает непосредственного влияния на ход государственного и местного управления.

Концепция демократии участия «одинаково направлена и против тоталитаризма – левого и правого (фашистского), и против формальной демократии, игнорирующей недемократизм повседневности и отстранение простых людей от процессов принятия решений». Демократия участия противостоит и «закону джунглей», и «закону зоопарка».

Но почему люди соглашаются со своим политическим неучастием? Панарин говорит о «потребительском искушении представительской демократии, заставляющей большинство людей принимать антидемократизм гражданской жизни в обмен на высокую заработную плату и технический комфорт». К тому же «многие люди ценят свое право не участвовать в решениях не меньше, чем другие – право участвовать». В основе этого лежат индивидуализм и желание замкнуться в собственной частной жизни.

Французский исследователь М. Крозье в книге «Блокированное общество» прямо связывает повышение управленческой эффективности общества с развитием демократии участия. Препятствует демократии участия бюрократия, которая «блокирует» общество. Это противоречие между бюрократией и демократией присуще как капиталистическому, так и социалистическому обществу. Демократия участия «принципиально ориентируется не на большие, а на малые пространства, на ассамблеи местного уровня, на перманентный плебисцит местных демократических общин. Такая демократия возвращает нас к картине античного полиса, в котором граждане не передоверяют реше-

ния «представителям», а сами принимают эти решения». «Демократия участия — это образ власти, отрицающей деление на власть имущих и власть неимущих, которая стремится вмешиваться вовсе не из бюрократического центра, а изнутри, создавая новое пространство демократического самоуправления на местах». Перед демократией участия стоит проблема формирования потребности любви, иначе люди будут действовать как марионетки, и их участие ничего не изменит в общем соотношении управляющих и управляемых.

Для политического участия необходимо время. Современный социолог Э. Сю вводит категорию социального времени, предназначенного для повседневной гражданской демократии участия (так называемое третье время). Это время социальных решений. Оно получило название «третье время» в отличие от «первого», занятого производственной деятельностью, и «второго», посвященного досугу. «Третье время» посвящено собственно социальной деятельности, и поле его приложения не предприятие, а территория — пространство вокруг нас, которое без приложения к нему творческих социальных усилий грозит превратиться в хаос или социальные джунгли.

Партисипаторная концепция демократии подверглась основательной критике по двум направлениям. Во-первых, чтобы элиты были ответственны перед населением, граждане должны действовать в соответствии с рационально-активистской моделью поведения. Однако участие граждан само по себе, даже очень активное, не делает общественное устройство демократическим. Множество участвующих в состязании бегунов никогда не станут победителями (в политике лицами, принимающими решения). Во-вторых, согласно данной концепции, «чтобы элиты были сильными и принимали властные решения, следует ограничивать участие, активность и влияние обычного гражданина.. Потребность во власти элит предполагает, что обычный гражданин будет относительно пассивен, выключен из политики... таким образом, от гражданина в демократии требуются противоречащие одна другой вещи: он должен быть активным, но в то же время пассивным». Это и реализуется, когда элита действует, а гражданин считает, что от него что-то зависит, и не испытывает чувства бессилия. Важна, стало быть, потенциальная демократия, в то время как реальная демократия приведет

к дестабилизации политической системы, т.е. действующая система, называясь демократической, на самом деле не может быть таковой. Должно быть сочетание активности и пассивности, и среди граждан должны быть активные и пассивные, что и имеет место практически. Высказывалось мнение, что расширять масштабы участия за пределы голосования опасно для самой демократической системы. Лозунгу «Больше участия в интересах демократического развития» противопоставляется принцип «Не будите спящую собаку», т.е. если кто-то не хочет заниматься политикой, то и не надо его привлекать к этому.

Концепция государства всеобщего благосостояния

Данная концепция возникла после того, как в конце 20-х гг. XX в. западный мир потряс сильнейший экономический кризис, показавший, что капиталистический рынок сам по себе не способен нормально функционировать и гарантировать всему

Дж. Кейнс

населению минимум благ и услуг. Внезапное обнищание широких слоев населения продемонстрировало важность благосостояния общества для нормальной работы производящей экономической системы. Тогда и возникла благодаря усилиям *Дж. Кейнса* (1883–1946) концепция государства всеобщего благосостояния, а путем к нему стало государственное регулирование экономики, создание смешанной экономики, политика социальных услуг.

Суть концепции – в преодолении социальных конфликтов путем создания с помощью государства сносных условий жизни для всех слоев общества посредством реализации программ социальной помощи низкодоходным и неимущим слоям, принятия мер для уменьшения безработицы и т.д., т.е. решении всех тех проблем, которые сам по себе не способен решить рынок. В какой-то мере это было перениманием опыта СССР, где проводилась в жизнь широкая социальная программа, но без столь кардинальных изменений, как отказ от частного предпринимательства.

Получил хождение термин «социальное государство». Конечно, любое государство в определенном смысле социально, так как к нем живут люди и оно состоит из социальных групп, но здесь имеется в виду другой смысл. Социальным называется

государство, которое обеспечивает всем жителям определенное количество социальных благ, включая прожиточный минимум, право на образование, медицинское обслуживание и т.д. Социальное государство должно помогать (путем налогообложения) тем, для кого без такой помощи гражданские права оказались бы пустыми обещаниями. Цель социального государства – «гарантировать всем гражданам минимальный уровень цивилизованного существования». Сторонники данной концепции полагают, что в будущем будут решены экономические проблемы. Рабочий день сократится, трудящиеся будут достаточно материально обеспечены. Любовь к деньгам как таковым станет восприниматься как болезненное состояние. Люди снова начнут ценить цели больше, чем средства, предпочитая хорошее полезному.

Под реальным государством всеобщего благосостояния (аналогично реальному коммунизму) понимается государство, которое претворяет в жизнь программы социального страхования, бесплатного здравоохранения, общедоступного образования и т.п. Впервые практически это стало внедряться в Германии в 80-е годы XIX в. «Правительство канцлера Отто фон Бисмарка выступило инициатором программы социальных гарантий, предполагавшей введение пособий по безработице, страхования на случай аварии и болезни, пенсий по старости. Бисмарк обратился к подобным мерам не только потому, что заботился о положении немецких рабочих, но и потому, что хотел приостановить рост влиятельной Социалистической партии Германии. Вскоре к аналогичной политике прибегли и правительства многих других стран». Еще больше было сделано самими социал-демократами, когда они пришли к власти. Особенно показателен пример Швеции. Социал-демократическая рабочая партия Швеции беспрерывно находилась у власти с 1932 по 1976 г. и за это время построила шведскую модель социализма – наиболее известное на планете общество всеобщего благосостояния, где практически искоренена бедность за счет наивысших в западном мире налогов. Это получило название социально ориентированной политики. Увеличению масштабов таких программ в западных странах способствовала революция 1917 г. в России и осуществление в СССР всеобщего бесплатного среднего и высшего образования, бесплатного здравоохранения и т.д.

Пример СССР вынудил в конкурентной борьбе и западные страны двигаться в том же направлении.

В целом данная концепция представляет собой либерально-капиталистический эквивалент социалистической идеологии, к которому многие политологи не относятся вполне серьезно. Концепции государства всеобщего благосостояния грозит опасность превратиться в пропаганду общества потребления со всеми вытекающими последствиями.

Потребительское общество и одномерный человек

В новых индустриальных условиях, по мнению *Г. Маркузе* (1898–1979), совершенно иначе предстает свобода людей. «Так, экономическая свобода означала бы свободу от экономики – от контроля экономических сил и отношений, от ежедневной борьбы за существование, от того, что нужно зарабатывать себе на пропитание. Политическая свобода означала бы освобождение

Г. Маркузе

индивидов от политики, над которой они не осуществляют действенного контроля. Соответственно духовная свобода означала бы обновление сознания, которое сейчас сформировано средствами массовой информации и воспитанием, ликвидацию «общественного мнения» вместе с его создателями... Самая действенная форма борьбы против освобождения заключается в формировании таких материальных и духовных потребностей людей, которые увековечивают устаревшие формы борьбы за существование». Формируя потребности человека, его закабаляют психологически, делают одномерным (здесь точка зрения Маркузе близка к взглядам сторонников психологической школы в социологии). Поэтому освобождение должно быть прежде всего личностно-психологическим, нравственно-сознательным.

Маркузе различает истинные и ложные потребности. «Ложными являются те, которые навязаны индивиду частными общественными силами, заинтересованными в его подавлении: это те потребности, которые увековечивают тяжелый труд, агрессивность, нищету и несправедливость... Большинство из господствующих потребностей – отдыхать, развлекаться, вести себя и потреблять в соответствии с рекламой, ненавидеть и любить то, что ненавидят и любят другие, – принадлежит к этому

набору ложных потребностей... Единственными потребностями, которые имеют неограниченное право на удовлетворение, являются витальные потребности – питание, одежда и жилье на доступном культурном уровне». Навязанные, или ложные, потребности Маркузе называет репрессивными. Соответственно их удовлетворение будет репрессивным удовлетворением.

Социальный контроль навязывает «господствующую потребность в производстве и потреблении ненужных вещей; потребность в отупляющей работе, где она в действительности больше не нужна; потребность в разнообразных видах разрядки, которые смягчают и продлевают это отупление; потребность сохранять такие обманчивые свободы, как свободная конкуренция при фиксированных ценах, свободная пресса, которая сама для себя является цензурой, свободный выбор товаров и мелких принадлежностей к ним при принципиальном потребительском принуждении... Свободные выборы господ не ликвидируют господ или рабов».

В современном обществе потребления «товары поглощают людей и манипулируют ими; они производят ложное сознание, которое невосприимчиво к собственной лжи... Так возникает образец одномерного мышления и поведения». Задача правящего класса – превратить «научный и технический прогресс в инструмент господства».

Технический прогресс оказался способным существенно повысить материальный уровень основной массы населения, что привело к созданию потребительского общества. В большей степени это произошло в капиталистических странах, но и в странах «второго мира» также имело место. Огромные потребительские возможности капитализма притягивали к нему взоры всего мира.

В потребительском обществе в дилемме, поставленной Э. Фроммом – «иметь или быть», человек выбирает «иметь». Он больше стремится приобретать вещи, чем «быть», т.е. выявлять свои внутренние потенции. «Качество жизни» включает участие в управлении обществом, в «количество жизни» входит только сумма потребляемых продуктов («потребительская корзина»). «Нынешняя цивилизация ознаменовалась вытеснением всех социальных мотиваций, как бы выносимых за скобки, одной – экономической, связанной с материальным вознаграждением».

Массовый человек отказывается от своей социальной роли. Свою волю он распространяет только на сферу досуга и на частную жизнь.

Потребительство и одномерность мешают социальному участию. И когда к этому стремится только меньшинство населения, это меньшинство склоняется к тому, чтобы установить свою власть силой, что и привело, например, к студенческим волнениям в Париже в 1968 г. и их повторению в 2006 г., к созданию «красных бригад». Терроризм – оружие меньшинства.

Развитию тенденции рационализации мешает «растущая иррациональность целого, расточительство и ограничение производительности, потребность в агрессивной экспансии, постоянная угроза войны, обострившаяся эксплуатация, бесчеловечность. Все это указывает на историческую альтернативу: плановое использование ресурсов для удовлетворения жизненных потребностей при минимуме затрат на тяжелый труд, превращение свободного времени в действительно свободное, умиротворение борьбы за существование».

Маркузе указывает на важность нравственных моментов и связывает их с обретением истинного сознания: «Люди должны обрести вместо ложного сознание истинное, вместо непосредственного интереса – настоящий. Они смогут сделать это, только почувствовав потребность изменить свой образ жизни, отказаться от того, что имеют от общества». Кардинально изменить ситуацию может «Великий отказ» от потребительских ценностей и соединение самого развитого сознания с самой эксплуатируемой силой – опальных и изгоев, лиц, находящихся на периферии современного общества.

Психологическая концепция власти

Суть психологических аспектов власти заключается не в том, чтобы заставить человека делать что-то силой, а в том, чтобы убедить его, что он должен иметь именно такие взгляды и поступать в соответствии с ними. Здесь на первый план выходит свойство, которое названо хитростью, а помогает ей доверчивость народа.

В основе психологической концепции власти лежат идеи популярного в США бихевиоризма, направления психологии, идущего от знаменитых опытов И. П. Павлова. Бихевиористы изучают возможности управления поведением человека, и не-

удивительно, что этим направлением заинтересовались политики. Основатель психологической концепции власти – американский представитель бихевиоризма *Г. Лассуэл* (1902–1978). В основе данной концепции лежит убеждение, что важнейшим атрибутом власти является формирование общественного мнения путем политической рекламы, специальной подачи информации, ее нацеленного комментирования с обращением к различным референтным группам, выявляемым с помощью опросов и политических рейтингов. Тем самым методы социологии и политологии применяются с целью манипулирования сознанием населения, а наука используется как обоюдоострый меч, который и спасает, и наносит раны. Здесь очень хорошо можно увидеть различие между политикой и политологией. Политология не заставляет принять какую-либо точку зрения, а проясняет сознание людей. В этом разница между политологом и имиджмейкером.

Важность психологических моментов в распространении информации несомненна. Информационно развитая система ничего не отбрасывает, но все модифицирует в соответствии со своими целями, прежде всего с целью самосохранения; она стремится утвердить статус-кво – динамическое, но без потери устойчивости. Это соответствует модной ныне концепции устойчивого развития.

Кстати сказать, СССР проиграл Западу в «холодной войне» не потому, что был слабее, а потому что Запад тоньше вел информационную войну и психологически сильнее воздействовал на сознание жителей «социалистического лагеря». Значение психологических моментов в дальнейшем будет все более и более увеличиваться.

Концепция национального интереса

Концепция национального интереса относится к внешней политике и подчеркивает важную составляющую обеспечения власти – силу. Ее разработчик *Г. Моргентау* (1904–1982), американский политолог немецкого происхождения, один из основоположников школы «политического реализма». Последний «базируется на трех постулатах: основным субъектом международных отношений является национальное государство, выражающее свои интересы в категориях силы (т.е. они обусловлены той силой, которой оно обладает); следствием этого внутренней

Г. Моргантау

пружиной, двигающей международные отношения, становится борьба государств за максимизацию своего влияния во внешней среде; оптимальным ее состоянием видится международное (региональное) равновесие сил».

Моргентау определяет силу как все, «что связано с установлением и поддержанием контроля одного человека над другим... от физического насилия до самых тонких психологических связей, позволяющих одному разуму властвовать над другим».

Политическую власть Моргантау определяет как «психологическое отношение между теми, кто ее осуществляет, и теми, над кем она осуществляется». Такое определение могли бы дать сторонники психологической теории власти. «Это влияние (государства внутри или вовне своих границ) проистекает из трех источников: ожидание выгоды, боязнь проигрыша, уважение или любовь к людям и институтам. Оно может осуществляться приказами, угрозами, убеждением, харизмой человека или института либо сочетанием любых этих факторов».

Вывод Моргантау таков: «Внешнеполитические цели должны формулироваться сквозь призму национального интереса и быть поддержаны адекватной мощью». Концепция национальных интересов заставляет вспомнить фразу, сказанную известным английским политиком Г. Д. Пальмерстоном: «У Англии нет постоянных друзей и врагов, есть только постоянные интересы».

Концепция национальных интересов снимает моральные ограничения с межгосударственных отношений. В соответствии с ней можно делать все, что на благо национальным интересам, используя рычаги, которые присущи власти. Это видно в современном мире, нынешняя однополюсность которого позволяет все шире основывать внешнюю политику на грубой силе, оставляя место в информационной сфере для хитрости. Последняя преобладает во внутригосударственных отношениях властвующей элиты с населением, тогда как первая – в международных отношениях. Эта концепция показывает, насколько наивно утверждать, что у какого-либо государства нет врагов, а только друзья. Концепция национального интереса не оставляет камня

на камне от данной веры, действительно соответствуя «политическому реализму».

Сравнивая политологические концепции XIX и XX вв., можно сделать вывод о сближении противоположных позиций по линии демократия – элитаризм. Демократические концепции эволюционировали от классической концепции демократии Токвиля в сторону новой концепции демократии, которая признала несостоятельными и утратившими силу многие традиционные представления, претендовавшие на роль неотъемлемых свойств демократии – о народном суверенитете, общей воле, представительстве, а взамен им ввела более скромные утверждения о рыночности и плюралистичности демократии. Концепция элит также продвинулась по пути к элитарной демократии, хотя исследования основоположника данного направления Р. Миллса порой напоминают выводы Парето и Моска.

Рассматриваемые нами политические концепции представляют собой своеобразный переход от классической политической науки к современной политологии, которая характеризуется различными школами и направлениями исследования. Центральное место в современной политологии занимают вопросы власти и демократизации общественной жизни в условиях перехода цивилизации к постиндустриальному обществу. Среди представителей этого направления видное место занимают американские политологи Гарольд Дуайт Лассуэлл (1902–1978), Роберт Алан Даль (р. в 1915 г.), **Олвин Тоффлер** (р. 1928), итальянский политолог Норберто Боббио (р. 1909), французский политолог Мишель Крозье (р. 1922) и другие.

Г. Лассуэлл свои исследования проводил на основе использования эмпирических наблюдений и анализа статистических данных. Так, в книге «Анализ политического поведения. Эмпирический подход» (1949) он затрагивает широкий круг проблем взаимоотношений между людьми, морали и религии, науки и политики, методов познания политических явлений, понятий, терминов, используемых американскими политологами.

Р. Даль около пятидесяти лет занимается исследованием элит и групп, принимающих решения, анализом развития либеральной демократической теории. Названия его книг «Введение в демократическую теорию», «Кто управляет?», «Плюралисти-

ческая демократия в Соединенных Штатах», «Полиархия» и др. говорят о направленности и содержании исследований. Он рассматривает политическую систему как любой устойчивый тип человеческих отношений, который включает в себя в качестве главных компонентов власть, руководство или авторитет.

Представляют интерес выводы и определения власти О. Тоффлера. В книге «Смещение власти: знание, богатство и сила на пороге XXI века» он утверждает, что в условиях постиндустриального общества человечество вступило в эру смещения власти, когда постепенно распадаются все существовавшие в мире властные структуры и зарождаются принципиально новые. Ведущим фактором формирования власти становятся знание, наука, а не сила и богатство.

Анализируя смещение власти на мировом уровне, Тоффлер выделяет три наиболее значительных структурных сдвига.

Первый – распад «монолитного Советского блока» и смещение сконцентрированной в Москве «огромной власти» в независимые ныне страны Восточной Европы.

Второй – крупная трансформация в группе развивающихся стран. Они делятся по уровню развития на несколько подгрупп: аграрные общества (африканские страны); индустриальные общества «второй волны» (Бразилия, Индия и др.) и, наконец, прошедшие стадию индустриализации и стремительно развивающие технологию – «третьей волны» (Сингапур, Южная Корея и т. д.).

Третий – сформировавшиеся новые развитые страны, в результате чего США получили сильных конкурентов в лице Японии и объединяющейся Европы.

Таким образом, глобальная структура, отражавшая господство индустриальной мощи «второй волны», распадается в условиях становления суперсимволической экономики.

Приоритет знания диктует новые принципы классификации стран (не деление на капиталистические и социалистические блоки). В качестве основного критерия – темпы развития: страны с высокими темпами и низкими темпами. Власть от стран с богатыми природными ресурсами перейдет к тем, кто

контролирует знание, необходимое для создания новых ресурсов. Значительная часть современных политологов посвятили свои исследования проблемам международной политики и международных отношений, проблемам разрешения конфликтов, вопросам политического лидерства, личности и политики, теориям систем и другим.

В современной политической науке широко используются такие категории научного исследования, как «бюрократическое общество», «бюрократический кризис», «бюрократический ритм развития». Французский политолог и философ Мишель Крозье определял бюрократию как способ осуществления работы в учреждениях и не только специфически организованный, по определенным критериям отобранный слой служащих. Бюрократия – это тип государственной организации и стиль жизни в обществе. Это определенный тип динамики развития и приспособления к процессам модернизации общества .

Чтобы объяснить, каким образом нарушается рациональное функционирование бюрократической организации, возникают дисфункции, Крозье использует понятие «дискреционной власти». Он считает, что в любой организации есть зоны неопределенности для осуществления формальной власти, и члены организации начинают использовать эту неопределенность для реализации собственных, корыстных интересов.

Это свобода исполнителя трудовой функции поступать по своему усмотрению в том или ином объеме возникает повсеместно.

К зонам неопределенности Крозье относит:
экспертное знание и умение;
отношения организации с внешней средой;
контроль над коммуникационной сетью и информацией;
наличие общих и организованных правил и право руководства их устанавливать.

Несколько примеров дискреционной власти:

власть секретаря руководителя (общепризнанными являются высокие возможности и статус этой должности из-за возможности влиять на начальника);

авторитет «маленького» по должности работника – «много знающего и могущего дать хороший совет»;

возможность авторитетного ученого повлиять на развитие ситуации.

Анализируя по заказу международной трехсторонней комиссии проблемы развития демократии в крупнейших странах мира, Крозье пришел к интересным выводам. Культурно-организационный анализ современных обществ позволяет, пишет он, выделить то, что называется ядром политических представлений народа, которое отличается достаточной устойчивостью и остается практически неизменным на протяжении многих десятилетий несмотря на внешние перемены и появление все новых и новых форм политических действий. Однако при этом кардинально важным моментом является отличие смыслового восприятия одних и тех же вербально одинаковых ценностей для Европы и США.

Первая главная ценность, которая не только единодушно разделяется всеми, но в последнее время с возрастающим энтузиазмом открывается современными социальными движениями как экстремистско-радикальными, так и консервативно-религиозными, это – ценность свободы индивида. Несмотря на внешнее расхождение в интерпретациях свободы между столь разными движениями, на уровне ядра политических верований эта концепция оказывается единой. Существует только одно фундаментальное различие – это противоположность между европейской концепцией свободы, которая есть разновидность «свободы-от» (*freedom-from*), акцентирующей неотчуждаемое право индивида оставаться невовлеченным во что-либо, от американской концепции свободы, которая представляет собой скорее «свободу-для» (*freedom-to*), т.е. неотчуждаемое право на инициативу и на лидерство и на мобилизацию на действие других, если они того пожелают.

Второй доминирующей ценностной ориентацией остается стремление к равенству. Однако так же, как и понимание свободы, европейский эгалитаризм весьма отличен от американского. В Европе он представляет собой «стратифицированную разновидность эгалитаризма». Это означает, что люди могут очень придирчиво и шепетильно требовать равенства с равными себе, но в то же время легко сносить и безоговорочно принимать неравенство между слоями и стратами в обществе. Более того,

в противоположность американцам, европейцы оказываются весьма шокированными, если кто-либо пренебрегает общепринятыми различиями в обращении к людям разных социальных страт.

Третье место в системе демократических ценностей занимают порядок и эффективность. И хотя разнообразие форм жизни в последние годы, особенно поиски нетрадиционных видов общежития среди молодежи, привели к большей терпимости европейцев в отношении стиля жизни, однако радикальная угроза, исходящая из самой сущности свободы – скатывание к хаосу, вызывает настоятельную потребность граждан любого европейского государства в призывах к порядку, который в случае крайней необходимости оказывается для них приемлемым даже в насильственных формах. Длительная традиция политической мысли Европы, центральной категорией которой были проблемы учреждения или сохранения социального порядка, делает вполне объяснимыми важность и актуальность этой категории для нормального хода политического процесса и для общественного сознания граждан.

Однако специфика европейского понимания порядка состоит в более социальной и менее юридической его коннотации по сравнению с США. При этом порядок европейцами воспринимается на уровне требования того, чтобы вещи и люди были «поставлены на свое место для того, чтобы общество могло работать». Далее, порядок есть способ достижения эффективности, которая, в свою очередь, есть условие хорошего функционирования общества. В отличие от американцев европейцы, таким образом, находят большее удовлетворение в построении хорошо функционирующей схемы (как самооценности) нежели в достижении конкретных результатов, которые порядок может принести. Эффективность для них есть всего лишь демонстрация реализации порядка, а не цель, как это происходит у американцев. Порядок для европейца в этом смысле все еще остается «ношей белого человека», т.е. имеет весомый оттенок аристократически-этического мировоззрения с его непрактическим кодексом чести и чувством ответственности за все сущее.

Четвертой характеристикой современного демократического мышления Крозье считает «дуализм». В отличие от стран

классического Востока у европейцев никогда не было унитарной концепции легитимности. В этом смысле политико-историческая оппозиция Церкви и Государства подготавливала и была предтечей современного политико-социального разделения на «левых» и «правых».

И хотя большинство политических и социальных теорий исходили и исходят из стремления достичь политического консенсуса, на практике демократия и свобода всегда реализовывались через реальное противостояние оппозиционных партий и течений в политическом процессе. Именно наличие оппозиции всегда воспринималось в Европе как гарантия независимости граждан и реализации их свободного выбора. В противном случае – в случае ликвидации оппозиции – европейцы ощущали бы себя чрезвычайно зависимыми от господствующей власти. Ситуация уничтожения оппозиции всегда отождествлялась с возвратом к патернализму, отступлением к феодализму и в конечном счете ощущалась как угнетение. Единственная возможность урегулирования социального конфликта по-европейски мыслима только через реальный политический дуализм, что коренным образом отличает европейский менталитет от американского.

Контрольные вопросы и задания

1. Дайте сравнительную обобщенную характеристику основных парадигм истории политической мысли.

2. Сравните характеристику идеального государства у Платона и Аристотеля. Какие критерии типологизации форм правления предлагают античные мыслители?

3. Аристотель утверждал, что сама мысль о собственности доставляет несказанное удовольствие; Дж. Локк считал собственность естественным правом человека, но Ж. Ж. Руссо называл обманщиком того, кто, первым огородив участок земли, сказал: «Это мое!» и нашел людей достаточно простодушных, чтобы этому поверить; Прудон полагал, что собственность есть не что иное как кража; К. Каутский считал, что основной метод приобретения собственности – это насилие одних людей над другими; К. Маркс утверждал, что частная собственность нераз-

рывно связана с эксплуатацией человека человеком, и нет таких преступлений, на которые не пойдет капитал ради увеличения прибыли, а в конечном счете собственности. Позиция какого мыслителя вам ближе и почему?

4. Сравните теории происхождения государства Т. Гоббса и Дж. Локка. Укажите, как решается вопрос о соотношении государства и личности в их теориях.

5. Т. Джефферсон подчеркивал: «Если народ надеется, что в условиях демократии можно быть непросвещенным и свободным, это то, чего никогда не было и никогда не будет». Согласны ли вы с американским мыслителем?

Тема 3

Власть как социально-политический феномен

3.1. Сущность, основания и ресурсы власти, ее легитимность.

3.2. Современные концепции власти.

3.1. Сущность, основания и ресурсы власти, ее легитимность

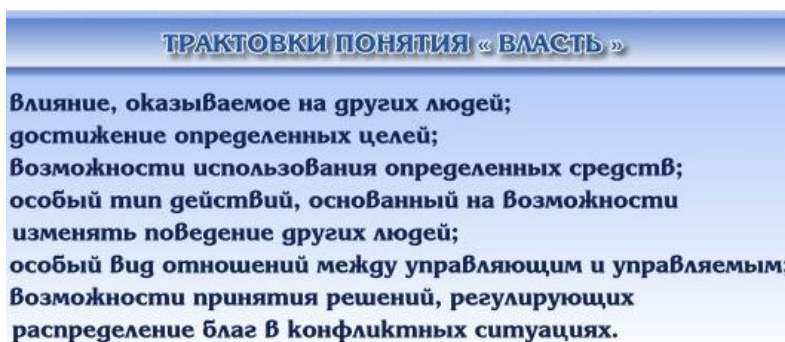
Политика как особая сфера деятельности людей выделяется на ранних ступенях развития общества по мере появления особого вида властных отношений. Эти властные отношения определяют в конечном итоге все многообразие взаимодействий, складывающихся в этой сфере. Вот почему вначале необходимо выявить их основные характеристики, а также факторы их устойчивости и постоянного воспроизводства.

Есть четкое различие между обыденной и научной трактовкой термина «власть». Обратите внимание на подходы к определению внутреннего содержания понятия «власть» ведущих исследователей М. Вебера, К. Ясперса, Т. Парсонса. Это связано не только с многозначностью самого слова «власть», но и с разными способами употребления.

Различные трактовки понятия «власть» тем не менее указывают на то, что власть – это основной и необходимый элемент жизнедеятельности любой социальной системы, это специфическое отношение по крайней мере между двумя субъектами (от-

..... Власть как социально-политический феномен

дельными людьми, социальными группами, политическими институтами).

Нет отношений – нет власти. Власть – это социальный феномен. Но его социальное содержание неоднозначно, так как властное начало может:

1) быть конструктивным и созидающим, т.е. может быть реализовано путем гармонизации интересов и потребностей большинства населения;

2) иметь разрушительные последствия, так как может осуществляться вопреки интересам индивида и общества в целом и поддерживать целостность общества посредством прямого подавления интересов одной группы (управляемых) другой группой (управляющих).

Так, одним из признаков политической системы советского типа после Октябрьской революции 1917 г. было преобладание методов революционного насилия в осуществлении властных функций. Это было обусловлено неблагоприятными внешними и внутренними условиями формирования политической системы (интервенция, гражданская война, низкий уровень общей и политической культуры трудящихся и др.). В результате была создана разветвленная карательная система.

Необходимо также учитывать социальную сущность власти, которая определяется тем, что она:

1) возникает в обществе, поскольку без власти наступает хаос, саморазрушение социальных связей;

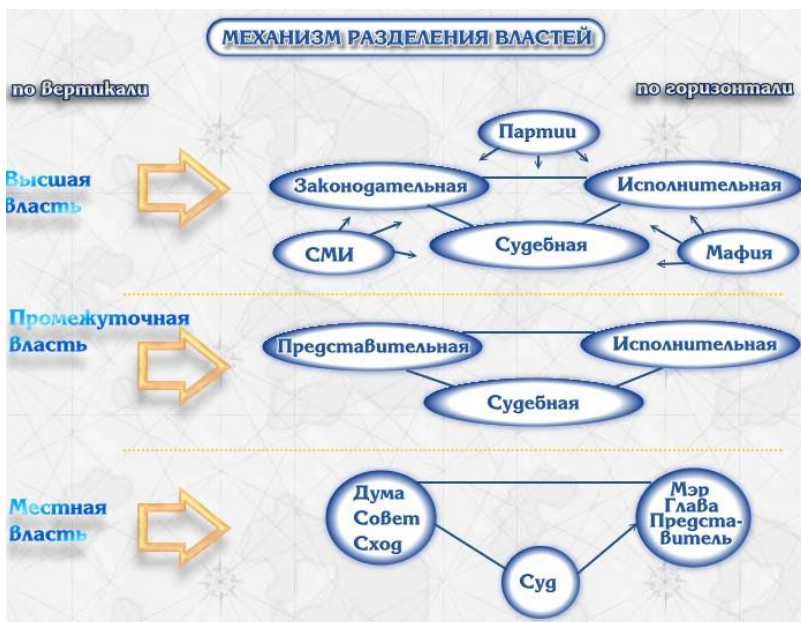
2) обеспечивает целостность и упорядочение разнообразных интересов и отношений между людьми, создавая общие для всех правила поведения;

3) выступает в качестве универсального механизма интеграции с помощью различных средств, в том числе и принуждения (дело в том, что люди занимают в обществе неодинаковое социальное положение, имеют различный уровень жизни, материального богатства, образования, заняты разными видами труда и т.д.).

Представление об основных компонентах власти можно получить из приведенных ниже схем.

Содержание власти
Источники власти: авторитет, сила, престиж, закон, богатство, харизма, тайна, интерес и др.; Основания власти: экономические, социальные, юридические, административно-силовые, культурно-информационные; Субъекты власти: государство и его институты, политические элиты и их лидеры, политические партии; Объекты власти: индивид, социальная группа, масса, класс и т.д.; Функции власти: господство, руководство, регуляция, контроль, управление, координация, организация, мобилизация; Ресурсы власти: принуждение, насилие, убеждение, поощрение, право, традиции, страх, мифы и т.д.

Власть функционирует и существует на общественном, публичном и личном уровнях социальной структуры общества, поэтому существуют различные виды власти: экономическая, семейная, партийная, судебная, законодательная и т.д.

Итак, власть – это особый вид взаимодействия, отношения, возникающий в обществе. Он характеризуется:

неравенством двух взаимодействующих сторон, их разделением на субъект власти, обладающий определенными ресурсами, и объект власти, лишенный данных ресурсов;

способностью субъекта власти ставить определенные цели и добиваться изменения поведения контрагента взаимодействия в соответствии с этими целями (мотивация властного воздействия);

готовностью объекта власти изменять свое поведение в соответствии с требованиями субъекта власти (мотивация подчинения);

наличием у властвующего субъекта возможности применить санкции (лишить обещанных ресурсов, применить принуждение) в отношении подчиненного.

Властные отношения пронизывают все сферы общества. Власть есть в семье, в трудовом коллективе, в учебном заведении, в государственном учреждении, в компании подростков. Есть в обществе и особый вид власти. Это – политическая власть.

Политическая власть – это способность и возможность группы, индивида, класса проводить свою волю в политике и правовых нормах.

Власть
1) способность, право и возможность распоряжаться кем-либо, чем-либо; оказывать решающее воздействие на судьбы, поведение и деятельность людей с помощью различного рода средств – права, авторитета, воли, принуждения; 2) политическое господство над людьми; 3) система государственных органов; 4) лица, органы, облеченные соответствующими государственными, административными полномочиями

Сущностные черты политической власти:

суверенитет, что означает независимость и неделимость власти;

авторитетность власти, т.е. общепризнанное влияние субъекта власти во всех сферах жизнедеятельности общества;

волевой характер власти предполагает наличие осознанной политической программы, цели и готовности ее выполнять;

принудительный характер власти (убеждение, подчинение, приказание, господство, насилие);

всеобщность власти, которая означает функционирование власти во всех сферах общественных отношений и политических процессах.

Ресурсы власти

Ресурсы власти – средства, использование которых обеспечивает влияние на объект власти в соответствии с целями субъекта.

Экономические: •материальные ценности, необходимые для общественного производства и потребления; •деньги; •плодородные земли; •полезные ископаемые и т.п.	Социально-политические: •численность населения, его качество; •социальное единство; •социальная стабильность и порядок; •демократизм общественных отношений; •участие населения в политике; •патриотизм гражданского общества и т.п.
Морально-идеологические: •идеалы, интересы, убеждения людей; •идеология, вера, доверие, общественное настроение; •чувства (патриотические, национальные, религиозные), •эмоции людей и т.п.	Информационно-культурные: •знания и информация; •институты науки и образования; •язык; •пропаганда во всех её формах; •средства массовой информации и т.п.
Силовые: •оружие и аппарат физического принуждения (армия, милиция, службы безопасности, суд, прокуратура)	

Механизмы осуществления власти

Господство, т.е. подчинение одних социальных групп другим, что закрепляется в государственных нормативно-правовых актах.

Руководство, т.е. определение и законодательное закрепление стратегии развития общества, политической системы, выбор средств осуществления основных задач и целей.

Управление и организация, т.е. принятие конкретных управленческих решений, согласование, упорядочивание деятельности различных социальных групп, личностей, действий политических и неполитических организаций и учреждений.

Контроль как обратная связь, с помощью которой власть следит за тем, какие результаты имеют те или иные управленческие решения.

Политика – причина и средство власти, власть – причина, условие и средство политики.

Основные черты политической власти
верховенство и обязательность ее решений для всякой иной власти и обращение ко всем гражданам; моноцентричность (наличие единого центра принятия решений); наличие особого аппарата управления и принуждения; использование легальной силы, опора на традиции и чувства; публичность, т.е. всеобщность и безличность (обращается ко всем гражданам от имени всего общества с помощью права).

Итак, специфика политической власти в том, что она всегда носит общественный характер и затрагивает интересы больших групп людей.

На ранних ступенях развития общества отношения политической власти были синкретичными, т.е. внутренне они не разделялись на какие-либо особые, специфические сегменты, сферы управления. Князья в Киевской Руси сами правили, сами вершили суд, сами возглавляли войско, сами отправлялись со своей дружиной за сбором налогов, дани. И хотя правящие группы всегда были иерархичными, первоначально внутри них не существовало специализации по выполняемым функциям. Однако чем дальше развивалось общество, чем интенсивнее в нем шел процесс разделения труда, появления новых социальных групп, тем сложнее становились отношения власти.

Исторически в любом обществе можно проследить процесс дифференциации политической власти. Первоначально этот процесс отразился в специализации людей, выполняющих управленческие функции в обществе. Концентрация усилий должностного лица на управленческих задачах потребовала создания соответствующих служб, которые из временных исполнителей поручений правителей превращались в постоянно действующие органы. Например, появились судьи, занимающиеся исключительно разрешением споров и конфликтных ситуаций, сборщики налогов, обеспечивающие поступление средств в государственную казну, и др.

Возникновение и развитие политической власти неразрывно связано с возникновением и развитием государства как особой системы органов и учреждений, осуществляющих управ-

ление страной и обладающих для этого необходимыми властными ресурсами, в том числе правом на применение насилия.

Власть, где субъектом властных отношений становятся государственные органы и учреждения, а в качестве объекта власти выступает все население страны, принято называть государственной властью. Государственная власть – это стержень политических властных отношений. Но государственные органы и учреждения не являются единственными субъектами власти в политике. Кроме них в современном обществе существуют различные политические организации, движения, способные оказывать воздействие как на массы, социальные группы, так и на государственные органы.

В современном обществе политическая власть имеет сложную конфигурацию. Факторы, обуславливавшие процесс ее дифференциации, зарождались в сложных коллизиях социальных взаимодействий, когда индивиды для решения своих, в том числе и повседневных проблем просто были вынуждены прибегать к созданию различных политических институтов. Дифференциация политической власти особенно резко усиливается в XIX–XX вв. Переход к индустриальному типу общества, развитие научно-технической революции сопровождалось нарастанием экономической и социально-политической активности населения. В меняющихся условиях в политической сфере возникают качественно новые политические отношения, представляющие собой устойчивые формы самоорганизации масс: политические партии, общественные организации, группы давления и т.п.

Итак, политическая власть по мере развития общества становится внутренне крайне сложным образованием. В рамках политических отношений исчезает даже однозначность в определении субъекта власти. Регулярные выборы, референдумы, узаконенная практика давления на государственные структуры деформируют картину политической власти как особой формы взаимодействия, где субъект, опираясь на определенные ресурсы, может добиваться своей цели. В современном обществе субъект власти оказывается функционально разделенным, причем каждая его часть находится в зоне влияния различных сил, в том числе и тех, которые формально должны ему подчиняться.

Развивающийся под воздействием объективных социальных факторов процесс дифференциации политической власти нашел свое отражение в философско-политических и правовых

доктринах, наиболее известной из них является теория разделения властей, возникшая в период кардинальных изменений в экономике западноевропейских стран и укрепления позиций буржуазии. Ее основной смысл заключался в необходимости разделения единой государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную.

Появление теории разделения властей способствовало резкой дифференциации политической власти. Это связано с особой ролью концепций, способных оказывать при определенных условиях значительное воздействие на деятельность людей, на ценностные ориентации и устремления. Произошло соединение развивающейся под воздействием объективных факторов дифференциации политической власти с рациональной деятельностью людей, усвоивших ценности концепции разделения властей.

Сложность, запутанность политических властеотношений в современном обществе являются одной из причин, делающих их анализ крайне трудным. Власть как бы рассредоточивается, ускользает от наблюдателя, не укладывается в простые схемы объяснения. Следует иметь в виду, что в реальной жизни логика властного взаимодействия является более сложной и запутанной. Как подчеркивал французский философ М. Фуко, «под властью с самого начала следует понимать множественность отношений силы, которые являются имманентными областям, где они осуществляются». По его мнению, отношения власти задаются в сложной ткани «отношения отношений», т. е. на их конкретное проявление накладывают отпечаток самые разнообразные факторы: другие субъекты, события, процессы, нормы и ценности культуры.

Для осуществления политической власти необходимы:

- 1) доминирование властной воли;
- 2) наличие особого аппарата управления;
- 3) монополия на регламентацию жизни общества;
- 4) право на принуждение в отношении общества и личности;
- 5) легитимность;
- 6) суверенитет.

Обратите внимание на принципы суверенитета и легитимности власти.

В политической истории можно наблюдать немало на первый взгляд парадоксальных явлений, таких, например, как покорность тиранам, диктаторам. Покорность, которую трудно объяснить страхом перед вооруженной силой, тем более что люди сами способствуют приходу к власти жестоких, авторитарных правителей, требуют сильной власти, поощряют вмешательство государства во все сферы общественной жизни. И напротив, есть немало случаев отторжения массами демократических форм организации политической жизни, недоверия к демократическим институтам, к лидерам, отстаивающим либеральные принципы свободы личности. Для понимания механизмов устойчивости одних систем политической власти и причин быстрого разрушения других следует обратиться к понятию легитимности политической власти.

Легитимность власти (от лат. *legitimus* – законный) – это признание сложившегося порядка осуществления политической власти в обществе как естественного, нормального, правильного, законного.

Легитимность власти - соответствие власти законно установленным нормам, а также основополагающим целям государств и общепринятым принципам и ценностям.

Легитимность, в отличие от легальности, означающей приведение каких-либо поведенческих актов в соответствие с действующим законом, предполагает фактическое признание населением страны, международным сообществом реально сложившегося в стране политического порядка как соответствующего интересам народа данной страны.

Предпосылки легитимности власти

Совершенствование законодательства и государственного управления в соответствии с новыми требованиями	Создание такой политической системы, легитимность которой основана на традициях населения, и потому не только более стабильна, но и косвенно влияет на поведение граждан
Личные харизматические черты политического лидера	Успешное осуществление государственной политики, поддержание законности и правопорядка

Признаки легитимной политической власти:

резкое снижение удельного веса девиантного, т.е. отклоняющегося от принятых в социуме норм, политического поведения. Иными словами, люди подчиняются властям, выполняют их распоряжения, соблюдают законы, не выступают за насильственное свержение правительства, ведут политическую борьбу в соответствии с общепринятыми правилами;

доминирование в массовом сознании представлений о естественности, необходимости и целесообразности сложившегося политического порядка и как следствие – возрастание доли тех, кто подчиняется властям, действует в соответствии с политическими нормами, но не из боязни быть наказанным, а в силу сформировавшихся у них убеждений, что это разумно, правильно, либо потому, что они привыкли так поступать;

сокращение репрессивного аппарата, обеспечивающего внешнее принуждение.

Почему массы в одних случаях признают, поддерживают политический порядок, а в других – отвергают его, борются с ним? Ответ на этот вопрос коренится, по мнению немецкого социолога М. Вебера, в некоторых особенностях социального поведения человека. Люди могут воспроизводить в своих действиях политические отношения, институциональные нормы, потому что:

- а) привыкли к ним;
- б) искренне верят лидерам, устанавливающим эти нормы;
- в) уверены, что политический нормативный порядок соответствует их ценностным ориентациям;

г) убеждены, что политические институты, политическая система в целом создают общие для всех правила взаимодействия и, таким образом, способствуют достижению каждым человеком своих личных целей.

В зависимости от того, какой из перечисленных мотивов поддержки населением политического нормативного порядка преобладает в обществе, принято выделять следующие типы легитимности: традиционную, харизматическую, ценностную, рациональную.

Итак, устойчивость, стабильность всей системы политической власти зависит от того, как члены общества относятся к этой системе. Если население страны по какой-либо причине принимает сложившийся порядок осуществления политической

власти, рассматривает его как естественный, нормальный, то отношения власти обретают легитимный характер. А главным следствием легитимности является то, что политические властные отношения начинают воспроизводиться в силу внутренних мотивов, без видимого насилия и принуждения.

Люди, вступающие в политические властные взаимодействия, постоянно меняются. Приходят и уходят правители, граждане избирают новых президентов и депутатов парламента, появляются новые партии, назначаются новые государственные чиновники. Наблюдая со стороны за действиями политиков, простой человек подчас думает, что все участники политического процесса действуют импульсивно, подчиняясь своим интересам, а потому все в политической жизни хаотично. Однако политическая жизнь любого общества обладает и некоторыми устойчивыми чертами. Главным фактором такой устойчивости является институализированный характер отношений в политике.

Функционирование политической власти осуществляется на базе именно этих общепризнанных принципов. Они характеризуют политическую власть с разных сторон:

1) с точки зрения выделения внутри нее главного звена – государства (государство является центральным институтом политической власти и имеет право и обязанность говорить от имени народа и всего организуемого им сообщества);

2) определения правомерности использования тех или иных средств, включая принуждение при достижении политических целей.

Принципы суверенитета	Принципы легитимности
Верховенство государственной власти – это право государства устанавливать в обществе единый правопорядок и его верховенство над другими политическими институтами, политическими партиями, учреждениями и т.д.; Независимость государственной власти – это самостоятельность и равноправие в отношениях с другими государствами.	Способность власти создавать у населения веру в то, что существующие политические институты являются наилучшими; Формирование убеждения в правомерности власти принимать решения, которые граждане должны выполнять, через соответствие этих решений ценностям, разделяемым большинством общества.

Сегодня популярной является модель политической власти как формы обмена и конкуренции с позиции «теории сетей». Если объединить существующие направления в рамках обозначенной теории, то можно определить «сеть», как относительно устойчивый и упорядоченный механизм между институтами власти и их социальным окружением и выделить пять типов политических сетей (политические сообщества, профессиональные сети, межуправленческие сети, сети производителей, проблемные сети). Такой подход позволяет создать систематизированную картину политической власти.

Исследователи подразделяют политическую власть на государственную и корпоративную. Государственная власть обеспечивается соответствующими политическими институтами (парламентом, правительством, судебными органами и т.д.). Государство осуществляет публичную политическую власть. Корпоративная власть осуществляется или общественными, или партийными структурами, или независимыми средствами массовой информации.

Одним из проявлений политической власти является теневая власть, которая отличается отсутствием публичного характера действий субъекта власти по формированию и осуществлению его воли.

Открытость власти приобретает сегодня большое значение. Одним из критериев открытости и «прозрачности» власти и ее решений является именно легитимность.

Следует обратить внимание на то, что термин «легитимность» был введен в научный обиход М. Вебером, который выделил три основных типа легитимного господства. Немецкий ученый имел в виду не юридические, а социологические (поведенческие) характеристики власти. Это своеобразный символ веры, представление, которое присутствует в сознании граждан и означает убежденность людей в том, что власть имеет право принимать решения, обязательные для выполнения.

Традиционное господство. Этот тип господства обусловлен традициями, нравами, привычкой к определенному поведению и основан на вере не только в законность, но даже в священность издревле существующих порядков и властей. Освященные обычаем нормы (авторитет «вечно вчерашнего») вы-

ступают как основа отношений господства и подчинения. Традиционные нормы рассматриваются как нерушимые, и неподчинение им ведет к применению установленных обществом санкций. В традиционном обществе М. Вебер выделял различные виды: геронтократическое (власть старейшин), патриархальное (власть вождя племени), патримониальное (власть монарха) и султанизм как разновидность последнего.

Харизматическое господство. Харизма (от греч. *charisma* – божественный дар) – экстраординарная способность, свойство, качество индивида, выделяющее его среди остальных и, что самое главное, не столь приобретенное им, сколько дарованное ему природой, Богом, судьбой. Харизматический авторитет не связан нормами или правилами. Это объясняется особым характером веры в особые качества харизматической власти. Решающее значение для возникновения харизматического отношения имеет не столько само обладание харизмой, сколько признание ее со стороны последователей. Условный характер харизматических отношений, как правило, не осознается их участниками: лидер верит в свое призвание, а последователи верят в лидера.

Харизматическое господство возникает главным образом в условиях социально-политического кризиса. Он способствует появлению вождей, идущих навстречу духовным потребностям масс, которые приписывают вождям необыкновенные свойства. Вождь-харизматик всегда стремится подорвать основы существующего социального порядка и отличается политическим радикализмом. Вебер рассматривал харизму как «великую революционную силу», существовавшую в традиционном типе обществ и способную внести изменения в их лишенную динамики структуру. Лидер должен постоянно заботиться о сохранении своей харизмы и доказывать ее присутствие. Для поддержания харизмы необходимы регулярные «великие» деяния вождя, приносящие крупный успех, победу и т.д. Как только они иссякают, так сразу же исчезает вера в его необыкновенные качества, а следовательно, разрушается и основа харизматического господства. Со стабилизацией социальной системы оно трансформируется в традиционное или легальное господство, происходит «рутинизация харизмы».

Легальное господство. Легальное (рационально-бюрократическое) господство основывается на признании добровольно установленных юридических норм, направленных на регулирование отношений управления и подчинения. При такой власти подчиняются не личности, а установленным законам: им подчиняются не только управляемые, но и управляющие.

Легальное господство возникает в условиях формирования рыночной экономики и воплощается в правовом государстве. Основными чертами этого типа господства являются: установление норм права и подчинение им каждого человека; применение норм права в управлении; господство в обществе права, а не чиновников. Воплощать право в жизнь должны специально обученные, компетентные чиновники – бюрократия. Бюрократия, по Веберу, технически является самым чистым типом легального господства. Именно Вебер сформулировал основные требования к чиновникам, актуальные и по сей день:

- 1) лично свободны и подчиняются только деловому служебному долгу;
- 2) имеют устойчивую служебную иерархию;
- 3) имеют твердо определенную компетенцию;
- 4) работают в силу контракта (на основе свободного выбора);
- 5) работают в соответствии со специальной квалификацией;
- 6) вознаграждаются постоянными денежными окладами;
- 7) рассматривают свою службу как единственную или главную профессию;
- 8) предвидят свою карьеру;
- 9) работают в полном «отрыве» от средств управления и без присвоения служебных мест;
- 10) подлежат строгой, единой служебной дисциплине и контролю.

В условиях легального господства всегда существует опасность превращения бюрократии из служанки общества в замкнутую касту, стоящую над ним. Способы ограничения бюрократии: регулярная ротация (пропорциональная замена через определенный срок) квалифицированных кадров управленческого аппарата и контроль за ними со стороны политических институтов.

Описанные типы легитимности Вебер классифицировал с точки зрения мотива подчинения. На практике в чистом виде вышеперечисленные типы не существуют. Они перемешаны, взаимно дополняют друг друга, поэтому правомернее говорить о смешанном типе легитимности. Так, в Великобритании доминирует рационально-легальная легитимность, поскольку власть формируется на выборах, а мотивом подчинения власти выступают интерес и вера в справедливость демократических процедур, норм, законов. Но рационально-легальная легитимность в этой стране дополняется элементами традиционного господства (сохранение института монархии).

Существуют и другие типы легитимности, например, идеологическая легитимность. Ее значение заметно возросло в связи с активным включением в политику широких слоев общества вследствие расширения их избирательных прав, образования партий, а также с развитием средств массовой коммуникации (телевидения, радио, газет, журналов и т.д.). Идеологическая легитимность состоит в обосновании соответствия власти идеалам, представлениям, ценностям, менталитету народа.

В дореволюционной России легитимность власти была традиционной:

власть монарха опиралась на божественное право и священность принципа престолонаследия;

источником власти служила привычка населения повиноваться власти и издревле существующим порядкам;

абсолютизм в России опирался не только на традицию, но и на идеологию, то есть традиционная легитимность власти у нас непременно дополнялась идеологической;

власть, государство в российской культуре, в сознании граждан всегда отождествлялись с явлениями духовного порядка и олицетворяли идею общего блага, смыслообразующего начала. Идея, провозглашенная монархом, способствовала объединению вокруг ее носителя всего населения страны.

После Октябрьской революции (1917) была предпринята попытка создать новый, советский тип легитимности, отличный от традиционного и рационально-легального и сочетающий идеологическую легитимность с харизматической:

идеология марксизма-ленинизма обосновывала соответствие советской власти чаяниям и интересам пролетариата, а затем и всего народа, ее право на господство;

фактически этот тип легитимности сравнительно быстро исчерпал себя, поскольку со временем интересы и потребности населения все меньше интересовали власть, и ее легитимность постепенно переходила на уровень интересов правящей партийной элиты. В результате образовался разрыв между властью и обществом, который в течение длительного периода компенсировался чисто политическими и идеологическими средствами;

лидер Коммунистической партии (вождь) первоначально представлял собой харизматический тип личности. Его авторитет основывался на силе дара, который признавался почти божественным. Вождь олицетворял народ, поэтому критика его решений и действий исключалась;

по мере отдаления партийно-государственных лидеров от народа их харизма угасала, лишая легитимности и власть, которую они осуществляли.

В 90-е годы XX века на месте советского типа легитимности довольно быстро возникла очень своеобразная система властвования, легитимность которой вобрала в себя элементы:

традиционной легитимности (в сознании многих людей президент отождествляется с монархом);

харизматической (многие современные лидеры это бывшие коммунисты-вожди, сохранившие стиль политической деятельности);

рационально-легальной (власть формируется на свободных выборах).

Таким образом, в стране сформировалась смешанная, многоэлементная легитимность, которая одновременно опирается на традиции, верования, чувства, рациональность и т.д.

В политической теории существует понятие «кризис легитимности». Этот кризис возникает, когда власти в течение длительного времени не удастся стабилизировать обстановку или когда требования основных слоев общества не воспринимаются политической системой.

Ситуация экономической и социальной нестабильности снижает возможности власти, поскольку ее собственная соци-

альная база еще невелика и ей постоянно приходится согласовывать очень разные, а подчас диаметрально противоположные интересы. По этим причинам многоэлементная легитимность отражает несовпадение легальности власти (ее конституционности) и легитимности (поддержки большинством населения), порождает противоречивое отношение к ее решениям.

Важнейшим структурным элементом политической власти являются ее основания и ресурсы. Основания – это источники, на которые опирается властная воля субъекта.

Ресурсы – это потенциал власти и совокупность средств и методов, применение которых обеспечивает возможность субъекту власти осуществлять влияние на объект и достигать поставленных целей. Ресурсы, используемые для оказания воздействия на другого человека (группу), могут быть самыми разнообразными. Ресурсы подразделяют на три группы:

1) *принудительные*, когда подчинение осуществляется под страхом наказания или в результате прямого насилия. Надо сказать, что любое властное взаимодействие содержит в себе элемент принуждения, только в одних случаях наряду с принуждением

Президент РФ Д. А. Медведев

могут использоваться и другие ресурсы, а есть и такие случаи, когда субъект власти опирается в своих действиях исключительно на силу. Таким образом, например, устанавливается власть на захваченных территориях, так действуют грабители, так подавляют сопротивление инакомыслящих;

2) *утилитарные*, когда влияние обеспечивается в обмен на предоставление подчиняющемуся каких-либо материальных благ или других возможностей удовлетворения своих определенных потребностей, в том числе потребностей в причастности к группе, в уважении, любви. Иными словами, подчиняясь, человек что-то обретает: финансовую поддержку, право на защиту от третьих лиц, расположение и доброе отношение властителя и т.д.;

3) *нормативные*, обеспечивающие подчинение в силу сложившихся в обществе норм и правил, которые априори наделя-

ют кого-то властными полномочиями. Этот вид ресурсов называется иначе статусным, т.е. предоставляющим человеку власть в соответствии с его статусом. Так, сотрудники фирмы подчиняются своему руководителю, члены партии – партийному лидеру, граждане – правительству.

Неравенство в обладании ресурсами еще не влечет за собой неизбежность властных отношений. Необходимо, чтобы предполагаемый ресурс имел значимость для объекта власти. Например, обладая таким ресурсом, как деньги, можно добиться подчинения лишь в том случае, если они представляют ценность для объекта власти. Угрозе применения силы можно противопоставить бесстрашие, нежелание подчиняться даже перед лицом смерти. И даже статусные нормы – «не указ» для отдельных индивидов, и они могут проигнорировать указание начальника, государственного чиновника. Не случайно некоторые исследователи вводят в определение властного взаимодействия понятие «ценности». Так, Г. Лассуэлл и А. Каплан пишут: «А имеет власть над В в отношении ценностей К, если А участвует в принятии решений, влияющих на политику В, связанную с ценностями К». Иными словами, необходима мотивация властного взаимодействия, т.е. и объект, и субъект власти должны подталкиваться, побуждаться определенными внутренними причинами, мотивами к вступлению во властное взаимодействие. Конкретными мотивами подчинения могут быть: желание сохранить себе жизнь, намерение получить какие-то блага, стремление поддержать свою статусную позицию и т.д. Конкретными мотивами властвовать могут быть как намерения что-то сделать в интересах людей, так и личные амбиции, желание самоутвердиться и т.п.

Ресурсы власти, являясь производными от ее оснований, в то же время относительно самостоятельны. Они распределены неравномерно, что приводит к постоянной борьбе индивидов и групп за их перераспределение, и могут как укрепить, так и разрушить власть.

Существуют различные классификации оснований и ресурсов, в частности, по сферам жизнедеятельности.

КЛАССИФИКАЦИЯ ОСНОВАНИЙ И РЕСУРСОВ ВЛАСТИ ПО СФЕРАМ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ		
Сферы жизнедеятельности	Основания	Ресурсы
<i>Экономические</i>	Господствующая форма собственности, объем валового национального продукта и т.д.	Материальные ценности, деньги, плодородные земли, полезные ископаемые
<i>Социальные</i>	Социальные группы и слои, на которые опирается власть	Различные привилегии, которыми пользуется власть; кадровая политика
<i>Силовые</i>	Совокупность властных учреждений	Оружие, аппарат физического принуждения
<i>Юридические</i>	Совокупность законов, на которые опирается власть в практической деятельности	Конституция, законы, программные документы политических партий
<i>Культурно-информационные</i>	Система организаций	Средства массовой информации, знание и информация, распространяемые через учебные учреждения

Гарантией для проведения в жизнь компетентных решений и качества власти являются следующие условия:

1) достаточность оснований власти и эффективное использование ее ресурсов; способность мобилизации всех средств;

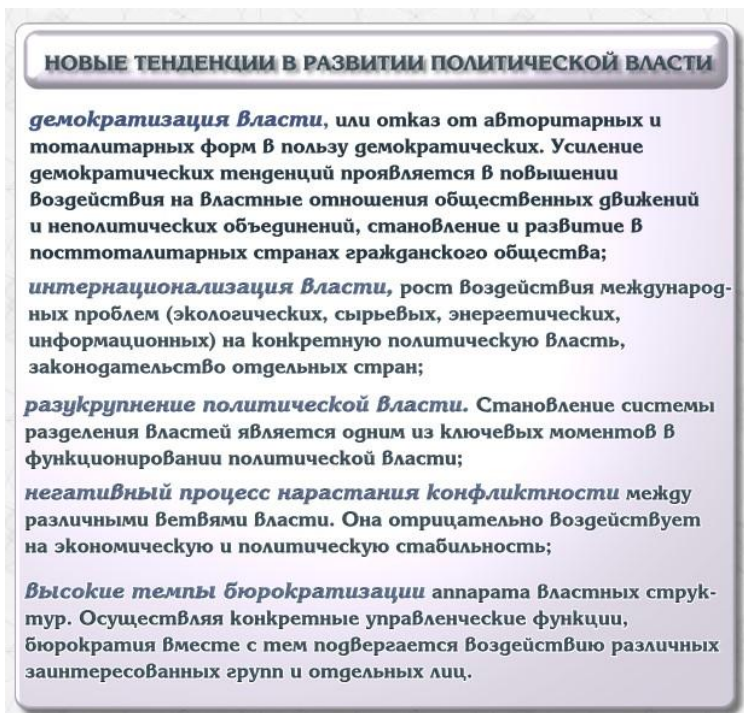
2) рациональность «вертикальной» и «горизонтальной» структуры власти;

3) последовательность политического разговора, которая выражается в том, что от принятого решения не отступают до тех пор, пока не реализованы цели;

4) организационно-техническое и кадровое обеспечение;

5) умение обеспечить поддержку групп общества, позиции и действия которых играют в реализации решения большую роль.

В последнее время в различных странах сформировались новые тенденции в развитии политической власти.

3.2. Современные концепции власти

Власть как категория политической науки определяется неоднозначно с точки зрения понимания ее сущности и природы.

Власть – одно из фундаментальных начал общества и политики. Она существует везде, где есть устойчивые объединения людей: в семье, производственных коллективах, различного рода организациях и учреждениях, во всем государстве – в этом случае мы имеем дело с верховной, политической властью.

В научной литературе существуют разнообразные определения власти, что отражает сложность, многоаспектность этого явления. Каждая из дефиниций обычно акцентирует внимание

на той или иной стороне или проявлении власти и связана с определенным подходом к ее анализу. Можно выделить целый ряд важнейших направлений в трактовке власти.

1. *Телеологические* (с точки зрения цели) определения характеризуют власть как устойчивую способность достижения поставленных целей, получения намеченных результатов с помощью других людей. «Власть может быть определена как реализация намеченных целей», – пишет Б. Рассел. Телеологические определения порою трактуют власть достаточно широко, распространяя ее не только на отношения между людьми, но и на взаимодействие человека с окружающим миром – в этом смысле говорят, например, о власти над природой.

2. *Бихевиористские* трактовки власти рассматривают ее как особый тип поведения, при котором одни люди командуют, а другие подчиняются. Бихевиористский подход индивидуализирует понимание власти, сводит ее к взаимодействию реальных личностей, обращая особое внимание на субъективную мотивацию власти. Одну из типичных бихевиористских трактовок власти предлагает Г. Лассуэлл. Он считает, что первоначальные импульсы для возникновения власти дает присущее индивидам стремление (воля) к власти и обладание «политической энергией». Человек видит во власти средство улучшения жизни: приобретения богатства, престижа, свободы, безопасности и т.п.

В то же время власть – это и самоцель, позволяющая наслаждаться ее обладанием. Политическая власть складывается из столкновения многообразных волей к власти как баланс, равновесие политических сил.

3. *Психологические* интерпретации власти, исходя из ее бихевиористского понимания как поведения реальных индивидов, пытаются раскрыть субъективную мотивацию этого поведения, истоки власти, коренящиеся в сознании и подсознании людей. Одно из виднейших направлений этого рода – психоанализ. Он трактует стремление к власти как проявление, сублимацию подавленного либидо, представляющего собой подверженное трансформации влечение преимущественно сексуального характера (З. Фрейд) или же психическую энергию вообще (К. Г. Юнг). Стремление к власти и особенно обладание ею выполняет функцию субъективной компенсации физической или духовной неполноценности. Власть возникает как взаимодейст-

вие воли к ней – одних и готовности к подчинению, «добровольному рабству» – других. Как считал Фрейд, в психике человека имеются структуры, делающие его предрасположенным к предпочтению рабства свободе ради личной защищенности и успокоения. Различные психоаналитики расходятся в объяснении причин психологического подчинения. Одни (С. Московей, Б. Эдельман) видят их в своего рода гипнотическом внушении, существующем во взаимоотношениях вождя и толпы, другие же (Ж. Лакан) – в особой восприимчивости подсознания человека к символам, выражаемым в языке. В целом же психологический подход помогает выявить механизмы мотивации власти как отношения командования – подчинения.

Противоположностью бихевиористского и психологического видений власти является ее системная трактовка. Если первые два направления требуют идти в понимании власти снизу вверх, от индивидов к обществу, руководствуясь реально наблюдаемыми в эмпирическом опыте ее проявлениями, то системный метод исходит из производности власти не от индивидуальных отношений, а от социальной системы, рассматривает ее как «способность системы обеспечивать исполнение ее элементами принятых обязательств», направленных на реализацию ее коллективных целей. Некоторые представители системного подхода (К. Дойч, Н. Луман) трактуют власть как средство социального общения (коммуникации), позволяющее регулировать групповые конфликты и обеспечивать интеграцию общества. Системность власти обуславливает ее относительность, т.е. распространенность на определенные системы.

Структурно-функционалистские интерпретации власти рассматривают ее как свойство социальной организации, как способ самоорганизации человеческой общности, основанный на целесообразности разделения функций управления и исполнения. Без власти невозможно коллективное существование человека, совместная жизнедеятельность людей. Само общество устроено иерархично, дифференцирует управленческие и исполнительские социальные роли. Власть – это свойство социальных статусов, ролей, дающее возможность контролировать ресурсы, средства влияния. Иными словами, власть связана с занятием руководящих должностей, позволяющих воздействовать

на людей с помощью позитивных и негативных санкций, поощрения и наказания.

Реляционистские (от фр. *relation* – отношение) определения власти рассматривают ее как отношение между двумя партнерами, агентами, при котором один из них оказывает определяющее влияние на второго. В этом случае власть предстает как взаимодействие ее субъекта и объекта, при котором субъект с помощью определенных средств контролирует объект. Такое понимание власти позволяет раскрыть ее структуру, увязать в единое целое ее различные характеристики. Основные компоненты власти – ее субъект, объект, средства (ресурсы) и процесс, являющийся результатом взаимодействия всех компонентов и характеризующийся прежде всего механизмом, обеспечивающим стабильность всего процесса властвования, а также способами взаимодействия между ее партнерами.

Существуют и другие трактовки власти; все существующие подходы к определению сущности власти не исключают друг друга, а подчеркивают многозначность этого политического феномена.

В современной политологии определяют три ключевых аспекта власти:

1) директивный (власть понимается как господство, обеспечивающее выполнение приказа-директивы);

2) функциональный (власть понимается как способность и умение реализовать функцию общественного управления);

3) коммуникативный (власть реализуется через общение, это вид социального взаимодействия).

Все эти аспекты власти совершенно реальны, но директивный аспект, как правило, считается основополагающим, что влияет на распространенные в политической науке трактовки сущности и природы власти.

ПОВЕДЕНЧЕСКИЙ ПОДХОД	СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД
Природа власти объясняется биологическими и психическими особенностями человека	Природа власти объясняется через определенную систему социального взаимодействия

Концепции и ведущий представитель	Содержание
Теологическая (ученые-богословы) Фома Аквинский	Власть это божественное установление, потребность в ней обусловлена «естественной греховностью» человека
Биологическая О. Нилан	Власть это способ господства бессознательного над человеческим сознанием
Бихевиоризм (Ч. Мерриам, Г. Лассуэл) Г. Лассуэл Ч. Мерриам	В основе поступков человека лежит стремление к власти, это доминирующий мотив политической активности
Психоаналитическая (З. Фрейд, К. Хорни и др.) З. Фрейд К. Хорни	Власть это способ господства бессознательного над человеческим сознанием
Структурно-функциональная (Т. Парсонс) Т. Парсонс	Власть это господство и подчинение, возможность или способность политического субъекта осуществлять (навязывать) свою волю
Социальная конфликтология (потенциально-волевая) (К. Маркс и др.) К. Маркс	Власть это отношение неравноправных субъектов, чье поведение обусловлено выполняемыми ролями (например, роль управляющих или управляемых)
Дуалистическая (М. Дюверже) М. Дюверже	Власть двойственна: 1) является инструментом господства; 2) средство интеграции

Контрольные вопросы и задания

1. Укажите, какие понятия и определения соответствуют друг другу.

а) кратология;	1) совокупность методов достижения политических целей и осуществления власти;
б) легальность;	2) наука о власти;
в) меритократия;	3) юридическое обоснование законности политической власти;
г) геронтократия;	4) принцип управления, при котором власть принадлежит старейшим;
д) власть;	5) способность, право или возможность одних людей оказывать решающее воздействие на других;
е) политический режим	6) форма правления, опирающаяся на принцип индивидуальных заслуг членов правящей элиты

2. Что понимается под «легитимностью власти» в политологии?

- а) передача власти от одного субъекта другому;
- б) навязывание взглядов, политических установок одним субъектом другому;
- в) проявление готовности граждан подчиняться воле руководителей, признание значительности их власти;
- г) характер политического лидерства.

3. Как называется наука о власти?

- а) партологией;
- б) кратологией;
- в) политологией;
- г) идеократией.

4. Что понимается под категорией «основание власти»?

- а) иррационалистическое понимание власти;
- б) характеристика власти вообще;
- в) потенциальные возможности власти, т.е. средства, которые могут быть ею использованы;
- г) средства, которые уже используются для воздействия на объекты власти с целью достижения поставленных целей.

5. Что понимается под политической властью в правовом государстве?

- а) умение навязать свою волю другим;
- б) использование элитой своих преимуществ;
- в) управление слабыми со стороны сильных;
- г) делегирование обществом государству политических полномочий.

Тема 4

Политическая система общества

4.1. Понятие и функции политической системы общества.

4.2. Структура и типы политических систем общества.

4.1. Понятие и функции политической системы общества

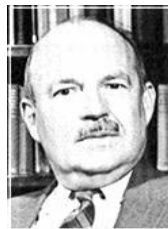
Термин «*политическая система*» был введен в политологию в 50–60-х гг. XX века. Его использование отражало нарастающее понимание системного характера политики. Введение системного подхода в политологию было связано с поиском универсальных закономерностей и механизмов, которые обеспечивали бы обществу устойчивость и выживаемость в условиях неблагоприятной внешней среды.

Понятие «системы» на рассмотрение общества перенес **Т. Парсонс**, представивший общество как взаимодействие *четырех подсистем*, которые находятся в отношениях взаимозависимости и взаимообмена: экономической, политической, социальной и духовной.

Экономическая подсистема «отвечает» за реализацию потребностей людей в товарах потребления;

политическая подсистема охватывает сферу определения коллективных целей, мобилизации ресурсов на их достижение, принятия политических решений;

социальная подсистема обеспечивает поддержание устоявшегося образа жизни, пере-

Т. Парсонс

Мир состоит из народов с тысячелетней историей; границы государств меняются, а народы остаются.

Эмрик Шопрад

дает новым членам общества нормы, правила и ценности, которые становятся важными факторами мотивации их поведения; *духовная подсистема* осу-

ществляет интеграцию общества, установление и сохранение связей солидарности между ее элементами.

Основателем системного подхода в политической науке принято считать американского политолога Д. Истона, который определял политику как «волевое распределение ценностей». В этом контексте политическая система представляет собой механизм формирования и функционирования власти в обществе по поводу распределения ресурсов и ценностей.

Системный подход позволил показать политику:

с одной стороны, как относительно самостоятельную сферу, основное назначение которой – распределение ресурсов и побуждение к принятию этого распределения в качестве обязательного для большинства общества;

с другой стороны, часть более широкой целостности – общества. Поэтому она должна реагировать на импульсы, поступающие в систему, предотвращать конфликты, возникающие по поводу распределения ценностей между индивидами, группами.

Иной подход к анализу политических взаимодействий предложил американский политолог Г. Алмонд. Он полагал, что:

способность политической системы осуществлять преобразования в обществе и одновременно поддерживать стабильность зависит от специализации ролей и функций политических институтов, выступающих как совокупность взаимозависимых элементов;

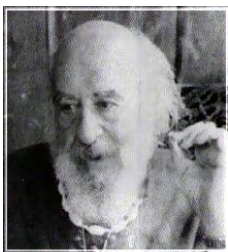
каждый элемент целостности (государство, партии, группы давления, элиты, право и т.д.) выполняет жизненно важную для всей системы функцию.

Следовательно, система может рассматриваться не только в терминах «сохранение», «изменение» и «адаптация», но и «взаимодействие» структур, осуществляющих определенные функции. Все вместе они обеспечивают удовлетворение основных потребностей системы.

Исходя из этого, Г. Алмонд и Д. Пауэлл определили политическую систему как совокупность ролей и их взаимодействий между собой, осуществляемых не только правительственными институтами, но и всеми структурами общества по политическим вопросам. Политическая система должна эффективно осуществлять три группы функций:

- а) взаимодействия с внешней средой;
- б) взаимосвязи внутри политической сферы;
- в) сохранения и адаптации системы.

Переход развитых стран к информационным технологиям, приведший к массовому внедрению компьютерной техники в различные сферы жизнедеятельности общества, способствовал использованию в анализе социальных систем механистических моделей.

К. Дойч

Первым уподобил политическую систему кибернетической машине американский политолог К. Дойч. Он рассматривал политическую систему в контексте «коммуникационного подхода», предполагающего следующее:

политика – это процесс управления и координации усилий людей по достижению поставленных целей;

формулировка целей и их коррекция осуществляется политической системой на основе информации:

- 1) о положении общества и его отношении к данным целям;
- 2) о расстоянии, которое осталось до цели;
- 3) о результатах предыдущих действий;

функционирование политической системы зависит от качества постоянного потока информации, поступающей из внешней среды, и информации о ее собственном движении;

на основе двух потоков информации принимаются политические решения, предполагающие последующие действия на пути к искомой цели.

Поэтому управление К. Дойч уподоблял процессу пилотирования («вождения»): определение курса (например, корабля) на основе информации о его движении в прошлом и местонахождении в настоящее время по отношению к намеченной цели.

Понятие политической системы является одним из основных в политологии. Его использование позволяет выделить политическую жизнь из остальной части жизни общества, которую можно считать «окружающей средой», и установить наличие связей между ними. Через политическую систему проходит нерв социально-экономической и духовной жизни общества, именно здесь происходит столкновение и согласование интересов различных общественных сил, принимаются решения, имеющие властный характер. Политическая система обеспечивает непрерывность, связанность и иерархическую координацию деятельности различных политических субъектов для осуществления поставленных целей. Она определяет механизмы разрешения социальных конфликтов и противоречий, гармонизирует общественные отношения, способствует достижению консенсуса различных общественных сил по поводу основных ценностей, целей и направлений общественного развития. Именно поэтому изучение политической системы общества чрезвычайно важно для правильного понимания его политической жизни.

Политическая система общества – это целостная совокупность политических институтов, социально-политических общностей, форм, норм и принципов взаимодействий и взаимоотношений между ними, в которых реализуется политическая власть. Свое обоснование и распространение понятие «политическая система» получило в середине XX века, что порождено логикой развития политической науки, приведшей к необходимости описания политической жизни с системных позиций.

Основы теории политических систем были заложены американским политологом Д. Истоном. Им был разработан взгляд на политическую систему как на саморегулирующийся и развивающийся организм, реагирующий на поступающие извне импульсы.

Согласно его точке зрения, у системы есть *вход*, на который извне поступают импульсы в форме требований. Требования могут возникать как в окружающей среде, так и внутри самой системы. Они отражают ожидания, мотивы поведения и интересы людей. Истон разделял требования на:

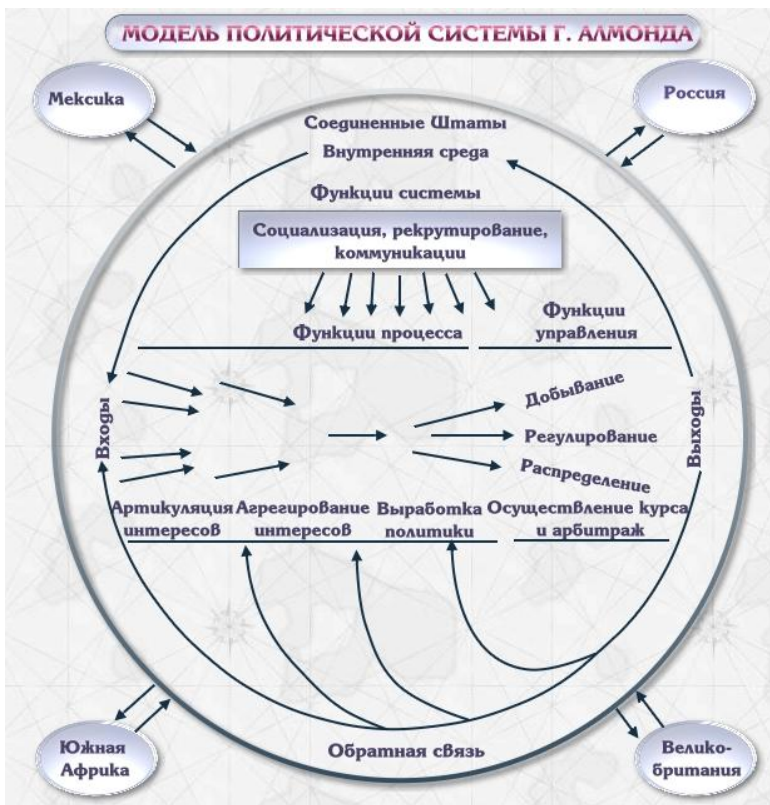
распределительные (о зарплате и рабочем времени, об условиях получения образования, об услугах);

регулирующие (об обеспечении общественной безопасности, контроле над рынком и т.п.);

коммуникативные (о предоставлении политической информации, о демонстрации политической силы и др.).

Требования могут возникать и внутри политической системы. Их поддержка со стороны общества может выражаться в различных действиях: в выплате налогов, военной службе, соблюдении законов, участии в голосовании. Требования и поддержка становятся частью политической системы и должны учитываться ею в соответствующих структурах при соблюдении определенных процедур. Например, требование индексировать заработную плату учителей учитывается в ходе коллективных переговоров. *Выход информации* – результат функционирования политической системы – осуществляется в виде решений и политических действий. Они воздействуют на окружающую среду. Поддержка, оказываемая системе, усиливается, если данные решения и действия соответствуют ожиданиям и требованиям многочисленных слоев и групп населения (в этом случае в системе усилятся стабилизирующие процессы). В случае несоответствия ожиданиям политические решения могут иметь негативные последствия, породить новые требования, что может привести к кризису политической системы (в этом случае в обществе множатся дестабилизирующие процессы).

Истон подчеркивал, что политическая система является открытой, она подвержена многочисленным воздействиям, идущим из окружающей среды. Если такое воздействие слабое, то политическая система не имеет достаточной информации для принятия стабилизирующих общество решений. В случае если воздействие является сильным, но односторонним, система может принимать решение в интересах какого-либо одного слоя населения, это может дестабилизировать ситуацию. Однако воздействие может быть настолько сильным, что происходит перенасыщение информацией, а это может привести к ошибочным решениям.

Другой основатель теории политической системы – американский политолог Г. Алмонд – рассматривал политическую систему как множество взаимодействий, поведения (как государственных, так и негосударственных).

Модель Алмонда больше учитывает психологические, личностные аспекты политических взаимодействий, импульсы, поступающие не только извне (от населения), но и от правящей элиты. В этой модели основное внимание уделено множественности различных интересов внутри системы, их столкновению и объединению, учету этих интересов системой.

Существуют и другие варианты теории политической системы. Выделяется, например, теория политической системы Д. Трумэна, исходящая из постулатов теории «групп давления», теория Г. Пауэлла и М. Каплана, представляющая собой попыт-

ку перенесения основных положений концепции Д. Истона из сферы внутривнутриполитической жизни конкретной страны в сферу внешних отношений. Существует теория функциональной политической системы, построенная на основных постулатах социальной системы Т. Парсонса, теория политической системы как специфической, активной структуры и др.

Политическая система существует в политическом пространстве общества, которое имеет территориальное измерение (очерченное границами страны) и функциональное, определяемое сферой действия политической системы и ее составных частей на разных уровнях политической организации общества.

В связи с этим различаются пространства влияния тех или иных ассоциаций, действия политических институтов, границы политического и экономического управления, сферы политической жизни общества и личной жизни человека и т.д. Определение границ различного рода функциональных пространств политической системы – ответственный и сложный политико-правовой и культурный процесс. Он формализуется, юридически фиксируется (в конституции, законе). Эта фиксация составляет одну из задач демократического процесса, определяющего prerogatives власти, партий, органов управления и других элементов политической системы, а также отношения между ними, включая такие существенные взаимодействия, как согласование управления и самоуправления, пространства централизованной концентрированной власти и децентрализованной и т.д.

Крайние состояния (полюсы) политических систем – «сильной» и «слабой»

<i>Критерии</i>	<i>Сильная</i>	<i>Слабая</i>
Формы правления	Президентская	Парламентская
Количество сдержек и противовесов	Мало: диктатура	Много: совершенная консенсусная демократия
Избирательная система	Мажоритарная	Пропорционального представительства
Партийная дисциплина	Сильная	Слабая
Количество палат парламента	Одна	Две
Федерализм	Централизация	Децентрализация
Независимость судебной власти	Слабая	Сильная

При всем отличии вариантов теории политической системы все они, в общем и целом, осуществляют одну и ту же фундаментальную (методологическую) и прикладную роль.

В чем заключается методологическая важность концепции политической системы (и соответственно ее социальная значимость)? Следует иметь в виду, что пока политологи и социологи не выработали какого-либо однозначного ответа. В зависимости от развиваемых взглядов, одни из них усматривают методологическую значимость теории политической системы в том, что она является идеальной моделью для широкого применения и раскрытия всех потенциальных возможностей функционализма. Другие видят ее методологическую ценность в том, что она выступает в качестве своеобразной опоры и средства дальнейшего укрепления концепции «групп давления» и доктрины политического плюрализма. Третьи указывают на то, что, будучи универсальной, глобальной концепцией, она в ряде случаев служит основой для выработки и развития других концепций и всякого рода теоретических моделей. Авторы обращают внимание на то, что методологический аспект теории политической системы проявляется, кроме всего прочего, в том, что данная теория помогает глубже изучить различные стороны политической жизни того или иного общества и предвидеть перспективы развития той или иной страны.

Помимо методологического аспекта теории политической системы особое место в ее содержании и социальном назначении занимает сугубо практический аспект. Суть его сводится к тому, что при создании и развитии реальной, конкретной политической системы теория дает возможность применения научных знаний при выборе средств решения назревших в области политики практических проблем. Стремясь подчеркнуть не только академический, но и сугубо практический характер теории политической системы, политологи именуют ее иногда «проблеморазрешающей концепцией» и рассматривают как составную часть процесса взаимодействия политической теории и практики.

Какие практические задачи призвана решать теория политической системы?

1. Она призвана способствовать выработке рекомендаций по совершенствованию структуры политической системы, а также по выработке мер, направленных на повышение ее способно-

сти адаптироваться к окружающей среде и усиление социальной эффективности. Если профессиональные политики не смогут заранее предусмотреть все те изменения в структуре политической системы, которые могут произойти под влиянием социально-политических факторов, и не смогут своевременно выработать соответствующие меры для ее защиты, то такую политическую систему могут постигнуть серьезные социальные потрясения.

2. Теория политической системы призвана способствовать дальнейшему расширению и укреплению экономических, политических и социальных основ реально существующей, но постепенно теряющей свою опору в массах политической системы. Кроме того, с теорией политической системы связываются надежды многих политологов и социологов на сохранение в будущем социального равновесия между определенной политической системой и непосредственно окружающей социальной средой.

Политическая система общества имеет свои **функции**, среди которых исследователями выделяются:

- 1) определение целей, задач и путей развития общества;
- 2) организация деятельности общества по выполнению принятых целей и программ;
- 3) политическая социализация (приобщение членов общества к политической деятельности);
- 4) формирование политического сознания, приобщение членов общества к политическому участию и деятельности;
- 5) обеспечение внутренней и внешней безопасности и стабильности политического строя;
- 6) контроль за выполнением законов и правил; пресечение действий, нарушающих политические нормы;
- 7) разработка правил и законов поведения людей и групп в обществе;
- 8) согласование разнообразных интересов государства и социальных общностей;
- 9) распределение материальных и духовных ценностей.

Одна из общепризнанных **классификаций функций** политической системы была представлена Г. Алмондом и Дж. Пауэллом. Они выделили по значимости те функции, каждая из которых удовлетворяет определенную потребность системы, а все вместе они обеспечивают «сохранение системы через ее изменение»:

функция политической социализации – направлена на сохранение или поддержание существующей политической системы. Представляет собой процесс приобретения политических знаний, верований, чувств, ценностей, присущих тому обществу, в котором живет человек. Приобщение индивида к политическим ценностям, следование принятым в обществе стандартам политического поведения, лояльное отношение к институтам власти обеспечивает поддержание существующей модели политической системы. Стабильность политической системы достигается в том случае, если ее функционирование основывается на принципах, соответствующих политической культуре общества;

функция адаптации к окружающей среде, ее возможностям – обеспечивает жизнеспособность системы. Может осуществляться с помощью политического рекрутирования – подготовки и отбора субъектов власти (лидеров, элит), способных находить наиболее эффективные пути решения актуальных проблем и предлагать их обществу;

функция реагирования – благодаря ей политическая система отвечает на импульсы, сигналы, идущие извне или изнутри ее. Высокоразвитая реагирующая способность позволяет системе быстро адаптироваться к меняющимся условиям функционирования. Особенно это важно тогда, когда появляются новые требования групп, партий, игнорирование которых может привести к дезинтеграции и распаду общества;

экстракционная функция – мобилизация политической системой ресурсов из внутренней или внешней экономической, природной и т.д. среды для эффективного реагирования на возникающие требования;

дистрибутивная (распределительная) функция – распределение политической системой ресурсов (благ, услуг, статусов и т.д.) таким образом, чтобы обеспечить интеграцию и согласие интересов различных групп внутри общества;

регулирующая функция – влияние политической системы на общество посредством управления, координации поведения индивидов и групп. Реализуется путем введения норм и правил, на основе которых взаимодействуют индивиды, группы, а также за счет применения административных и иных мер в отношении нарушителей правил.

Эффективность функционирования политической системы зависит от полноты реализации ее функций, которые, в свою очередь, способны развиваться, воспроизводиться, расширяться или терять свое значение. Если такие изменения не происходят, то политическая деятельность формализуется, догматизируется, что в конечном итоге приводит к застойным явлениям в самой политической системе. В условиях кризиса или войны функции политической системы, как правило, реализуются не полностью.

В современных демократических странах политические системы стремятся к сохранению равновесия в обществе. В этих целях осуществляют, по мере необходимости, перемещение элементов в системе по их приоритетности, приспособлявая друг к другу. Устанавливаются также прямые и обратные связи политической системы с ее социальным окружением, что позволяет ей самосовершенствоваться и не допускать социальных взрывов. Политическая система может долгое время эволюционизировать (США, Англия), но может изменяться быстро, революционно, всесторонне (бывший СССР, страны Восточной Европы). Это зависит от степени социально-политической активности членов общества, их политической культуры.

Сущность политической системы заключается в регламентации поведения людей. Эта регламентация реализуется посредством политической власти. Поэтому достаточно убедительной является позиция, согласно которой «центральный элемент, стержнем политической системы является политическая власть, подобно тому как в экономической системе таким элементом является собственность».

Со времени возникновения классов развитие общества приобрело политический характер, а управление стало осуществляться с помощью соответствующей политической системы. В современных политических системах в регламентации поведения людей наблюдается тенденция перехода от отношений господства и подчинения к отношениям социального партнерства.

Функционирование политической системы испытывает влияние не только социо-экономических, социо-культурных, но и географических, территориальных факторов. Характер границ и масштабы территории, запасы природных ресурсов, количество земли, пригодной для агроиспользования, климат и масса населения – все эти факторы влияют на деятельность политиче-

ской системы. Взять, к примеру, проблему границ. Островное положение США само по себе снимает в этой стране проблему границ. В России проблемы границ до недавнего времени не было только на Севере. Для нее проблема границ практически существовала постоянно, и нередко эту проблему приходилось решать в военных столкновениях.

Россия богата природными ресурсами, поэтому для нее приемлема политика, относительно свободная от международной рыночной конъюнктуры. Однако этот фактор является и весьма опасным, так как привлекает внимание сообществ, бедных природными богатствами, рождает стремление различными путями завладеть этими богатствами, что обостренно ставит перед политической системой задачу национальной безопасности.

Оптимальность политической системы может измеряться и временными критериями. Одно дело – эффективность прихода к власти и ее удержания, другое – оценка эффективности по решению долговременных

задач. В первом случае решающую роль играет согласие между властью и гражданами страны. Кто находит ключ к согласию, тот и добивается политического успеха.

Так, лозунги передачи земли крестьянам, власти Советам, мира народам сыграли решающую роль в удержании власти большевиками, в поддержке в гражданской войне широких масс трудящихся. Система советской власти позволяла решать многие созидательные задачи именно благодаря поддержке народа.

Разнообразие подходов к оценке оптимальности политической системы имеет принципиальное значение. Оправданной является постановка вопроса об эффективности воплощения в жизнь той или иной функции политической системы, но необоснованно сопоставлять оптимальность систем в разных обществах. С большими оговорками можно сопоставлять, например, системы, основанные на тоталитарных или демократических принципах. И при тоталитарном режиме круг целей, средств их достижения очень широк. Так в СССР политика индустриализации обошлась стране дорого, решения в этом вопросе могут

оцениваться как нерентабельные. Однако страна за очень короткий срок стала индустриальной державой, постоянно наращивала темпы решения главной проблемы – повышения благосостояния народа, сумела внести решающий вклад в разгром фашизма.

В наше время число критериев оптимальности политической системы продолжает увеличиваться. Еще нет единой универсальной формы, но есть принципы, ценности, с учетом которых возможно приближение к оптимальности.

В 1999 г. Институт Гэллага организовал и провел опрос тысячелетия, которым было охвачено 57 тыс. взрослых респондентов в 60 странах мира. Повсюду люди поставили выше всего хорошее здоровье и счастливую семейную жизнь. Ответы респондентов выявили глубокую неудовлетворенность тем, как соблюдаются права человека. 2/3 респондентов заявили, что их правительства предпринимают слишком мало усилий для решения экологических проблем в их стране. 2/3 респондентов высказали мнение о том, что их страны не управляются волей народа.

В достижении оптимальности функционирования политической системы важнейшее значение имеет рациональная организация власти, поиск равновесия сил. Для стран Востока в свое время этой проблемы не было: власть идентифицировалась с отцом, сыном неба, ставленником богов. Монарх воплощал не только светскую власть, но и духовную, религиозную, был облачен качествами харизмы. Халиф в мусульманской системе – глава государства и духовный глава (Иран). На Западе политическая власть осуществлялась в трех ипостасях: власти одного (монарх, президент, пророк), власти элиты (аристократия, государственный совет, парламент), власти демократии (вече, сход, самоуправление). Здесь исходным было то, что власть не рассматривалась как принадлежащая кому-то исключительно.

На Руси преобладало монархо-аристократическое начало. В 1211 г. (за 54 года до Великой Хартии в Англии) владимирский князь Всеволод III созвал первый Земский собор, а при Иване III сформировался умеренный авторитаризм. После деспотии Ивана IV монархия функционирует с опорой на Земский собор, что проявилось как аристократическое начало. Все цари от Бориса до Петра I избираются на соборе. С времен Александра I до Николая II действует Государственный Совет, члены которого назначались пожизненно и тем самым олицетворяли ста-

бильное элитарное начало. С учреждением Государственной Думы (1906) монархо-аристократическая форма дополняется демократическим началом.

Современные политические системы вобрала в себя монархическое, элитарное, демократическое начала. Каждая форма выражает определенный опыт, устой жизни общества, и каждая из них может быть объектом критического анализа, ибо любая форма правления несовершенна по-своему. В связи с этим для решения проблемы рационального выбора форм правления в современных условиях актуализировалась выдвинутая Полибием (II в. до н.э.) теория смешанной формы правления. В идее Полибия о смешанной форме проявилось видение как положительно-го, так и отрицательного, ориентация на поиск меры в использовании каждого начала. Все зависит от уровня социально-экономического развития общества, его традиций, образа жизни, развития политической культуры, социальной активности.

С XVIII в. обосновываются два подхода для достижения стабильности и равновесия в политической системе – установление народовластия и разделение власти. Принцип народовластия, идущий от Ж. Ж. Руссо, понимаемый как суверенитет, верховенство народа над властью, в современных условиях подвергается невосприятию, жесткой критике.

Главным условием достижения равновесия в политической системе считается принцип разделения властей, предложенный в свое время Дж. Локком, Ш. Монтескье. Ценность теории разделения властей в том, что устанавливаются мощные конституционные гарантии против полновластия одного из органов власти. Действует правило несовместимости депутатского мандата с занятием руководящей должности в правительстве. В управлении достигается возможность учета требований, волеизъявления народа, элиты, лидеров.

Теория разделения властей встретила сильную критику с времен ее появления. К ней отрицательно относились Руссо, Радищев, Гегель, Энгельс. Руссо и Радищев видели в ней искусственность, лишь стремление к компромиссу, а не к эффективному управлению; слияние властей у Руссо выступает как высшая форма демократии.

Гегель усматривал в этой теории момент, вызывающий враждебность органов власти по отношению друг к другу, пре-

пятствие к единству власти, ее мощи. Энгельс рассматривал разделение властей только как прозаическое деловое разделение труда, примененное к государственному механизму. Маркс, Ленин считали, что есть не разделение властей, а разделение функций управленческого труда, ведущее к отчуждению различных органов власти, их враждебности, снижению эффективности управления. Они считали, что наиболее оптимальной формой организации власти является единая работающая корпорация, формирующаяся народом, одновременно принимающая законы в интересах большинства населения и исполняющая их. По их мнению, нет разделения властей, есть противоборство властей. Первичный опыт разделения властей в России в 1990-х гг. показал правомерность этих оценок. По-видимому, только в условиях социальной стабильности, устойчивой национальной идентичности разделение властей не несет с собой большого риска раскола элиты, а с ним – и раскола общества.

Разделение властей не является универсальным политическим принципом. В обществе с большими социальными различиями, развитой политической дифференциацией разделение властей неизбежно носит весьма относительный характер. Классической страной разделения властей являются только США. В европейских странах разделение властей не носит строго последовательного характера. Но и в США границы разделения деятельности органов власти являются хрупкими. Периодически дают о себе знать тенденции подмены конгресса президентом, вторжение Верховного суда в решение политических вопросов. Однако разделение властей сохраняется как гарантия против сосредоточения власти в одних руках, если возникают острые разногласия.

Политическая система, соответствующая критериям оптимальности, достигающая в своей структуре равновесия политических сил и стабильности, способна гарантировать политический порядок, под которым понимается комплекс условий, обеспечивающих эффективность функционирования и развития политической системы.

Политический порядок предполагает:

согласованность действий элементов политической системы по последовательной реализации поставленных целей и задач;

наличие эффективных гарантий и средств поддержания всех аспектов безопасности: экономических, военных, правовых, экологических, технологических;

обеспечение высокой степени независимости общества от случайных обстоятельств. Ясно, что полной независимости от них не может быть достигнуто, но за счет предвидения, предупреждения и защиты масштабы социальных потерь могут быть существенно снижены.

Практическая упорядоченность в обществе служит реализации двух противоречивых, но взаимосвязанных целей: обновлению, необходимому в связи с изменяющимися условиями, – стабилизации как фактору сохранения социальной целостности. Эффективно действующая политическая власть должна обеспечивать как обновление, так и стабильность структур общества. Отсутствие такого сочетания ведет к многочисленным деструкциям в политических отношениях.

Максимальная степень неупорядоченности – состояние хаоса или социальной катастрофы. Чертами неупорядоченности являются:

экономический кризис, выражающийся в спаде производства, расстройстве финансовой системы, развале хозяйственных связей, резком падении жизненного уровня населения;

паралич властных структур, когда действия различных ветвей власти противоречат друг другу, решения органов власти не выполняются, господствующей формой поведения людей становится политический нигилизм;

потеря безопасности, характеризующаяся ростом преступности, аварий, массовыми беспорядками;

заметное разрушение инфраструктуры: жилья, транспорта, энергии, связи, учреждений образования, медицины, науки, культуры.

В условиях неупорядоченности наиболее приемлемым средством противодействия негативным тенденциям начинает рассматриваться насилие, которое свидетельствует о потере политической системой своих регулирующих возможностей.

4.2. Структура и типы политических систем общества

Несмотря на свою несхожесть, политические системы общества имеют более или менее однородную структуру (различия заключаются в содержании ее составляющих элементов). Эта структура включает в себя:

1) *политические отношения*, складывающиеся в обществе по поводу завоевания и осуществления политической власти. Это прежде всего межклассовые, внутриклассовые, межнациональные, межгосударственные отношения. Во-вторых, это так называемые вертикальные отношения, складывающиеся в процессе осуществления политической власти между политическими организациями (государством, партиями, трудовыми коллективами, общественными организациями). В-третьих, это отношения, которые складываются между политическими организациями и учреждениями (администрация края, области, предприятие, институт, учреждение культуры, партия, трудовой коллектив и т.д.);

2) *политическую организацию общества*, охватывающую стабильные политические организации и учреждения данного общества, непосредственно осуществляющие политическую власть (государство, партии, трудовые коллективы, общественные организации и движения, преследующие политические цели, в том числе организации и учреждения угнетаемого класса). Все более активным и самостоятельным элементом политической организации становятся средства массовой информации.

Ведущим элементом, ядром политической организации общества является государство со всеми его составляющими частями: законодательной, исполнительной и судебной властью, вооруженными силами, органами разведки, внутренних дел, прокуратуры и т.д.

Значительную роль в функционировании политической организации общества играют партии, в которые объединяется наиболее активная часть общества. «Беспартийных» государств на планете менее двадцати, большинство стран являются многопартийными. Активный процесс формирования многопартийности идет в странах СНГ, Восточной Европы.

Одним из главных назначений политических партий является достижение власти (прежде всего государственной), овладение аппаратом с тем, чтобы реализовать представляемые партией социальные интересы. Политическая партия, особенно если она является правящей, участвует в разработке политического курса страны и его осуществлении, оказывает влияние на выдвижение лидеров государства и формирование состава правительственных учреждений. Партии являются основными поставщиками кадров для законодательных, исполнительных и судебных органов.

Трудовые коллективы, являясь основной ячейкой общества, все более расширяют воздействие на функционирование политической организации общества. Политическим субъектом может стать любой трудовой коллектив, если он:

- 1) может самостоятельно принимать решения;
- 2) имеет средства и возможности реализовать их (или по крайней мере проконтролировать их реализацию);
- 3) отвечает за свои действия перед какой-либо более представительной инстанцией.

Трудовые коллективы создаются для выполнения производственных задач и функций. Политическое в них вызревает по мере того, как они исчерпывают возможности решения своих производственных задач экономическими методами, а также при осуществлении политических функций, которые для них не являются профессиональными, постоянными (выдвижение кандидатов в депутаты и т.д.). Слабая представительность интересов трудящихся на всех осях многомерной модели политической власти (депутатский корпус рабочих в верхних эшелонах власти в 1989 г. сократился до 14% по сравнению с 24,3% в 1984 г.), их нищенское материальное существование, социальная незащищенность, недостаточная политическая культура и другие факторы породили такую крайнюю форму выражения своих интересов, как забастовку. В то же время нельзя не отметить, что в ряде регионов забастовки показали организационно-политическую зрелость рабочих, их желание и умение выразить свою волю, навести порядок, выдвинуть из своих рядов политических лидеров, способных принципиально и взвешенно участвовать в политическом процессе.

Общественные организации и движения, преследующие политические цели. Это профессиональные, молодежные, творческие, оборонные и т.д. добровольные объединения граждан, способствующие развитию политической, социальной, трудовой активности и самостоятельности своих членов, удовлетворению и защите их многочисленных потребностей и интересов. Они действуют в соответствии с закрепленными в их уставах целями и задачами, в рамках государственных законов. Конституция РФ провозглашает возможность участия общественных объединений в управлении государственными и общественными делами, указывая при этом, что их решения не имеют обязательной силы для государственных органов и органов местного самоуправления, а также для граждан при выполнении ими служебных или производственных обязанностей.

Активным и самостоятельным элементом политической организации общества становятся средства массовой информации. К ним относятся предприятия, организации и учреждения, занимающиеся сбором, обработкой и распространением массовой информации по каналам печати, радио, телевидения. В развитых странах насыщенность средствами массовой информации чрезвычайно велика. В середине 1980-х гг. в Японии, например, на 1000 жителей приходилось 562 экземпляра газет, в СССР – 422, в США – 268. Телевизоров в США было 190 млн, в СССР – 100 млн, в Японии – 70 млн. На начало XXI века в мире насчитывалось 120 информационных телеграфных агентств, 46 тыс. телевизионных станций, 30 тыс. радиостанций, 700 млн телевизоров, 1,6 млрд радиоприемников. Космическое телевидение используют 100 государств, 86 стран ведут вещание на иностранную аудиторию. Неслучайно в последнее время средства массовой информации называют четвертой властью. В деятельности средств массовой информации все более важное значение приобретают общечеловеческие ориентиры в их независимости от какого-либо диктата: государственного, партийного, ведомственного. В бывшем СССР в этом отношении большую роль сыграло принятие Закона о печати (1990), который провозгласил независимость печатных органов, отменил цензуру и т.д., но в то же время значительно повысил ответственность печатных органов, вплоть до судебной ответственности и экономических санкций.

В ходе политологических исследований выявлен богатый арсенал способов манипулирования в СМИ. К ним относятся не только подтасовка фактов, замалчивание неудобной информации, распространение лжи и клеветы, но и более тонкие способы: полуправда (когда освещаются малозначительные детали события, но умалчивается об основном их содержании или дается ложная интерпретация событий); наклеивание ярлыков («фашист», «красно-коричневый», «националист», «совок», «демагог» и т.д.); лингвистическое, языковое манипулирование (человека, ведущего вооруженную борьбу за национальную независимость, в зависимости от политических пристрастий, называют борцом за свободу, сепаратистом, боевиком, террористом); применение «спирали умолчания» (с помощью ссылок на сфабрикованные опросы общественного мнения или другие подтасованные факты убедить людей в поддержке большинством общества удобной манипуляторам политической позиции, ее победе) и др.

Болгарский ученый Тодор Дичев прямо указывает на факты использования телевидения в качестве психотропного оружия – средства «зомбирования» человека, подавления его воли и превращения в управляемого извне биоробота. Сеансы всевозможных «целителей» втягивают зрителя в телегипнонаркопатию, влекущую за собой психические и эмоциональные расстройства, жесточайшие депрессии, убийства и самоубийства. По мнению Т. Дичева, можно говорить о наступлении на страны бывшего СССР психофашизма как особой системы уничтожения талантливых людей посредством психотерроризма, психоцида и экоцида.

Для российского ТВ 1990-х гг. характерным средством манипулирования явилась также кампания по созданию абсолютно чуждой языковой среды, своего рода «операция вытеснения» русского языка американизированным сленгом, о чем свидетельствуют хотя бы названия телепередач и рубрик: «Бизнес-класс», «Бридж», «Евромикс», «Уик-энд для подростков», «Мегаполис», «Терминал» и т.д. Вряд ли такая направленность передач соответствует духу россиян, она вольно или невольно служит задаче уничтожения устойчивых черт национальной, народной жизни, нравственного уклада. Таким образом, огромные возможности активного воздействия СМИ на политическое сознание и поведение граждан свидетельствуют о важнейшей

роли «четвертой власти» в современном обществе. Некоторые исследователи даже говорят о грядущей эпохе «медиакратии» – власти СМИ, которые не столько будут отражать и интерпретировать действительность, сколько контролировать ее по своим правилам и усмотрению. Опыт истории показывает, что СМИ способны служить различным политическим целям: как просвещать людей, формировать в них чувство собственного достоинства, стремление к свободе и социальной справедливости, так и духовно поработать, дезинформировать и запугивать, разжигать массовую ненависть, сеять недоверие и страх.

Особо велика роль СМИ в переходные периоды, когда без их активной деятельности невозможно добиться массовой поддержки политики социальных и политических преобразований;

3) *политические принципы и нормы* также являются составным элементом политической системы. Насколько отличаются друг от друга политические режимы (например, авторитаризм и демократия), настолько же различаются принципы и нормы, лежащие в основе функционирования соответствующей политической системы.

Политические принципы и нормы закрепляются в конституциях, законах, кодексах (уголовный, процессуальный и т.д.), подзаконных актах (постановлениях, решениях, инструкциях и т.д.). Они регулируют политические отношения, придавая им упорядоченность, определяя дозволенное и недозволенное с точки зрения укрепления политической системы.

Через политические принципы и нормы получают официальное признание определенные социальные интересы и политические устои. С другой стороны, через эти принципы и нормы политико-властные структуры доводят до сведения общества свои цели, определяют желаемую модель поведения. Так происходит формирование политического сознания и поведения, соответствующего целям и задачам политической системы. Соблюдение «правил игры» особенно важно в условиях демократического общества, политическая жизнь которого весьма многообразна;

4) элементами политической системы являются *политическое сознание и политическая культура*. Складываясь под влиянием конкретной социальной политики, политическая культура, в свою очередь, дает знание закона осуществления политики, формирует отношение человека к окружающей среде и полити-

ческой жизни, способствует пониманию содержания политики государства. Интегративная функция политической культуры состоит в том, что она служит опорой существующей системы, способствует единению (или разъединению) населения, создавая тем самым широкую социальную базу для системы власти или ее дестабилизации.

Благодаря функционированию политической системы любое общество характеризуется определенной степенью развитости политической жизни. Политическая жизнь общества – это сфера взаимодействия или противостояния различных политических сил и движений по поводу осуществления (разделения) власти. Политическая жизнь проявляется в деятельности государства, партий, общественных организаций, неформальных объединений и движений граждан, средств массовой информации, общественно-политической активности отдельных лиц. Политическая система может «приспособиться» не к организации политической жизни в рамках законов, а, главным образом, к выполнению волевых решений и распоряжений. Из движителя общества тогда она легко превращается в тормоз его развития. Примером такой трансформации является эволюция советской политической системы в современную в России. Основным элементом политической жизни является политическое действие. Примером политических действий являются социальные революции, реставрации, крестьянские и гражданские войны, государственные перевороты, забастовки, митинги, шествия, дискуссии, избирательные кампании, официальные визиты государственных и общественных деятелей, дипломатические переговоры и т.д.

Политические действия во имя важных политических целей могут быть:

- спонтанными («табачные», «водочные» бунты);
- организованными достаточно свободно (защита «Белого дома» в период августовского путча);
- с высокой степенью организации и стабильности (действия государственных структур и политических партий).

Организация массовых политических акций может иметь ряд целей:

- а) модификацию принятого решения или органа управления (государственного, партийного, общественного);

- б) изменение состава правительства, иного органа управления;
- в) изменение структуры политической системы;
- г) изменение социально-политического устройства жизни общества.

Акции, направленные на изменение социально-политического устройства общества, считаются антиконституционными и преследуются по закону.

За свою многовековую историю человечество выработало ряд общезначимых принципов и форм политической жизни, соблюдение которых обеспечивает политической системе общества устойчивость и прогрессивное развитие. К ним обычно относят:

- выборность;
- разделение властей;
- политический плюрализм;
- представительную и непредставительную демократию;
- самоуправление;
- диалектическое единство свободы и ответственности, прав и обязанностей граждан;
- учет общественного мнения;
- обеспечение интересов большинства при соблюдении прав меньшинства на свою собственную позицию;
- верховенство закона;
- обеспечение политических и социально-экономических прав человека;
- возможность отзыва лиц, избранных в органы власти.

Важнейшим фактором политической жизни общества является политическая деятельность отдельных личностей. Она складывается в непрерывную цепь политических действий, как осознанных (в зависимости от поставленных целей), так и непреднамеренных (в отношении их политических результатов).

Диалектика типичности и индивидуальности выдающейся личности (Петр I, А. В. Суворов, К. Маркс, В. И. Ленин, маршал Г. К. Жуков и др.) заключается в том, что своим образом мышления и действий эта личность становится наиболее представительной, ее индивидуальные черты приобретают параметры значительно выше средних. Типичность и одновременно индивидуальность, вызывающие общественное доверие и поддержку, придают репрезентативность (представительность, характерность)

личности, а вслед за этим – авторитет, влияние. А потеря авторитета и влияния равнозначна политической гибели личности.

Часто можно встретить суждение: я политикой не занимаюсь, мне претит политическая жизнь. Действительно, на некоторое время человек может изолировать себя от политической жизни. Но такая изоляция для большинства людей в значительной мере является искусственной, тем более она не может быть длительной. Сами обстоятельства вовлекают людей в ту или иную форму политической деятельности: выборы, участие в собраниях, митингах, забастовках, обсуждение законов, указов, решений правительства по важнейшим вопросам жизни (цены, индексация, пенсии и т.д.), участие в дискуссиях. Мотивы участия личности в политической жизни сложны и многообразны – от желания быть полезным обществу, стремления к самоутверждению, до личных амбиций.

В связи с этим в условиях массовой политизации народа следует иметь в виду, что плодотворную, общественно-значимую политическую деятельность могут вести только те люди, черты индивидуальности и стремления которых отвечают текущей общественной потребности. Пора отказаться от идеологизированной догмы, что каждая кухарка способна управлять государством, заниматься политикой. И в политической жизни, пока она остается необходимой, будут ведущие и ведомые, политики и исполнители политических норм, традиций, обычаев.

Оптимальность политической системы определяется ее способностью гасить импульсы, которые ведут к антисистемным действиям. К примеру, террористические акты могут иметь политические последствия и выражать политический интерес, как правило, маргинальных групп. Но такая форма выражения интереса противостоит порядку, конституционной процедуре выражения требований и, по сути дела, является уголовно наказуемой. По тому, каким образом ведется борьба с терроризмом, можно судить об оптимальности политической системы (в 1996 г. в России от терроризма погибло столько же людей, сколько за 10 лет войны в Афганистане).

Политологи (Д. Истон и др.) пристальное внимание уделяют изучению проблемы перегрузок политической системы.

Под количественной перегрузкой они имеют в виду такую ситуацию, когда политическая система не способна разрешать

накопившиеся требования (в России, например, своевременную выплату зарплаты, задержка которой является собой беспрецедентное явление в мире). Качественная перегрузка возникает при новых спорных проблемах. Примером количественных и качественных перегрузок является ситуация российской политической системы постсоветского периода: все ветви государственной власти не успевают реагировать на растущий виток новых требований, запросов, инициатив. Перегрузка вызвана ошибками в выборе социально-экономического курса развития страны, отсутствием согласованности между ветвями власти (октябрь 1993 г.), выражением ими разных позиций, различием в реагировании на возникающие проблемы.

Структура политической системы включает в себя также следующие составляющие (подсистемы):

институциональную подсистему – государство, политические партии, социально-экономические и общественные организации и отношения между ними, которые в совокупности образуют политическую организацию общества. Центральное место в этой подсистеме принадлежит государству. Концентрируя в своих руках большинство ресурсов, обладая монополией на законное насилие, государство располагает наибольшими возможностями воздействовать на различные стороны общественной жизни. Однако не следует принижать и роль политических партий, групп интересов, влияние которых на государственную власть очень велико. Особое значение имеют церковь и средства массовой информации, обладающие способностью существенно влиять на процесс формирования общественного мнения. С его помощью они могут оказывать давление на правительство, лидеров;

нормативную подсистему – правовые, политические, моральные нормы и ценности, традиции, обычаи. Через них политическая система оказывает регулятивное воздействие на деятельность институтов, поведение граждан;

функциональную подсистему – методы политической деятельности, способы осуществления власти. Она составляет основу политического режима, деятельность которого направлена на обеспечение функционирования, преобразования и защиту механизма осуществления власти в обществе;

коммуникативную подсистему – все формы политического взаимодействия как внутри системы (например, между институтами государства и политическими партиями), так и с политическими системами других государств.

Оптимальность параметров и направлений функционирования политической системы в значительной степени предопределяется традициями, сложившимся в стране образом жизни, стереотипами массовой идеологии и психологии. Неэффективность российской политической системы постсоветского периода в значительной степени детерминирована тем, что псевдodemократы, пришедшие к власти, несмотря на обещания серьезных демократических преобразований, по сути дела, сохранили авторитарную систему управления в ее худшем виде, лишили людей их социальных завоеваний, приобретенных в советское время. Социологические исследования еще в конце 1990-х гг. показывали, что до 75% россиян сохраняли социалистические стереотипы образа жизни.

Изучение типов и функций политических систем, практическое их функционирование, не всегда эффективное, вызывает дискуссию об их оптимальности. В политической науке (зарубежной – Д. Истон, Г. Спайроу и др., отечественной – Г. Белов, А. Федосеев и др.) определен перечень критериев оптимальности политической системы: устойчивость, адаптивность, продуктивность, эффективность, рентабельность.

Под устойчивостью понимается продолжительность существования системы по времени.

Адаптивность системы (приспособляемость) означает ее способность своевременно и верно реагировать на изменяющиеся условия как внутри общества, так и во внешней среде, умело в каждом конкретном случае анализировать складывающуюся ситуацию и в соответствии с этим анализом принимать адекватные решения. Отсутствие данного качества приводит политическую систему к окостенению.

Под продуктивностью понимается способность системы умело реагировать на требования различных социальных групп, принимать политические решения, направленные на реализацию этих требований.

Если требования, входящие в политическую систему как импульсы для предметной деятельности от соответствующих ее

субъектов (партий, организаций, трудовых коллективов), успешно реализуются (продукты деятельности политической системы в этом отношении весьма разнообразны – от методов распределения доходов и услуг до введения или изменения политической символики), то граждане поддерживают такую систему в форме законопослушания, своевременной уплаты налогов, усердной воинской службы, трудом на общественных началах и т.д. В противном случае политическая система не является продуктивной, недовольные объединяются в блоки, движения, образуют свою политическую подсистему, которая организует недовольные массы на решение поставленных ими проблем.

История знает немало случаев, когда правящие круги принимают решения, которые противоречат интересам и требованиям граждан. Взять, к примеру, решение правящих кругов США о развязывании войны во Вьетнаме, решение правящей группировки Политбюро ЦК КПСС о вводе войск в Афганистан или «благословение» Б. Н. Ельциным войны в Чечне. Принятие подобных решений продиктовано импульсами (требованиями) не из социально-культурной среды страны, а от внутренней правящей элиты.

Эффективность системы означает поддержку гражданами существующего политического режима, Конституции страны, выработанного курса развития общества.

Рентабельность как критерий оптимальности заключается в том, чтобы политическая система могла своевременно и точно определить цели и пути их достижения с наименьшими материальными, духовными и психологическими издержками. В период выборов президента в России в 1996 г. президентскими структурами на предвыборную кампанию было израсходовано средств в 300 раз больше, чем предусмотрено избирательными законами. Вряд ли система, допускающая такие перекосы, может считаться рентабельной.

Политическая система является сложным явлением и включает в себя различные части (или подсистемы). Она складывается из подсистем трех уровней власти и политических отношений: двух институциональных – высшего (мегауровень), среднего (мезоуровень) и неинституционального – нижнего, массового (микроуровень). В свою очередь, они делятся на параллельные, обычно конкурирующие структуры (на тех же уров-

нях): легальные и теневые. Внутри этих структур политическая система включает деление на субъекты политических отношений: носителей власти (руководителей, правящих) и исполнителей (рядовых членов массовых ассоциаций).

На институциональном макросистемном уровне политическая система включает в себя центральный аппарат государственной власти (разделенной в демократическом обществе и в правовом государстве на законодательную, исполнительную и судебную). Вид политической системы зависит от типа общества и правления: приоритетной власти главы правительства (то есть приоритета исполнительной власти), президента (вплоть до так называемой президентской формы правления, допускающей временное или длительное совмещение функций разделенных властей), монарха, парламента (если он наделен прерогативами контроля президентской и исполнительной власти), правящей партии, верховного или конституционного суда (при приоритете права и закона). Особую арбитражную роль играет общественный контроль государственной власти. Он организуется на разных уровнях (макро- и мезо-) и многими средствами: массовой информации, ассоциациями, массовыми движениями, народными обществами. Непосредственно в макросистему входят разные формы политической оппозиции.

На том же уровне располагаются теневые, скрытые политические структуры и функции макровласти. К ним относятся скрытые действия легальных учреждений высших рангов; секретные документы, распоряжения, приказы и тому подобные акты; скрытый смысл открытых политических действий, политических текстов; негласные функции и неявная роль разных официальных лидеров и центральных органов власти и управления, руководства учреждениями, партиями, армией, руководства промышленностью и другие; официальные и легально существующие учреждения с секретными функциями и полностью законспирированные учреждения.

Аналогична по своему строению и мезоструктура политической системы. Она образована аппаратами управления, органами выборной и назначаемой власти, которые непосредственно слиты со структурами макроуровня, но составляют его периферию. Они расположены в политическом пространстве между высшими эшелонами государственной власти и обществом, ко-

торое они связывают с государством. Это так называемые аппараты и органы, региональная и муниципальная администрация, советы разных рангов, иерархия партийных, профсоюзных и других ассоциативных структур, крупные предприятия, лидеры экономики, органы правосудия и охраны порядка, другие учреждения, через которые осуществляется политическая социализация.

Структуры среднего уровня служат связующим звеном между макроструктурами политической системы и обществом, организуют их отношения, передают импульсы государственных центров власти обществу и его ответные реакции – инициаторам политики. В организации и осуществлении политического процесса мезоуровень политической системы играет ключевую роль. На этом уровне формируются наиболее влиятельные бюрократические аппараты управления и самые массовые параллельные (теневые) структуры. К скрытым функциям легальных государственных, партийных, административных учреждений на этом уровне, при определенных негативных условиях, добавляются особенно распространенные конфликты аппаратов и их лидеров, групповщина, земляческие и кровнородственные связи, противоправная активность и коррупция официальных лиц и властей.

На этом же уровне формируются нелегальные структуры неполитического характера (мафиозные структуры, черный рынок и т.д.), которые имеют тенденцию смыкаться с легальными структурами и могут оказывать на них серьезное влияние, вплоть до скрытого участия в политической жизни отдельных политических регионов.

Микроуровень политической системы образуется массовым участием общественных групп, граждан общества в политической жизни: членством в массовых политических или неполитических, но влиятельных организациях, участием в массовых политических акциях поддержки власти или протеста, в социальном контроле политики, в ответственных процессах ее демократической организации. На микроуровне формируются политические народные движения, зарождаются политические группировки и партии, формируется общественное мнение, складывается политическая культура общества – важная составная часть и характеристика политической системы. Пространство микроструктур отнюдь не ограничивается неким нижним, массовым уровнем. В нем расположено все, в принципе, общество и все его

граждане, с их политическими взглядами, формами участия в совместной политической жизни, хотя политические роли организационно и функционально разделяют их по разным уровням.

Политическая система сформирована по принципу пирамидальной иерархии: с массовой социальной базой в основе, вершиной государственной власти в высшем ее эшелоне. Таким же образом построены и ее подсистемы, имеющие вертикальные структуры (от массовой базы – к руководящим учреждениям): партии, крупные общественные организации, союзы и т.п. На каждом из уровней, на которые разделена политическая система, образуются специфические структуры и отношения между ними.

Исследование столь сложно организованной системы составляет одну из центральных задач политической науки и определяется несколькими руководящими принципами.

1. Для построения полной и современной теории политической системы исследуются не только ее институциональные элементы (подсистемы) и отношения, но и неинституциональные, не только легальные, но и скрытые элементы и функции, которые также входят в политическую систему, глубоко интегрированы ею и, в совокупности с другими, определяют ее облик. Учитываются все характеристики, которые формируют отношение общества к его политическому устройству.

2. Определяются основные членения политической системы на вертикальные структуры институтов, горизонтальные уровни власти и компетенции, затем определяются внутренние деления на легальные и нелегальные структуры и функции, а также отношения между субъектами власти.

3. Обозначаются границы, отделяющие систему от ее окружения, тем самым уточняется представление о самой системе, ее пространстве, ее окружении и о разделяющей их границе, то есть о социальных, идеологических, культурных, экономических, правовых явлениях и процессах и о том рубеже, за которым они становятся политическими, то есть совокупность явлений, потенциально значимых для организации и жизни политической системы. Граница же – это порог, который такие явления переходят, чтобы стать политически значимыми. Следовательно, требуется определение политического пространства и времени вступления в жизнь системы новых явлений, выявление, когда, где, как и почему они происходят. Например, экономиче-

ская и социальная дестабилизация – движение протеста – образование народного фронта – формирование политической партии – выборы – приход партии в руководящие политические органы страны (региона, города).

4. Центральный аспект исследования – определение иерархии подсистем и элементов системы, а также отношений между субъектами и объектами (носителями и исполнителями) этих отношений. Имеется в виду передача власти и политических импульсов в системе от одного субъекта (активного) к другому (пассивному), их носителю-исполнителю, который, в свою очередь, передает волевые импульсы (приказы, распоряжения) следующему и т.д. (например, от премьер-министра к министру – далее к руководителю ведомства и т. д., вплоть до непосредственных исполнителей).

5. Когда определены части, элементы системы, выясняются их функциональные связи, то есть устанавливается, что данный процесс (или явление) есть функции другого процесса (явления). Знание функциональных зависимостей между частями системы позволяет построить модель, по которой эти части складываются в систему (например, последовательность: закон об ассоциациях – образование групп по интересам, но не политическим – ветеранов, инвалидов, пилотов и т.п. – их взаимное определение с политическими движениями и партиями – их вступление в политическую жизнь).

6. Теория политической системы – это не только структурная схема, но и содержательный анализ отношений в ней, от политических до социально-психологических, поведенческих и культурных. В ней анализируется принцип политической организации общества, рассматриваются отношения большинства и меньшинства и способы их защиты от взаимной тирании.

7. Описание статичного состояния системы не дает представления о ее подлинной природе. Исследование должно включать в себя изучение динамики развития политической системы (направления и интенсивности изменения ее специфических признаков; появление новых органов власти, смена их функций, возникновение новых политических сил и т.п.). Предметом исследования системной динамики является также ее гибкость и способность изменяться. Учет этих положений может дать представление о жизнеспособности, адекватности политической

системы общественному процессу, ее способности формировать сплоченное общество, реальное единство интересов и целей государства и народа либо порождать конфликт между ними.

Типы политических систем. В политологической литературе существуют различные подходы к определению типов политических систем. В основе выделения разных типов лежит определенный критерий.

<i>Авторы типологии</i>	<i>Критерий типологизации</i>	<i>Выделяемые типы политических систем</i>
К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин	По типу общественно-экономической формации	Рабовладельческая, феодальная, капиталистическая, социалистическая
Р. Даль	По степени демократичности власти, наличию механизмов разрешения противоречий	Демократическая, авторитарная, тоталитарная
Г. Алмонд	По типу политической культуры	Англо-американская, европейская, континентальная, доиндустриальная, индустриальная
В. Е. Чиркин	По способам управления обществом	Административно-командная, соревновательная, социопримирительная
В. В. Радаев, О. Н. Шкартан	По месту и роли государства в жизни общества	Этакратическая, демократическая

Существуют и другие, менее распространенные классификации политических систем. В зависимости от ориентации на стабильность или перемены политические системы подразделяются на консервативные (их цель – сохранять традиционные структуры, сложившуюся форму политической власти) и трансформирующиеся (проводящие общественные преобразования). Среди последних различают два типа систем: реакционные (цель которых – вернуть общество назад, к прежнему типу политической системы) и прогрессивные (стремящиеся сформировать общество нового типа).

Различаются также политические системы между собой по формам и степени влияния общественных сил на частную жизнь.

Так, для капиталистической социально-политической системы на современном этапе характерны:

а) функционирование парламентского механизма борьбы за власть;

б) рост уровня жизни для преобладающего числа населения;

в) падение напряженности классовой борьбы, утверждение социального партнерства;

г) усиление позиций гражданского общества, защиты прав человека.

Для переходной, революционно-демократической (ранее именуемой социалистической) политической системы характерны:

а) всеобщая политизация народных масс, их решимость покончить с остатками тоталитаризма, командно-административной системы. Борьба за власть в этих условиях все более принимает форму межпартийной борьбы, происходит взрыв национализма;

б) бурно снижающийся рост уровня жизни народа, разрушение его духовности, стремительный рост преступности;

в) формирование качественно нового уровня гласности, плюрализма, многопартийности, смешанной экономики, утверждение нового политического мышления.

Постколониальная политическая система характеризуется:

а) многообразием политических режимов, форм государственности;

б) неравномерностью социально-экономического развития и уровня жизни народа;

в) еще только становлением в большинстве стран капиталистических отношений, их оторванностью от натуральной экономики;

г) пассивностью широких масс в результате их нищеты и безграмотности, что позволяет привилегированным социальным группам (крупным землевладельцам, капиталистам, высшим армейским и гражданским чиновникам) использовать демократические институты в своих целях;

д) установлением военных диктатур там, где активность народных масс угрожает существующему строю (военные диктатуры могут использоваться и для придания социальным преобразованиям прогрессивного характера).

Из изложенного выше видно, что политические системы можно исследовать с разных позиций. Это имеет и теоретическое и практическое значение. Таким образом, анализ существующих политических систем приводит к следующим выводам:

в основе функционирования политической системы лежат различия частной и общественной жизни. Поэтому основная задача политической системы – регламентация деятельности и поведения людей;

в политических системах, независимо от природы, существует неравное распределение власти между ее элементами, власть концентрируется в руках организованного меньшинства;

члены политической системы могут преследовать разные или противоположные цели, что является источником внутренних конфликтов. Эти конфликты могут устраняться путем согласия или насилия;

политические элиты стремятся к легитимности (своему признанию народом, мировым сообществом), для чего создают и распространяют оправдывающие их положение идеологии. Властвующая элита пытается выразить интересы всего общества, отделяя их от частных интересов отдельных социальных групп и личностей. Однако такая универсалистская идеология может являться лишь покровом, скрывающим частные интересы;

функционирование каждой политической системы обусловлено наличием тех или иных отношений с другими политическими системами.

Эти выводы показывают, что магистральным путем совершенствования политической системы должна являться ее демократизация, ибо только этот путь способен конструктивно активизировать политическую жизнь общества, обеспечить статус человека как субъекта политической деятельности.

Типологизация политических систем несет на себе методологическую и прикладную нагрузку. Так, первая теория утверждает, что политические системы существуют и функционируют лишь в рамках классового общества, а с отмиранием классов теряют политический характер. Если вторая часть этой теории сегодня полностью отвергается, то первая остается в силе. Однако предпочтение классовому подходу при анализе современной политической системы существенно ограничивает пред-

ставления о ней в целом, так как в политической системе, наряду с классовыми признаками и чертами, отражаются также межклассовые, общесоциальные, национальные, групповые и общечеловеческие.

Наибольшей популярностью в современных условиях пользуется концепция Р. Даля: политические системы чаще всего характеризуются как демократические, авторитарные и тоталитарные.

Не менее важное значение имеет типологизация политических систем Г. Алмонда. Взаимодействие различных типов политических систем осуществляется более плодотворно, если при их характеристике учитываются особенности многообразных культур. Это открывает дополнительные каналы для эффективного сотрудничества и партнерства между различными политическими системами.

Вряд ли можно подвести черту под имеющимися теориями типологизации политических систем. Вполне могут появиться новые основания для выявления различий между ними, в соответствии с изменяющимися условиями их возникновения и функционирования.

Что лежит в основе замены одного типа политической системы на другой? На первое место следует поставить смену форм собственности (собственность на раба, на землю, на средства производства, на государство в целом, равное право на существование и развитие различных форм собственности); изменение государственной формы правления и смену идеологий.

Итак, тип политической системы характеризуется соотношением и взаимодействием ее структурных элементов. От их места, роли, содержания и направленности зависят характер политической системы, а также темпы развития общества в целом.

Многообразие типологий свидетельствует о многомерности такого явления, как политическая система общества. Сложность характеристики политических систем такова, что ни один в отдельности подход или метод недостаточен, чтобы дать полную картину. Поэтому для анализа многомерных политических систем требуется многомерный подход.

Контрольные вопросы и задания

1. Что представляет собой понятие «политическая система» и с какой целью оно введено в политологию?

2. Каким требованиям системного анализа политической жизни это понятие должно отвечать? Какие свойства системы как таковой мы должны иметь в виду, когда говорим о политической системе?

3. Как и всякая система, политическая система общества имеет свою структуру. Опишите структурное строение политической системы, дайте определение 4-х основных подсистем политической системы и приведите примеры.

4. В современной политологии понятие политической системы имеет два значения. В первом из них она представляется как искусственно созданный теоретический инструмент, позволяющий выявить и описать системные свойства различных политических явлений. Этот инструмент является средством системного анализа политики. Он применим к любому относительно целостному политическому образованию: партии, государству, профсоюзу, политической культуре и т.д. Каждое из этих образований является спецификой политической системы. Этот

метод предполагает рассмотрение политической системы как целостного организма, находящегося в сложном взаимодействии со всеми остальными звеньями общества. Эти звенья оказывают друг на друга взаимное влияние. Во втором значении понятие политической системы представляет собой сложный механизм формирования и функционирования власти в обществе. Этот механизм включает в себя государство, а также партии, средства массовой информации, политические ассоциации и объединения, различные политические субъекты (группы и индивиды) и их взаимоотношения, политическое сознание и культуру, политические нормы.

Выберите признаки системного и структурно-функционального подхода к сущности политической системы, аргументируйте, какой из них представляет ее наиболее полно.

5. Заполните свободные колонки таблицы.

Критерии	Политическая система		
	Тоталитарная	Авторитарная	Демократическая
1. Законодательство			
2. Политический режим			
3. Роль и место государства			
4. Принцип разделения властей			
5. Политические партии			
6. Выборы и избирательные системы			
7. Права и свободы			
8. Уровень политической культуры			

Тема 5

Государство

5.1. Понятие и сущность государства. Теории происхождения государства.

5.2. Типология государственного устройства.

5.3. Правовое государство и гражданское общество.

5.1. Понятие и сущность государства. Теории происхождения государства

Государство – это основное средство осуществления политической власти, центральный институт политической системы. Термин «государство» употребляется в узком и широком значениях: в узком значении – как институт господства, как носитель государственной власти, противостоящий «обществу»; в широком значении – как государственно оформленная всеобщность, союз граждан, как община. Здесь его смысл охватывает и «государство» (в узком смысле), и «общество».

Основными атрибутами (существенными признаками) государства являются территория, население, публичная власть.

Территория составляет физическую, материальную основу государства. Территория государства представляет собой пространство, на которое распространяется его юрисдикция. Это суша, недра, водное и воздушное пространство. Территория как признак государства нераздельна, неприкосновенна, исключительна (на территории государства господствует власть только этого государства), неотчуждаема (государство, лишившееся территории, перестает быть государством).

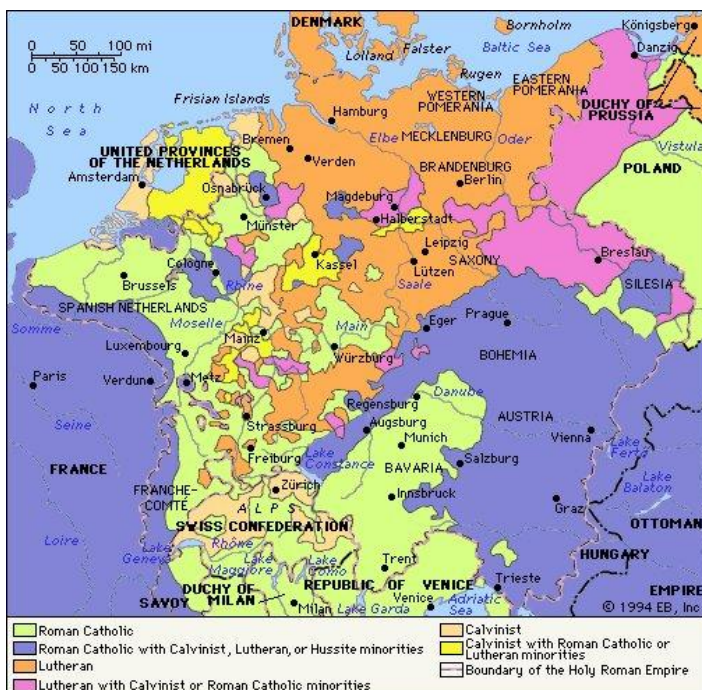
Население государства – это совокупность людей, проживающих на данной территории. Несмотря на существующие со-

циальные различия, население страны составляет единое сообщество, народ, выступающий как источник и носитель власти в государстве. Постоянное население данной территории имеет, как правило, устойчивую связь с государством в виде подданства или гражданства и пользуется его защитой внутри страны и за ее пределами.

Обязательной принадлежностью всякого государства является суверенитет. Его наличие означает, что данное государство имеет верховную законную власть над всеми группами, ассоциациями и индивидами данного сообщества, и каких-либо вопросов, подлежащих решению иными властями, не существует. Причем верховная власть суверенного государства распространяется на все вопросы как внутренней, так и внешней политики. Теоретически, суверенитет позволяет правителям действовать абсолютно независимо. Но суверенитет, как теоретическая конструкция, не отражает полностью политической реальности. В действительности ни одно государство и ни один правитель не может иметь неограниченной власти ни внутри политического сообщества, ни в его отношениях с другими политическими сообществами. Различные факторы, действующие внутри государства или за его пределами, влияют на действия всех правителей и правительств. Кроме случаев откровенно марионеточного характера правления, когда имеет место зависимость формально суверенных правителей от внешних или внутренних реальных центров власти, можно назвать мировое общественное мнение, отношение дружественных и союзнических государств, международные договоры и обязательства и многие другие факторы, ограничивающие национальный суверенитет современных государств.

В условиях глобальных трансформаций последних лет, вызванных прежде всего экономическими процессами, образуется система многочисленных центров власти и пересекающихся потоков влияния, опирающихся на региональные и глобальные модели политического действия. По мнению многих исследователей, тем самым формируется так называемый поствестфальский порядок, в рамках которого представления о государственном суверенитете и независимости серьезным образом переосмысливаются и включаются в более широкую систему правления. (Вестфальский мир, достигнутый в 1648 г.,

ознаменовал собой важный этап в эволюции международных отношений. Подписание Вестфальского мира по окончании Тридцатилетней войны положило начало созданию новой международной политической системы, в основу которой была положена идея «национального государства» (*nation-state*).

Вестфальская система закрепила в мировом порядке определенные правила игры:

1) войны разрешались, в том числе и агрессивно-наступательные, начало и ведение войны было законным правом суверенного государства;

2) вестфальская система не препятствовала, а по сути дела способствовала закреплению в международном праве права сильного;

3) вестфальская система утвердила в международном праве принцип невмешательства во внутренние дела других суверенных государств.

Исключительная важность произошедших в середине XVII в. трансформаций состоит в том, что возникла система отношений, основные принципы которой, пусть и с существенными изменениями и некоторыми оговорками, продолжают существовать и функционировать до сих пор. Признание в качестве одного из ключевых «принципа национального государственного суверенитета» (*state sovereignty*) положило начало новой системе отношений, которая и получила впоследствии название Вестфальской, или «государственно-центристской» модели (системы) мира. Принцип национального суверенитета предполагал, что каждое государство обладает всей полнотой власти на своей территории. Этот принцип не предполагал наличия еще какой-либо высшей власти. В основе идеи национального государства, обладающего суверенитетом, были четыре главные характеристики: наличие территории; наличие населения, проживающего на данной территории; легитимное управление населением; признание другими национальными государствами. При отсутствии хотя бы одной из этих характеристик государство перестает существовать или становится резко ограниченным в своих возможностях. Основой государственно-центристской модели мира стали «национальные интересы», по которым возможен поиск компромиссных решений (а не ценностные ориентиры, в частности религиозные, по которым компромиссы невозможны). Суверенные национальные государства взаимодействовали между собой, образуя «систему международных отношений». Ключевыми особенностями возникшей системы международных отношений стало доминирование в ней современных «национальных» госу-

дарств (обладавших полным суверенитетом, едиными механизмами административного управления, постоянными профессиональными армиями, рациональной в веберовском смысле бюрократией, определенными и международно признанными границами и т.д.), своеобразная деидеологизация, т.е. устранение профессионального фактора как одного из основных факторов политики, а также постепенное формирование баланса сил (равновесия сил) в отношениях между наиболее сильными европейскими державами или их коалициями.

С Вестфальского мира система международных отношений окончательно оформилась как государственно-центристская система. Главным субъектом международных отношений с этого периода становится суверенное государство. Каждое из государств обладало полным внутренним суверенитетом, самостоятельно определяя собственную форму правления, принципы внутренней организации, отношения с религиозными конфессиями и т.д. и не признавало над собой никакой иной верховной власти. Постепенно принцип суверенного равенства государств стал общепринятым в системе международных отношений, регулируя поведение государств в отношениях друг с другом вне зависимости от господствующих в каждом из них форм правления и преобладания тех или иных конфессий. Данный принцип постепенно превратился в стержневой элемент современного международного права. Вестфальский мир 1648 г. не привел к коренной перекройке политической карты Европы. Вместе с тем, Вестфальским миром были зафиксированы глубокие сдвиги во всей системе международных отношений. Только после Вестфальского мира из внешнеполитических целей правительств окончательно исчезли «идеологемы», такие как «спасение души» и «защита веры». Были поставлены задачи, объективно прикрывавшие стремление определенных политических кругов и социальных сил в Европе того времени к экспорту социальной и политической реакции, к созданию универсальной империи. Одновременно, вместе с фактическим распадом единого европейского лагеря контрреформации естественным образом исчезла необходимость обеспечения противодействия этим стремлениям. В результате определяющим мотивом деятельности государств на международной арене становится *raison*

d'état, государственный интерес, вне всякой религиозной или иной идеологической оболочки. Важнейшим атрибутом государства является наличие отдельной от общества публичной власти. Такая власть не совпадает с населением, персонифицируется в виде особого слоя людей, профессионально занимающихся управлением. Осуществление публичной власти требует определенной организации – становления специального государственного аппарата и его оснащение материально-техническими средствами.

Итак, **государство** – особая форма организации политической власти в обществе, обладающая суверенитетом, монополией на применение узаконенного насилия и осуществляющая управление обществом с помощью специального механизма (аппарата).

Государство выполняет ряд функций, которые отличают его от других политических институтов. Функции отражают главные направления деятельности государства, его предназначения.

К **внутренним функциям** государства можно отнести экономическую, социальную, организаторскую, правовую, политическую, образовательную, культурно-воспитательную и др.

Экономическая функция заключается в организации, координации, регулировании экономических процессов с помощью налоговой и кредитной политики, создания стимулов экономического роста или осуществления санкций, в обеспечении макроэкономической стабильности.

Социальная функция государства – забота о человеке как о члене социума: удовлетворение потребностей людей в жилье, работе, поддержании здоровья, образовании; поддержка незащищенных групп населения и т.д.

Организаторская функция заключается в упорядочении всей властной деятельности: принятии, организации и исполнении решений, формировании и использовании управленцев, осуществлении контроля за исполнением законов, осуществлении координации деятельности различных субъектов политической системы и т.д.

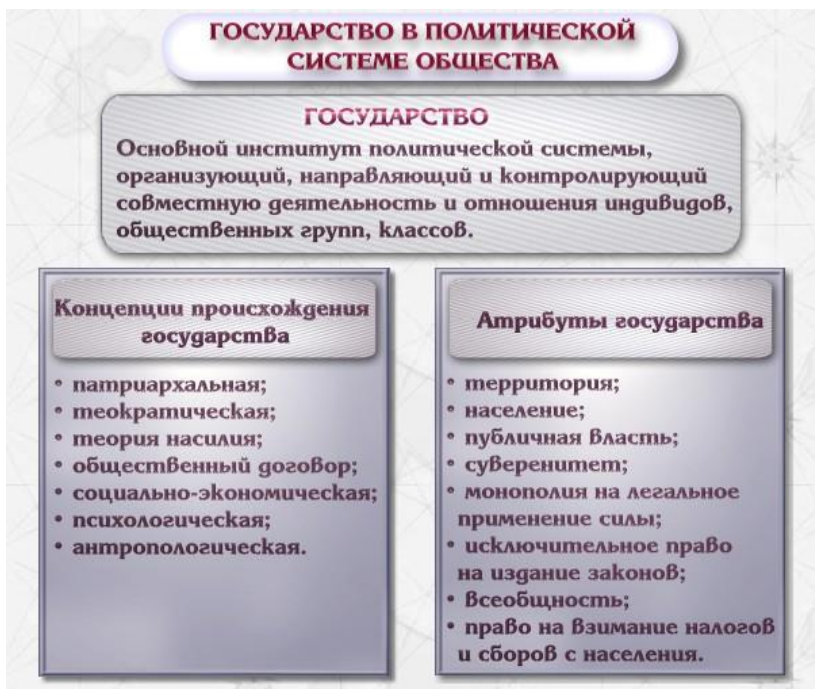
Правовая функция включает обеспечение правопорядка, установление правовых норм, регулирующих общественные отношения и поведение граждан.

Политическая функция государства состоит в обеспечении политической стабильности, осуществлении властных полномочий, выработке программно-стратегических целей и задач развития общества.

Образовательная функция реализуется в деятельности государства по обеспечению демократизации образования, его непрерывности, предоставлении людям равных возможностей его получения и т.д.

Культурно-воспитательная функция государства направлена на создание условий для удовлетворения культурных запросов людей, формирования высокой духовности, гражданственности.

Среди *внешних функций* следует выделить функцию взаимовыгодного сотрудничества в экономической, политической, культурной и других сферах с другими государствами, а также функцию обороны страны.

Обороноспособность, суверенитет, независимость, территориальная целостность составляют национальную безопасность любого государства.

Национальная безопасность является той категорией политики, которая обозначает способы, средства, формы обеспечения национальных интересов как внутри страны, так и в системе международных отношений. Анализ теоретических представлений по национальной безопасности позволяет рассматривать категорию национальных интересов отдельно от политики безопасности. Эти категории отражают разные функции внешнеполитического процесса, который делится на две фазы: фазу формирования внешней политики и фазу ее реализации в системе международных отношений. Категория интереса (осознание объективных потребностей государства) относится к первой фазе, безопасности – ко второй. Формирование концепции национальных интересов должно предшествовать выработке политики национальной безопасности.

После распада СССР в мире сложилась **новая геополитическая ситуация**, для которой характерны:

изменение соотношения сил после роспуска Варшавского договора в пользу НАТО. Его границы в недалекой перспективе достигнут государственной границы России, и тогда она фактически будет одна противостоять военной мощи НАТО;

необходимость для России выработки такой модели поведения на международной арене, которая позволила бы ей проводить международную политику, отвечающую ее национальным

интересам. Это осложняется заметным снижением экономического и военного потенциала страны;

наличие у России лишь одного фактора, заставляющего с ней считаться, – обладание ядерным оружием;

существенное уменьшение международного авторитета России вследствие снижения ее экономической, технологической и военной мощи. При решении острых международных проблем мнение российского государства практически не учитывается, как, например, при разрешении «югославского кризиса».

Современное понимание национальных интересов России нашло отражение в двух стратегических документах – Концепции национальной безопасности и Концепции внешней политики.

Новая Концепция внешней политики утверждена Президентом РФ В. В. Путиным 30 июня 2000 г. Необходимость разработки обновленной внешнеполитической платформы прямо связана с принятием в начале 2000 г. в России *новой Концепции национальной безопасности*. Она является базовым документом, содержащим анализ внешних угроз безопасности Российской Федерации. Концепция внешней политики развивает эту проблематику применительно к конкретным областям внешнеполитической деятельности российского государства.

Целями внешней политики России провозглашаются: обеспечение надежной безопасности, суверенитета и территориальной целостности государства; создание благоприятных внешних условий для его поступательного развития, подъема экономики; укрепление гражданского общества, защита прав и свобод наших граждан и соотечественников.

Среди приоритетных направлений внешней политики России можно выделить следующие.

Строительство демократической многополярной системы международных отношений. В политике западных государств, особенно в последние годы, обозначилось стремление к однопольной модели мироустройства, основанной на доминировании ограниченного круга наиболее развитых государств во главе с США. Предпринимаются попытки принизить значение суверенного государства как основополагающего элемента международных отношений, внедрить в международный оборот концепции типа «гуманитарной интервенции» в целях оправда-

ния односторонних силовых акций в обход Совета Безопасности ООН.

В Концепции не отвергается значение военной силы в международных отношениях и положительная роль миротворческих операций, но подчеркивается пагубность попыток принизить роль и международные права суверенного государства и недопустимость решения международных проблем силовыми методами без соответствующих санкций ООН, региональных и субрегиональных организаций.

Сотрудничество с государствами СНГ. Предполагается развитие добрососедских отношений и стратегического партнерства с государствами Содружества, углубление взаимовыгодных интеграционных процессов. «Первостепенной задачей является укрепление Союза Беларуси и России как высшей на данном этапе формы интеграции двух суверенных государств».

Отношения со странами Европы. Интересам России отвечало бы создание на континенте стабильной, недискриминационной и всеобъемлющей системы европейской безопасности.

В российском понимании европейская интеграция – это единая Европа на принципах демократии и взаимного уважения, а не создание замкнутых оазисов благополучия.

Евросоюз

Отношения с США. В Концепции внешней политики подчеркивается, что российско-американское взаимодействие является необходимым условием обеспечения глобальной стратеги-

ческой стабильности. Прежде всего это касается проблем разоружения, контроля над вооружениями и нераспространения оружия массового уничтожения, а также предотвращения и урегулирования наиболее опасных региональных конфликтов.

Отношения со странами Азии. В шкале внешнеполитических приоритетов России возрастает значение Азии. В отношении Китая, в частности, ставится задача приведения масштабов экономического взаимодействия в соответствие с уровнем политических отношений. Подчеркивается заинтересованность России в развитии регионального сотрудничества в рамках Форума «Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества» и Ассоциации стран Юго-Восточной Азии, а также в активизации деятельности «шанхайской пятерки» (Россия, Китай, Казахстан, Киргизия, Таджикистан).

В отношении государств Ближнего Востока, Средиземноморья, Африки, Южной и Центральной Америки в Концепции выделены, главным образом, те направления сотрудничества, которые реально представляют или могут представлять интерес для России в политическом или экономическом аспектах.

Реализм новой внешнеполитической концепции России – это признание и осмысление новых реальностей мирового развития, в том числе тенденций *глобализации*.

Следует выделить три измерения понятия «глобализация», важных с точки зрения науки о международных отношениях:

а) глобализация – это исторический процесс, развивающийся на протяжении многих столетий;

б) глобализация означает гомогенизацию мира, жизнь по единым принципам, приверженность единым ценностям, следование единым обычаям и нормам поведения, стремление все универсализировать;

в) глобализация – это признание растущей взаимозависимости, главным следствием которой является подрыв, разрушение национального государственного суверенитета под напором действий новых акторов общепланетарной сцены – глобальных фирм, религиозных группировок, транснациональных управленческих структур, которые взаимодействуют на равных не только между собой, но и с самими государствами – традиционными действующими лицами международных отношений.

Тенденции к глобализации международных отношений носят сложный и противоречивый характер. Сегодня просматриваются два варианта развития международных отношений в условиях глобализации. Один из них – использование ее возможностей в основном для индустриально развитых стран, представляющих так называемый золотой миллиард человечества, в целях обеспечения их стабильности, устойчивого экономического и социального развития и благополучия. Другой – объединение национальных усилий для решения проблем глобализации, создание механизмов регулирования ее процессов в интересах всех членов мирового сообщества. Цели и задачи внешней политики государств, тенденции развития важнейших регионов и всего мирового сообщества в условиях глобализации международных отношений будут все больше увязываться с перспективами выживания земной цивилизации.

Фактор глобализации задает новые критерии оценки реального положения и роли страны в мире, видоизменяет традиционные представления о мощи держав в мировой политике. Зафиксированное в Концепции смещение акцентов в представлении о величии держав вносит важные коррективы в национальные приоритеты, выводит на передний план задачи экономической и социальной модернизации, превращения России в сильную и успешную страну – прежде всего, в экономическом отношении.

С учетом этого еще более весомым выглядит положение Концепции о том, что важнейшими компонентами национальной мощи Российской Федерации становятся сегодня интеллектуальные, информационные и коммуникационные возможности, благосостояние и образовательный уровень населения, баланс научных и производственных ресурсов, концентрация финансового капитала и разнообразие экономических связей.

Россия активно вовлечена во все мировые процессы, включая глобализацию. Для России глобализация таит в себе немало опасностей. Задача внешней политики помочь минимизировать эти опасности, в частности, содействовать формированию таких международных механизмов, которые обеспечивали бы наиболее благоприятные условия устойчивого развития российской экономики, ее органичное встраивание в систему мирохозяйст-

венных связей при должном учете факторов, определяющих экономическую безопасность страны.

По мнению специалистов, развитие политической обстановки в мире в первой половине XXI века будет определяться продолжающимися процессами глобализации и связанными с ними интересами США упрочить свое положение как единственной сверхдержавы в однополюсном мире и в противовес этому – попыткам региональных центров силы уменьшить влияние Соединенных Штатов на мировую политику.

Мировое сообщество оказалось перед фактом роста региональной конфликтности, вызванной столкновением жизненно важных интересов ведущих государств мира. Следствием этого стало объединение усилий ряда государств по противостоянию давлению США и ускорению процессов формирования региональных и субрегиональных организаций по безопасности. При этом многие государства еще не определили стратегическое направление своего развития и не сделали окончательного выбора принадлежности к той или иной коалиции государств.

Все это не позволяет дать более четкую и точную прогнозную оценку того, в каком конкретном направлении могут развиваться межкоалиционные и межгосударственные отношения. Однако с достаточной степенью определенности уже в настоящее время можно предвидеть, на какой «почве» в перспективе вероятно возникновение кризисных ситуаций, которые могут отразиться и на состоянии национальной безопасности России. Наиболее вероятными из них могут быть следующие:

1) стремление США и их ближайших союзников к доминированию в мировом сообществе (при предпочтении многими другими государствами многополюсной модели мироустройства);

2) процесс разделения человечества по культурно-этническому и религиозному признакам. Имевшее ранее место противостояние капиталистической и социалистической систем «Запад-Восток» может трансформироваться в противостояние между так называемым богатым Севером и бедным Югом или между христианством и исламом;

3) быстрое уменьшение относительной численности населения в индустриально развитых государствах (в том числе и России) по сравнению со странами «третьего мира»;

4) резкое усиление борьбы за рабочие места в глобальном масштабе, т.е. увеличение размеров законной и незаконной миграции населения;

5) существенное нарастание гонки вооружений и распространение в мире ракетно-ядерных технологий и др.

Итак, национальная безопасность – это политика, направленная на защиту и реализацию национальных интересов страны. Данная политика может принимать разнообразные формы и использовать различные средства: экономические, дипломатические, военные и т.д. Но все государства, проводя политику национальной безопасности, защищают свои интересы. Разница заключается лишь в том, какими финансовыми ресурсами обеспечивается эта политика. Понятно, что ее финансирование определяется не только целями государства на международной арене, но и его финансовыми возможностями, которые в свою очередь зависят от экономического потенциала страны. Например, если государство претендует на роль великой державы и при этом выделяет на внешнюю политику 1 млрд дол., заранее можно сказать, что его попытки обречены на провал, так как практика великих держав свидетельствует, что для завоевания подобного статуса необходимо как минимум в 50–60 раз больше. Но если государство тратит на внешнюю политику, допустим, 50 млрд дол., а его экономический потенциал, определяемый через ВВП, составляет около 250 млрд, то оно начнет себя разорять, поскольку для поддержания внешнеполитических расходов на таком уровне требуется ВВП не ниже 1 трлн дол. Другими словами, все звенья цепочки *международная безопасность – национальные интересы – национальная безопасность – внешнеполитический потенциал – экономический потенциал* взаимоувязаны, а взаимоотношения между ними определяются законами экономической массы, центра силы, силы и оптимального соотношения между затратами на внешнюю и внутреннюю политику. При несовпадении фундаментальных национальных интересов двух стран выигрывает тот, кто тратит большие суммы на политику национальной безопасности или на внешнюю политику вообще.

Структура международных отношений и содержание системы международной безопасности не просто взаимосвязаны. Существует следующая закономерность: содержание системы

международной безопасности определяет тот, кто доминирует в геостратегическом пространстве международных отношений. Т.е. международная безопасность в конечном счете совпадает с национальной безопасностью страны-гегемона или лидера.

Этот вывод подтверждается исторической практикой. Так, после поражения Наполеона контекст безопасности в Европе обуславливали страны-победительницы – Россия и Великобритания, пока первая не потерпела поражение в Крымской войне.

Политическая карта мира

В годы холодной войны международная безопасность определялась биполярной структурой международных отношений, иначе говоря, двумя сверхдержавами – США и СССР. Сегодня, когда воцарился однополярный мир, возглавляемый США, международная безопасность устанавливается странами «золотого миллиарда». Поэтому им нет необходимости отдельно формулировать категорию международной безопасности – она сформулирована в их концепциях национальных интересов. В результате нынешняя глобальная структура международной безопасности отвечает главным образом интересам западных держав. А там, где их интересы ущемляются, они быстро «исправ-

ляют» ситуацию, не останавливаясь и перед применением военной силы. Это можно проследить на примерах Европы, Ближнего и Среднего Востока, Латинской Америки. Но имеется довольно обширная зона международной безопасности, где Запад заинтересован в сотрудничестве со всеми. Это международный наркобизнес, терроризм, коррупция, экология и особенно проблема распространения оружия массового уничтожения.

Теории происхождения государства. Древнейшей из всех является теологическая теория, возникшая с первыми рабовладельческими государствами. Ее представители (в Средние века – Фома Аквинский, в наше время – Д. Эйве, Ж. Маритэн) исходят из того, что источником государственной власти является божественная воля: государство существовало всегда, оно вечно и народ должен во всем ему повиноваться. Основанием этой теории является вера в Бога, божественное начало всего сущего. Однако и в других современных теориях не отрицается, что в возникновении государства определенную роль сыграли жрецы, храмы, религия, церковь. Государство есть некая часть универсального порядка, создателем и правителем которого является Бог. Цель и оправдание государства – предоставить человеку удовлетворительные средства существования, дать основу для морального и умственного развития.

Ирригационная теория обращает особое внимание на то обстоятельство, что в некоторых регионах земного шара земледелие было невозможно без искусственного орошения (например, в Древнем Египте), поэтому возникла необходимость в организации крупных общественных работ по строительству ирригационных сооружений (плотин, каналов и т.п.). Для этого и был создан специальный аппарат – государство.

Начало европейской традиции отношения к государству можно обнаружить в античности, когда зарождается органический подход к политическому сообществу, как к естественному проявлению человеческой природы и неизбежному результату ее эволюции. Греки объясняли происхождение и существо государства общительной природой человека. Платон видел причину возникновения государства в существовании у людей разнообразных потребностей, с одной стороны, и ограниченных возможностей к их удовлетворению в одиночку, с другой. «Испытывая нужду во многом, многие люди собираются воедино, что-

бы обитать сообща и оказывать друг другу помощь: такое совместное поселение и получает у нас название государства...» По Аристотелю, государство вообще предшествует индивиду, поскольку «человек по природе своей есть существо политическое» и не может жить вне общности. Именно наличие государства и политики отличает людей от прочих живых существ. Ведь государство служит удовлетворению специфической потребности человека – потребности в общении. Тот, кто не способен вступить в общение, не составляет элемента государства, т. е. живет вне политики, «становясь либо животным, либо божеством». Выстраивая иерархию социальных форм, Аристотель на низшей ступени помещает семью. Она предназначена для удовлетворения повседневных биологических и материальных нужд. Более сложная форма – совместное поселение – позволяет удовлетворить потребность в дружелюбии. Обе эти формы необходимы для обеспечения жизни. Но только государство существует не просто по необходимости, для поддержания жизни. Оно создается ради установления хорошей жизни и представляет собой не просто общение, но высшую форму общения, направленного на достижение высшего блага.

Надо сказать, что предметом изучения великих философов были полисы, т.е. города-государства, являвшиеся основной формой политической организации древних греков и обладавшие рядом специфических черт, получивших отражение в античных теориях государства. Среди них следует особо отметить автаркичность, самодостаточность гражданских общин и их тождественность государству.

Римские авторы, прежде всего Цицерон, опиравшиеся на политический опыт своего государства, расширили пределы человеческого общения, выведя его за рамки полиса, на уровень человеческого рода в целом. Они предложили и новую трактовку государства, также определившую один из подходов к его пониманию, развиваемый вплоть до сегодняшнего дня.

Несмотря на очевидное влияние Аристотеля, Цицеронову трактовку государства отличает сильный правовой акцент. Хотя целью возникновения государства Цицерон, вслед за автором «Политики», считает удовлетворение врожденной потребности людей жить совместно, однако римский юрист подчеркивает, что не всякое объединение людей создает государство. Только

«соединение многих людей, связанных между собою согласием в вопросах права и общностью интересов» представляет собой народ, и именно ему свойственно иметь государство. Отсюда знаменитый вывод Цицерона: «государство есть достояние народа» (*res publica*). Цицерон обосновывает фундаментальную связь между природой государства и правами собственности. Правовая концепция, предложенная Цицероном, положила начало весьма долговечной и влиятельной традиции юридического толкования государства.

Цицероново определение государства было почти дословно воспроизведено Августином и вследствие этого пользовалось большим авторитетом на протяжении всего средневековья. Но теперь светская концепция превращается в религиозную. Под пером средневековых мыслителей произошла христианизация греко-римской политической теории. Однако в это время доминирует стремление выяснить причину возникновения не столько государства, сколько одного из его элементов — власти, которой приписывалось божественное происхождение. В результате, с одной стороны, идея божественного происхождения всякой власти, обоснованная с помощью текстов Священного Писания, побуждала римских первосвященников претендовать не только на духовную, но и на светскую власть. С другой — те же предпосылки способствовали появлению теории божественного права королей. В то же время сложившаяся в Средние века феодальная система, построенная на вотчинных началах, стала основой для теории вотчинного государства, рассматривавшей государственную власть как проявление права собственности на землю.

Структура феодального общества носила характер фрагментированный. Жизнь людей была связана с большим количеством разного рода ассоциаций. Самые крупные из них, а также такие организации, как цехи, церковь, различные объединения знати, подчинялись собственным законам и судам. Монархи далеко не во всем и не всегда занимали высшее, суверенное положение. Нередко королевская власть рассматривалась как выборная должность, и совсем не обязательно она была наследственной. Часто правители выступали не в качестве источника права, а как объекты его применения. Средневековые монархи искали и находили опору своей власти не только у знати, но и у других

сословий. Единственная власть, преодолевавшая все групповые приверженности, власть католической церкви.

Постепенное усложнение социальной структуры европейского общества привело к возникновению в XIV и особенно в XV в. самостоятельных в политико-правовом отношении корпораций (*universitates*), княжеств и городских коммун, независимых от светского (германский император) и духовного (папа) главы христианского мира. Именно эти «новые» европейские государства все чаще становятся предметом внимания философов и юристов. В это время и в отношении к этим политическим сообществам слова «республика» и «монархия» приобретают свой современный смысл и становятся обозначениями форм правления, уступая место понятию «государство» для обозначения политического сообщества как такового. Классическое выражение эта ситуация нашла в первых же строках «Государя» Никколо Макиавелли: «Всякое государство (*lo stato*)... либо является республикой, либо подвластно государю».

Формирование властных структур современных государств происходило на протяжении XVI–XVII вв. Европейские монархи постепенно подчиняли себе земельную аристократию. Военные силы были приведены к безусловному и исключительному подчинению королевской власти. Завоевание, обложение налогами и строительство государственных учреждений происходили почти одновременно. В то время, когда правители захватывали территории и подчиняли их население, королевская бюрократия создавала систему извлечения ресурсов, необходимых для ведения войн. Это была более совершенная система, обеспечивавшая более стабильные поступления, чем примитивная дань или военная добыча. Таким образом, государства развивались как средства обеспечения прежде всего военных амбиций отдельных правителей. Местные модели управления и образцы обычного права постепенно стандартизировались.

В основе новых теорий государства оказывается представление о природе человека принципиально отличное от взглядов античных авторов. Теперь человек не мыслится как существо, изначально склонное к общественному существованию. Его естественное состояние противопоставляется государственному. Государство оказывается не требованием природы человека, а искусственным продуктом человеческого разума, осознающе-

го невыгоды естественного состояния. Среди множества неудобств, побуждающих людей выйти из естественного состояния, описанных различными мыслителями, важнейшими являются, пожалуй, отсутствие гарантий личной безопасности и прав собственности. А поскольку предполагалось, что в естественном состоянии ни один человек не имел власти над другими, то создание государства могло быть только результатом договора.

Основатель договорной теории происхождения государства Т. Гоббс описывал естественное состояние как «войну всех против всех», обусловленную отсутствием власти и наличием у людей присущих им от природы страстей. Заключение общественного договора, посредством которого люди отказываются от своего естественного «права на все» и передают его одному лицу, облакаемому верховной властью (суверену), Гоббс считал выходом из этого состояния и актом создания государства. В трактовке другого мыслителя XVII в., Джона Локка, естественное состояние не выглядит столь ужасающе, а человек в нем наделен не только целой суммой прав, но и подвержен ограничениям, вытекающим из человеческой природы. Однако в любом случае человеку в естественном состоянии недостает не прав, а их обеспечения, которое и дает государство, учреждаемое по договору именно для этой цели. Таким образом, благодаря теориям общественного договора постепенно сформировалось представление о государстве как учреждении, призванном обеспечивать естественные права человека.

Новую интерпретацию получает теория общественного договора у Ж. Ж. Руссо. По его мнению, собравшись для учреждения государства, люди хотят найти форму объединения, которая бы защищала и обеспечивала личность и достояние каждого члена общества так, чтобы каждый, соединяясь с другими, повиновался бы только самому себе и «оставался бы столь же свободным, как и прежде», т.е. в естественном состоянии. Руссо исходит из того, что человеческая свобода неотчуждаема. Вступая в общественный договор, масса людей образует народ, в котором объединяется их общая воля и которому принадлежит верховная власть (суверенитет). Эта общая воля, как и свобода каждого отдельного человека, также неотчуждаема. Следствием такой трактовки стало глубоко укоренившееся в европейской традиции с XVIII в. представление о том, что отношения между

управляющими и управляемыми предполагают признание за последними неприкосновенности некоторых личных и имущественных прав. Немаловажно и то, что эти права должны быть обеспечены государством в равной мере для всех граждан. Идея народного суверенитета, таким образом, постепенно вытесняет концепцию суверенитета правителя.

Договорная теория возникновения государства во всех ее разновидностях описывает государство как искусственное образование, созданное волей человека и потому имеющее ограниченные функции. В противоположность этому подходу сформировались иные концептуальные интерпретации происхождения и целей государства. К ним относится, например, органическое учение о государстве, корни которого можно увидеть в концепциях античных философов. Согласно ему, право, как одна из форм единства человека с Богом, лежит в основе общества, а государство призвано обеспечить реализацию права. Будучи проникнуто единым началом целесообразности, государство является организмом, созданным природой.

К аристотелевой трактовке отсылает нас и гегелевское учение о государстве, рассматривающее его как воплощение этической идеи общества, «шествие Бога в мире», максимальное выражение человеческой свободы. Отождествление признания государства с реализацией общего блага приводит некоторых мыслителей к обоснованию теории просвещенного абсолютизма, а в некоторых случаях и к оправданию практики полицейского, а позже тоталитарного государства. Во имя обеспечения общего блага такое государство берет на себя руководство всеми видами человеческой деятельности, вмешивается в религиозную, культурную и хозяйственную жизнь граждан, регламентирует все стороны жизни общества, тем самым парализуя личную предприимчивость и общественную самостоятельность.

Из иных оснований исходят концепции правового государства (*Rechtsstaat*). Апологеты классического либерализма видели источник прогресса в личной инициативе отдельных людей, а общественное благополучие – в сложении частных благосостояний. Задача государства, по их мнению, ограничивается обеспечением безопасности и законной свободы каждого, причем средствами преимущественно судебной защиты. Осуществляя функцию установления права (законодательство), т.е. буду-

чи субъектом права, государство тем самым определяет границы деятельности не только отдельных лиц и ассоциаций, но и устанавливает пределы своей собственной правомочности. Оно само создает правовой порядок, согласно которому не только может требовать законопослушания от граждан, но и кладет пределы собственной способности вторгаться в их жизнь. Государство, которое соблюдает рамки, установленные правом, является правовым. Его отличие – в самоограничении, в следовании принципу законности, согласно которому всякий акт государственной власти основывается на законе. Поскольку в большинстве современных государств основы государственного права изложены в конституциях, для обозначения такого государства часто используется термин конституционное правление.

Реализуя требования конституции и других законов через специально созданные для этого органы, определяя пределы применения какой-либо нормы и объем и возможности наказания за несоблюдение законов, разрешая споры, возникающие внутри общества, а также между гражданами и органами государственной власти, государство исполняет еще одну из важнейших своих функций – отправление правосудия.

Наряду с установлением права и отправлением правосудия государство также призвано заниматься управлением. Выполнение этой функции предполагает осуществление целей, которые ставит перед собой государство. Среди важнейших задач, решаемых современными государствами, – самосохранение. Для реализации этой цели государства создают соответствующие структуры и организации, включая силовые (армия, полиция и т.д.). В то же время можно назвать цели, от реализации которых современные государства в большинстве своем отказываются. К ним относится управление религиозной жизнью общества. Надо сказать, что отношения государства и церкви на протяжении европейской истории были сложными. Однако на сегодня взаимные притязания, с одной стороны, религиозных организаций на вмешательство в сферу государственного управления, с другой – государства на регулирование вопросов религиозной жизни граждан, остались в прошлом.

А вот участие в управлении экономикой в условиях индустриального и постиндустриального развития стало и остается предметом острых дискуссий. В ходе промышленной револю-

ции конца XVIII–XIX вв. получил распространение и широкую поддержку принцип *laissez faire*, предполагающий невмешательство государства в свободную рыночную экономику, основанную на индивидуальной свободе и предприимчивости. Однако следствием бурного развития свободного рыночного капитализма стали не только невиданные прежде производительность, концентрация капиталов и производства, но и вопиющие социальные язвы в виде нищеты, тяжелой эксплуатации рабочих, детского труда, отчуждения работников и т.д.

Оказалось, что индивидуальная свобода есть свобода не только политическая, но и экономическая; что ради соблюдения политического равенства государство должно гарантировать гражданам не только права, но и определенные социальные возможности. Постепенно формируется представление о том, что государство может выполнять функции перераспределения некоторой доли общественного богатства в пользу слоев, не могущих обеспечить себе благополучие в условиях неограниченной рыночной конкуренции. Хотя основы социального государства закладывались во многих европейских странах уже в период начального капиталистического развития, но действительно расцвета оно достигло только после распространения всеобщего избирательного права и становления институтов представительной демократии. Возникновение соревновательных партийных систем легализовало социальный конфликт, превратив избирательное соревнование в демократическое выражение классовой борьбы, а распределительную функцию государства в одну из ключевых составляющих государственной политики и предмет жаростных политических дискуссий между претендентами на государственную власть. Уже после Второй мировой войны государственные программы финансирования здравоохранения, образования, помощи безработным и пенсионерам стали неотъемлемой частью государственной политики многих стран. Однако объем и масштабы допустимого вмешательства государства в экономическую жизнь по сей день остаются предметом острых дебатов, как среди теоретиков, так и среди практических политиков.

По мнению сторонников теории насилия (Л. Гумплович, К. Каутский), государство возникло потому, что в первобытном обществе сильные племена покоряли слабые, и чтобы управлять

завоеванными территориями и обеспечивать покорность, создали специальный аппарат управления и подавления. Государство есть результат прямого политического действия – внутреннего или внешнего насилия, завоевания. Следствием победы большинства над меньшинством или более сильного племени над более слабым является учреждение победителями государства. Оно становится органом управления побежденными. В результате завоевания возникает не только государство, но и деление общества на классы, частная собственность.

Согласно марксистской теории происхождения государства, на определенном этапе формирования общества вследствие развития его производительных сил (отделения скотоводства от земледелия, появления ремесел, торговли) появляются излишки продуктов сверх необходимого для личного потребления, и они накапливаются в руках отдельных лиц, т.е. возникает частная собственность, что, в свою очередь, приводит к расколу общества на классы с противоречивыми интересами (богатые и бедные, рабы и рабовладельцы). В результате экономически господствующему классу (рабовладельцам) понадобилось государство как специальный аппарат, «машина», с помощью которой можно удерживать в повиновении угнетенный класс. Происхождение государства объясняется расколом общества на антагонистические классы вследствие разделения труда и появления частной собственности. Государство появляется как результат непримиримости классовых интересов, как политическая организация экономически господствующего класса и орудие подавления им других классов и слоев.

Политическая теория, наряду с классовыми, выделяет и другие причины возникновения государства:

углубление общественного разделения труда, выделение управления в целях повышения его эффективности в специальную отрасль общественной деятельности. По мере развития производительных сил, расширения хозяйственных и иных связей, укрупнения человеческих общностей у общества появилась потребность в усилении управленческих функций и сосредоточении их у определенных лиц и органов;

демографические факторы, изменения в воспроизводстве самого человека. Здесь имеется в виду рост численности и плотности населения, переход народов от кочевого к оседлому обра-

зу жизни, запрет кровосмешения и упорядочение брачных отношений. Все это повышало потребность общества в регулировании взаимосвязей между людьми, проживающими на определенной территории.

В литературе выделяются и некоторые другие факторы, влияющие на образование государства – географические, этнические и т.п. Тем самым возникновение государственности обусловлено многими причинами, среди которых различные концепции выделяют, как правило, какую-либо одну в качестве определяющей. Государство возникает, существует и развивается как результат усложнения экономической и социальной жизни, как форма удовлетворения потребностей в упорядочении, регулировании и управлении общественными делами.

5.2. Типология государственного устройства

ТИПОЛОГИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА	
По форме правления	☐ монархия (абсолютная, конституционная); ☐ республика (президентская, парламентская, президентско-парламентская).
По административно-территориальной организации	☐ унитарное государство; ☐ федерация; конфедерация.
По политическому режиму	☐ авторитарное; ☐ тоталитарное; ☐ демократическое.
По социально-экономической, классовой природе	☐ рабовладельческое; ☐ феодальное; ☐ буржуазное; ☐ социалистическое; ☐ буржуазной (социалистической) ориентации.

Форма государства – способ организации и осуществления государственной власти, т.е. она раскрывает, как организована власть, какие органы власти имеются, какие методы используются для осуществления власти. Форма государства отражает исторические, географические, экономические и национальные особенности данного государства.

Форма государства складывается из трех элементов: форма государственного правления, форма государственного устройства, политический режим.

Форма правления – организация верховной государственной власти, структура и порядок взаимоотношения высших государственных органов, должностных лиц и граждан. Существует две формы правления: монархия и республика.

Монархия – форма правления, при которой верховная власть принадлежит единоличному (обычно наследственному) правителю, а также государство во главе с таким правителем.

Монархические короны Европы

Существует неограниченная (абсолютная) и конституционная монархия.

РАЗНОВИДНОСТИ МОНАРХИЙ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ		
Абсолютная	Конституционная	Дуалистическая
Власть монарха не имеет серьезных ограничений	Власть монарха ограничена на основе конституции или парламентом	Власть монарха ограничена в сфере законодательства и широко представлена в сфере исполнительной
Страны		
Катар, Оман, Саудовская Аравия, Объединенные Арабские Эмираты	Андорра, Бельгия, Великобритания, Дания, Испания, Норвегия, Таиланд, Япония	Кувейт, Иордания, Марокко

Британская королева Елизавета II

В зависимости от степени такого ограничения различают дуалистическую (двойственную) и парламентскую монархии. В дуалистической полномочия монарха ограничены преимущественно в сфере законодательства и широко представлены в сфере исполнительной власти. При парламентской монархии власть монарха не распространяется на сферу законодательства и значительно ограничена в сфере управления.

Правительство образуется на основе парламентского большинства и ответственно только перед парламентом. В настоящее время монархический строй функционирует в 15% стран мира.

Республика – форма государственного правления, при которой органы власти формируются по принципу выборности. Высшая власть находится у выборных представительных органов. Глава государства выбирается населением. Существуют парламентская, президентская и смешанная республики.

Парламентская республика – ведущая роль принадлежит парламенту, правительство формируется парламентскими партиями. Правительство несет ответственность перед парламентом. Президент избирается парламентом или коллегией выборщиков. Президент – номинальный глава государства. В парламенте одна политическая партия.

Президентская республика – форма государственного устройства, когда президент является главой государства и главой исполнительной власти. Он избирается народом и поэтому несет ответственность. Президент не может распустить парламент, а парламент распустить правительство. Президенту необходима

Неограниченная (абсолютная) монархия характеризуется всевластием главы государства. Монарх – единственный носитель суверенитета.

Ограниченная монархия выступает в двух видах: конституционная, когда власть монарха ограничена конституцией; и парламентская, когда полномочия монарха ограни-

поддержка парламента по главным вопросам. Отношения между ветвями власти основываются на взаимозависимости сдержек и противовесов.

Смешанная республика – соединяется сильная президентская власть и эффективный контроль парламента за правительством.

Президентская	Парламентская	Смешанная
- ведущую роль в политической жизни общества играет президент; - президент (как и парламент) избирается народом; - президент является главой государства и исполнительной власти; - власть в стране более устойчива: законодательная и исполнительная ветви вынуждены сотрудничать	- тон в политической жизни страны задает парламент; - выборный парламент формирует и контролирует правительство; - президент избирается парламентом и является лишь номинальным главой государства; - власть может быть менее стабильной, если парламент раздроблен на конфликтующие партийные группы	- глава государства избирается населением и назначает правительство; - правительство несет ответственность перед парламентом, Возможен досрочный роспуск парламента президентом
Страны		
Боливия, Венесуэла, Мексика, США	Израиль, Индия, Исландия	Австрия, Аргентина, Болгария, Бразилия, Литва, Польша, Португалия, США, Франция, Финляндия

Территориальная организация власти

Унитарное государство – единое, простое государство, которое состоит из административных территориальных единиц, не обладающих собственной властью. Единые законы, сильное централизованное государство.

Существует две разновидности:

децентрализованное (региональная организация формируется на местах. Пример: Великобритания, Испания, Италия);

централизованное (региональная организация подчиняется центру путем назначения лиц из центра. Пример: Узбекистан, Казахстан).

Федерация – союзное государство, состоящее из множества государственных образований, обладающих определенной степенью самостоятельности в тех или иных сферах общественной жизни. Федеративное устройство имеет как положительные стороны (государственное единство; централизация власти в со-

четании с самостоятельностью членов федерации), так и отрицательные (возникает вопрос об объеме суверенитета).

Карта Российской Федерации

Конфедерация представляет собой редко встречающуюся форму организации политической общности. По сути, конфедерация не является в строгом смысле слова государством. На практике конфедерация – это обычно союз нескольких независимых государств, объединившихся для проведения совместной политики в определенных целях (например, для совместной обороны, решения экономических, энергетических, транспортных проблем и т.д.). Долгое время примером конфедерации был Швейцарский союз (1291–1798 и 1815–1848 гг.). Швейцарская конфедерация представляла собой объединение 22 суверенных кантонов с целью организации внешней и внутренней безопасности. Постепенно конфедерация преобразовалась в федерацию: в ведение центральных органов были переданы военный бюджет, армия, назначения дипломатических представителей. Конфедерацией были США со времени завоевания независимости в 1776 г. до принятия конституции континентальным конгрессом в 1787 г. (точнее, до введения ее в действие в 1789 г.), кон-

федерацией являлся Германский союз в 1815–1867 гг. Как показал исторический опыт, конфедерация является одной из нежизнеспособных форм государственного устройства.

5.3. Правовое государство и гражданское общество

Современные демократические государства исходят из концепции народного суверенитета, уходящей корнями в теории общественного договора. Согласно этим представлениям, государство создается по воле народа-суверена, действует через органы управления, которые получают свои полномочия от народа, и существует постольку, поскольку соответствует воле народа. Состав и структура органов власти также должны определяться волей граждан. Тем самым проводится разница между государством и гражданским обществом. Органы государственной власти признаются публичными, поскольку они отвечают за организацию и обеспечение коллективного существования общества и содержатся за счет общественных средств. В противоположность публичным институтам выделяются частные институты гражданского общества. Публичные структуры отвечают за выработку и осуществление коллективных решений, а частные, такие как семья, частные бизнес- и торговые союзы и др., существуют для удовлетворения частных интересов. Однако именно государственные решения связывают всех членов общества в единое целое, поскольку обеспечивают их взаимное существование и должны обладать поэтому определенной легитимностью, отражая потребности, интересы и желания всех граждан как совокупности, общее благо всей социальной целостности.

Правовое государство представляет собой такую форму организации деятельности государственной власти, при которой само государство, все социальные общности, отдельные индивиды уважают право и находятся в одинаковом отношении к нему. Право в этом случае выступает способом взаимосвязи государства, общества и индивида.

Принципы правового государства:

верховенство права и закона;
обеспечение гарантий прав и свобод граждан, высокий
уровень защищенности личности;
взаимная ответственность гражданина и государства;
разделение властей;
равенство всех перед законом и судом;
самостоятельность, независимость суда, подчиненного
только закону.

Понятие «правового государства» предусматривает не столько подчинение государственной власти надконституционным нормам, сколько ограничение ее всемогущества в интересах гарантирования прав отдельного индивида перед лицом государства. Правовое государство само себя ограничивает определенным комплексом постоянных норм и правил. Государство становится правовым именно потому, что оно подпадает под власть права. Праву принадлежит приоритет перед государством.

В правовом государстве четко и точно определены формы, пути и механизмы деятельности государства, пределы свободы граждан, гарантируемые правом.

Общие требования, которым должно отвечать правовое государство:

соответствие законодательства важнейшим интересам всех классов и социальных слоев, тенденциям социально-экономического развития и морально-психологической ситуации в обществе;

ограниченное вплетение законодательства в контекст практического процесса решения насущных проблем;

строгое соответствие текущего законодательства конституционному;

практическое обеспечение верховенства закона по отношению к подзаконным нормативным актам;

диалектическое сочетание стабильности и динамизма законодательства;

наличие отработанных демократических процедур участия граждан в правотворческом процессе;

учет общественного мнения;

наличие совершенного юридического механизма разрешения спорных и конфликтных ситуаций между субъектами права на всех уровнях государственной структуры;

высокий уровень правовых знаний и правовой культуры граждан.

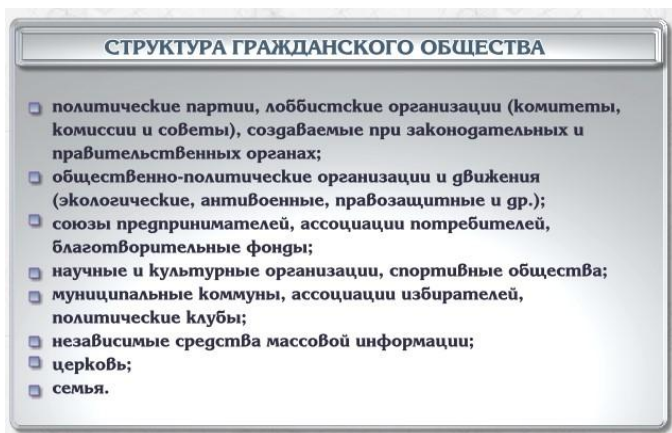
Итак, правовое государство обеспечивает:

- 1) верховенство права и закона;
- 2) максимальную гарантию прав и свобод человека;
- 3) равенство всех перед законом и судом.

Эффективное функционирование правового государства предполагает наличие у него равноправного партнера, каким выступает гражданское общество. Гражданское общество составляет сферу абсолютной свободы частных лиц в отношениях друг с другом. Оно предстает в виде социального, экономического, культурного пространства, в котором взаимодействуют свободные индивиды, реализующие частные интересы и осуществляющие индивидуальный выбор.

Гражданское общество не изобретение нашего времени. Идеи о гражданском обществе существовали и в Древней Греции, и в античном Риме. Но лишь в XVII в. английский философ Т. Гоббс в своих трудах «О гражданине» и «Левиафан» изложил цельную концепцию гражданского общества, возникающего в процессе перехода от состояния первозданных, необузданных страстей к культурному обществу, в котором царит порядок и мир. В дальнейшем идея гражданского общества разрабатывалась Дж. Локком, Ж. Ж. Руссо, И. Кантом и другими мыслителями.

Важными факторами становления гражданского общества являются, во-первых, экономические: многоукладная экономика, разнообразие форм собственности, регулируемые рыночные отношения; во-вторых, политические: децентрализация властных полномочий, разделение властей, политический плюрализм, доступ граждан к участию в государственных и общественных делах, верховенство закона и равенство всех перед ним; в-третьих, духовные: отсутствие монополии одной идеологии и мировоззрения, свобода совести, цивилизованность.

Таким образом, *гражданское общество* – это совокупность общественных отношений, формальных и неформальных структур (групп, коллективов), объединенных специфическими интересами (экономическими, этническими, культурными), обеспечивающих условия жизнедеятельности человека, удовлетворение и реализацию разнообразных потребностей и интересов личности, социальных групп вне деятельности государства.

Гражданское общество и государство взаимно дополняют друг друга и зависят одно от другого. Без зрелого гражданского общества не представляется возможным построение правового демократического государства, поскольку именно сознательные свободные граждане способны создать наиболее рациональные формы человеческого общежития.

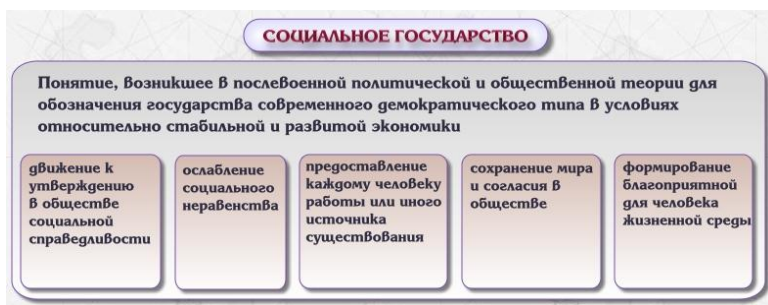
В развитых странах Запада сложился определенный механизм взаимодействия гражданского общества и правового государства. Он включает три основных элемента:

осуществление принципа разделения власти на законодательную, исполнительную, судебную;

создание системы взаимодействия через партии, выборы, представительные органы власти;

функциональное представительство, т.е. развитие каналов связи между государством и обществом в виде различного рода консультационных комитетов и комиссий при государственных структурах, в которых участвуют представители групп и объединений по интересам.

Такой механизм сложился в результате длительной эволюции государства и гражданского общества.

Для успешного функционирования политической системы из возможных вариантов взаимосвязи государства и граждан-

ского общества предпочтение следует отдать сочетанию сильного государства и эффективно функционирующего, уравновешивающего и дополняющего его гражданского общества. Преждевременное свертывание функций государства, искусственное упразднение их или неспособность эти функции осуществлять, например в сфере экономики, – свидетельство слабости государства. А слишком большая независимость, неподконтрольность обществу – свидетельство слабости общества.

Данная проблема особенно актуальна для нашей страны, ибо почти вся история России перенасыщена фактами и примерами насильственного отношения государства к народу, отношения к нему не как к цели, а как к средству.

На международной арене, по крайней мере в теории, государства рассматриваются сегодня как автономные единицы. Они выступают в виде национальных государств, превратившихся после распада великих империй, сначала в Латинской Америке и Европе, а затем в Азии и Африке, в основную форму политической ассоциации людей. Национализм, став общей идеологией человечества, разделил его на территориальные государства, в отличие от других идеологий, действующих внутри или поверх государственных границ. Надо сказать, что национализм достаточно позднее явление и процесс формирования государств исторически предшествовал возникновению наций, хотя ранние государственные образования все же часто формировались вокруг определенных общностей, обладающих сходством языка, культуры и этнических характеристик. В некоторых странах национальное сознание сформировалось мирно и естественно в ходе торговых и других коммуникаций между соседними областями и этносами. В других исторических обстоятельствах оно целенаправленно стимулировалось системой воспитания, патриотическими проповедями и призывами. Нередко процесс национальной ассимиляции включал и насильственное подавление языков и культур подчиненных групп. В современном мире больше половины государств имеют население, в составе которого менее 75% говорит на одном языке. Существуют также стабильные мультилингвистичные государства, такие как Швейцария, и нации, образовавшиеся в результате соединения множества этнических и культурных компонентов, такие как США.

Но в любом случае национальное государство стало продуктом соединения национального чувства с осознанием принадлежности к единому политическому сообществу.

Принадлежность к национальному государству формирует ощущение коллективной идентичности. Особенно сложно складывались и складываются отношения между национальными государствами и этническими общностями. В современных условиях некоторые национальные меньшинства, настаивая на «праве наций на самоопределение», тем самым способствуют дезинтеграции существующих территориальных государств и подрывают их легитимность.

Эти процессы особенно активизировались в последние годы в контексте экономической, социальной, культурной и политической глобализации. В условиях трансформации международного сообщества государств в глобальную систему обменов капиталами и товарами, людьми, знаниями, информацией, модами и верованиями, оружием и проблемами (экологическими, безопасности, защиты прав человека и т.д.), пересекающими территориальные границы, идея национального суверенитета оказалась под вопросом. Необходимость управлять глобальными процессами и неспособность прежних политических образований справиться с этой задачей привели к возникновению политической власти и политической активности за пределами современного национального государства. Хотя правительства и государства остаются главными действующими акторами, они делят теперь арену мировой политики с другими институтами и структурами: международными правительственными и неправительственными организациями, транснациональными корпорациями и группами давления, наднациональными и субнациональными институтами.

Большинство исследователей сходятся во мнении, что под влиянием все более тесных взаимосвязей и взаимозависимостей, свойственных современному миру, происходит перераспределение властных полномочий и функций национальных правительств. Дело в том, что возникающие в последние десятилетия комплексные глобальные системы (от финансовых до экологических) крепко связывают судьбы сообществ, находящихся в рамках различных государств. Новые формы экономической и социальной организации, в том числе порождаемые развитием

транспортных сетей и коммуникационных технологий, пересекают национальные границы, превращая понятие государства, как института территориально ограниченной суверенной власти, скорее в нормативное утверждение, чем в реальность. Процесс детерриториализации социально-экономической жизни трансформирует такие фундаментальные элементы национальных государств, как территория, население и суверенитет. Разрыв между суверенитетом, территориальностью и государственной властью связан также с появлением полновластных нетерриториальных центров власти в виде многонациональных корпораций, транснациональных общественных движений, интернациональных органов регулирования различных сфер жизнедеятельности и т.д. Номинально оставаясь законными обладателями верховной власти над всем, что происходит в пределах национальных границ, органы власти современных государств вынуждены уступать все большее пространство юрисдикции международному праву и международным институтам. Это особенно очевидно на примере стран Европейского союза, где суверенитет разделен между наднациональными, национальными и местными органами управления.

Уменьшение влияния государств и переход власти к другим институтам и объединениям по-разному оцениваются представителями разных идеологических течений. Неолибералы видят в этом процессе не только победу автономной личности и законов рынка над государственной властью, но и начало формирования глобальной цивилизации с присущими ей новыми институтами и механизмами управления. Становление всемирных институтов управления сопровождается, по их мнению, культурной универсализацией и стандартизацией не только экономической, но и политической жизни. Глобальное распространение либеральной демократии рассматривается в этой связи как предвосхищение будущего конца национального государства и предпосылка нового мирового политического порядка – «космополитической демократии».

Для сторонников неомарксистских и других левых взглядов главным следствием глобализации, понимаемой главным образом как процесс экономической интеграции, является усиление структурного неравенства, как внутри отдельных стран, так и между странами.

Однако практически единодушным является мнение, что возникающее всемирное разделение труда и глобальная конкуренция делают во многом несостоятельными созданные в прошлом модели социальной защиты. Во многих странах происходит демонтаж или серьезное реформирование социального государства, государственная политика, направленная на достижение всеобщего благосостояния оказывается неэффективной. Правительства национальных государств, заметно ограниченные в своих возможностях управлять социальными последствиями глобализации, продолжают тем не менее нести ответственность за них перед своими народами. Таким образом под угрозой оказываются не только полномочия, но и легитимность национального государства.

В то же время многие исследователи отмечают положительные последствия глобализации для развития отношений между государством и гражданами. Усиление роли институтов глобального и местного управления, влекущее за собой сужение суверенитета и автономии государства, одновременно создает благоприятные условия для расширения глобальных коммуникаций и кооперации между народами, тем самым способствуя возникновению «глобального гражданского общества».

В целом, по мнению большинства исследователей, происходит сдвиг от политики, сконцентрированной в рамках национального государства, к новой более сложной форме разветвленного глобального правления, к формированию институтов мировой политики. Для описания этого будущего мирового политического порядка иногда используется аналогия с эпохой европейского Средневековья, когда ни одно государство не было суверенным в смысле обладания верховной властью над той или иной частью христианского мира. Каждый правитель должен был делить свою власть либо с вассалами, стоящими ниже его на феодальной лестнице, либо с папой римским, либо с императором. Современные государства, согласно этой точке зрения, также все более вынуждены делить свою власть с региональными и международными властными структурами, а также с частными и общественными организациями, к которым вообще не применимо понятие суверенитета, поскольку они не относятся ни к государству, ни к нации.

Контрольные вопросы и задания

1. Рассмотрите изложенные ниже концепции возникновения организованных преступных групп (мафии). Каким образом эти концепции трактуют взаимосвязь между характером государства и ростом преступности?

А. Согласно концепции Э. Блока, возникновению мафии способствовала функциональная слабость государства, его низкая эффективность в сфере регулирования взаимоотношений социальных групп. Там, где государство не справлялось со своими обязанностями, функцию посредника между социальными группами начинала выполнять мафия. Фактически она нелегально регулировала отношения между различными социальными слоями, подавляя и разрешая возникающие конфликты, вырабатывая неофициальные, но строгие нормы и санкции. Деятельность мафии обеспечивала некоторый социальный порядок и находилась под покровительством коррумпированных представителей власти.

Б. Исследования социолога Д. Гамбетты сицилийской мафии привели его к выводу относительно трех предпосылок, способствовавших ее возникновению. Во-первых, это отсутствие доверия между частными лицами, характерное для периода формирования капиталистических отношений. Во-вторых, утрата государством монополии на применение насилия. В-третьих, существование значительного числа лиц, обладающих необходимыми навыками в применении насилия (бывшие военнослужащие, работники спецслужб и т.п.), но не нашедшие своего места в обществе.

2. Сравните основные достоинства и недостатки федерализма. Приведите примеры из политической жизни современной России, подтверждающие перечисленные вами достоинства и недостатки федерализма.

Достоинства федерализма	Недостатки федерализма
1.	1.
2.	2.
3.	3.

3. Каким формам правления свойственно формирование правительства из представителей партий, получивших большинство голосов на выборах в парламент страны?

4. Американский политолог Х. Линц утверждает, что «парламентаризм придает политическому процессу определенную гибкость, тогда как системе президентского правления присуща жесткость». Можно ли согласиться с этим выводом? Аргументируйте свое суждение.

5. Раскройте смысл идеи гражданского общества.

Учебное издание

Трофимов Андрей Владимирович
Коноплева Лариса Александровна

ПОЛИТОЛОГИЯ

Часть I Темы 1–5

Курс лекций

Редактор и корректор *Н. А. Попова*

Компьютерная верстка *Ю. А. Микериной*

Поз. 316. Подписано в печать 28.12.2010.

Формат 60 × 84 ¹/₁₆. Гарнитура «Таймс». Бумага офсетная.

Печать плоская. Уч.-изд. л. 14,5. Усл. печ. л. 16,5.

Заказ 97. Тираж 200 экз.

Издательство Уральского государственного экономического университета
620144, Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной воли, 62/45

Отпечатано с готового оригинал-макета в подразделении оперативной полиграфии
Уральского государственного экономического университета